

Поэзия

МОЛОДОЙ ЛЕНИНГРАД

Поэзия

МОЛОДОЙ
ЛЕНИНГРАД

МАСТЕРСКАЯ

МОЛОДОЙ ЛЕНИНГРАД

Сборник
МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

ББК 84.Р7
М75

Редакционная коллегия

КУШНЕР А. С. — *главный редактор*

АГЕЕВ Л. М.

ГОПШЕ Г. Б. — *составитель*

ТАРУТИН О. А.

ФОНЯКОВ И. О.

Художник Виктор Левченко

М $\frac{4702010202-042}{083(02)-89}$ 227-89

ISBN 5-265-00726-1

© Издательство «Советский писатель», 1989 г.

Составители этого сборника прочли 196 стихотворных рукописей. Может ли быть сегодня в Ленинграде 196 молодых поэтов? И это не считая тех, кто не подавал своих стихов в «Молодой Ленинград»? Разумеется, нет. Не может быть и 105, хотя именно столько имен представлено в этом издании.

Почему же мы, составители, не провели более жесткого отбора, не ограничились двадцатью или тридцатью именами? Нам хотелось показать читателю по возможности более широкую панораму молодой и, скажем прямо, не очень молодой ленинградской поэзии — ведь среди участников сборника немало людей, перешагнувших тридцатилетнюю черту.

Долгое время молодая поэзия была, что называется, в загоне, с трудом пробивалась на страницы журналов и альманахов. Это привело к осязательным потерям. Многие из тех, кто подавал надежды еще в конце 60-х и затем в 70-е годы, так и не смогли пробиться в печать, завоевать себе место под солнцем.

Отсутствие выхода к читателю, отсутствие нормальной возможности сверить свою поэтическую работу с читательским откликом приводит к застою, самоповторению, разочарованию в себе и своих силах или к мании величия, преувеличенному представлению о своих достижениях и свершениях.

Вот почему нам хотелось как можно полней отразить сегодняшнее состояние молодой поэзии, для чего иногда — даже перешагнуть, насколько это возможно, через собственные вкусы и пристрастия.

Нас было пятеро. Басня про лебедя, рака и щуку, наверное, имеет отношение и к нам. Кое-что заслуживающее внимания при коллективном отборе не попало на эти страницы — к досаде каждого из нас в отдельности, — и все-таки в большинстве случаев наши мнения совпадали. Такое совпадение во мнении людей, пишущих и думающих по-разному, показалось мне очень интересным: оно убеждает еще раз в возможности более или менее объективной оценки стихов.

Почти все авторы сборника — участники литературных объединений и конференций молодых писателей Северо-Запада. В этом

смысле нынешний сборник продолжает традицию «Молодого Ленинграда», вышедшего в 60-е годы, — он помог становлению не одного, а по меньшей мере двух поколений прозаиков и поэтов.

Сколько же среди 105 авторов настоящих поэтов? Пусть решит сам читатель. Если те, кто возьмет в руки эту книгу, найдут для себя среди способных и не очень способных людей, пишущих стихи, пять-шесть поэтов, мы будем считать, что она удалась. Как в античной драме, кроме основных действующих лиц пьесы был важен еще и хор, так и в поэзии интересен тот фон, на котором она развивается.

Напомню только, что даже в самые лучшие свои времена вся отечественная, а не только петербургская-ленинградская поэзия была представлена меньшим количеством подлинных поэтов.

По самому своему предназначению подобный сборник — издание не слишком строгое, рассчитанное обычно на широкий круг участников. Вспомним, что первые альманахи в России — «Распустившийся цветок» и «Полезное упражнение юношества», — вышедшие 200 лет назад, в 1787 и 1789 годах, были сборниками произведений именно начинающих, молодых поэтов.

Двухвековая традиция ко многому обязывает, но прежде всего — поощряет. Уверен, что наряду с этим сборником выйдут в ближайшее время и другие, посвященные творчеству молодых. На мой взгляд, к их составлению следует привлечь также и самих молодых авторов.

Александр Кушнер

I

Вячеслав Андреев

* * *

Литмастеровые со стажем —
Мы знаем,
Что через порог
В лито не заявится наше
Ни будущий Пушкин,
Ни Блок.

На улицах
Хлопают лужи
И темень
Хоть выколи глаз.
Нет,
Гениям вовсе не нужен
Наш разноголосый
Парнас,

Где стол
Возвышается плахой,
Где столько обид
И потерь...
Но смотрим
С надеждой и страхом,
Как приоткрывается дверь...

* * *

До сих пор
На западной границе
В зелени березовых ветвей
Лейтенантским кубиком в петлице
Кажется обычный воробей.

И в тумане утреннем
Плутая,
Вся в морщинах мелкого дождя,

Ходит-бродит
Тишина седая,
Места для себя не находя.

Ходит тишина
По травам юным,
К полдню
Продвигаясь тяжело...
Нынче вновь
Субботний день июня
Пал
На двадцать первое число.

* * *

Вновь в бессонных домах
Не находят родители места.
И кинжалом изогнутым
Месяц мерцает вдали.
О друзьях невернувшихся
Плачут в подушки невесты,
И чуть слышно в толпе
По асфальту стучат костыли.

Ну а мы, мой ровесник,
Опять вне горячих событий.
И не нам военком
На Ташкент выправляет билет...
Где-то служит в десанте
Воздушном
Наш ангел-хранитель,
Двадцати,
А возможно, что и восемнадцати лет.

* * *

Наступает
Грустная минута.
Не пройти ей, видно,
Стороной.
Входит в дверь
Из уличного гуда
Женщина,
Не встреченная мной.

Расправляет
Платье на коленях.
Сев
У захламленного стола,
Смотрит на меня
Одно мгновенье
И уходит,
Вспомнив про дела.

Но сейчас же
Из пустой прихожей,
С волосами,
Легкими, как дым,
Выбегает
Звонкий и пригожий
Тот,
Кто должен сыном быть моим.

Я его
Хочу обнять рукою,
Но мальчишки
След уже простыл...
И качает
Под окном листвою
Дерево,
Что я не посадил...

* * *

Мы вместе.
Но еще в разлуке души,
И явственно,
Хотя и далеки,

Видны мне
Перевалы Гиндукуша
И лезущие вверх
«Наливники».

Видны
В упор стреляющие скалы...
Пойми —
Я весь в прошедшем, как в тисках.
И мечущийся снег
Внутри квартала
Похож на вихри черного песка.

И глыбам туч безмолвных
Нету веры.
Не зря мелькают
Звезды среди них,
Как будто
Покидают «бэтээры»
Десантники в беретах голубых...

Ты подожди:
Во мне остынет лава
Тех дней,
И с жесткой памятью в борьбе
Я заслужу
Счастливейшее право
Вернуться окончательно
К тебе.

Не пришла

Стыну под дождем
Среди огней.
Сверху тучи
Наседают скопом.
Не было еще
Таких дождей
Со времен вселенского потопа.

Свет оконный
Сходит с этажей,
В долгий час
Слагаются минуты.

Не на что
Рассчитывать уже,
Разве что
На сказочное чудо...

Зонт промокший
Опускаю вниз.
Может быть,
В разгуле непогоды
Мне придут помочь
Хотя бы из
Общества спасания на водах.

* * *

Я приехал
Под вечер сегодня
Навестить наш покинутый дом.
Вновь, как прежде,
Меня подворотня
Окружает кирпичным теплом.

Все знакомо здесь
С самого детства.
Вон атланты,
Вошедшие в раж,
Словно грузчики
Гортрансагентства,
Тащат сумрак
На верхний этаж.

Сведены напряженьем
Фигуры...
А над ними,
Присев на карниз,
Веселятся
Лепные амуры,
Не боясь опрокинуться вниз.
Прохожу я
Родными местами,
Под собою
Не чувствуя ног...

И луна
Чуть дрожит меж домами,
Словно в горле застрявший
Комок.

* * *

Мятущийся
И нелюдимый,
Оставив
Комнату твою,
В саду сажусь,
Как подсудимый,
На деревянную скамью.

Сдавлив
Коленьями запястья,
К сырому ветру
Жмусь плечом.
Я в воровстве
Чужого счастья
Всем городом
Изобличен.

Дома,
За исключением редким,
Плюют в меня
Огнем квартир,
И тополь
На плечо мне ветку
Кладет,
Как хмурый конвоир.

И звезды синие
Во мраке
Глядят презрительно
В упор...
А потемневший
Исаакий
И вовсе строг,
Как прокурор...

* * *

Свист ветра
Част, как при одышке.
И, одуревший от хлопот,
Февраль настойчиво
Под мышки
Домам
Термометры сует.

Он снежною
Грозится бурей,
Заслышав
Птичий перезвон...
Но город мой
Температурит,
Весенним духом заражен.

И, ощущая
Вешний запах,
Наш старый дом,
Оживший вдруг,
Спускает,
Как с кровати на пол,
Вниз
Ноги водосточных труб...

Сергей Бердников

Фотография

Как в почке лист,
как в колосе зерно,
как в кратком вдохе восклицанье, —
все было в нем уже заключено,
в случайном том,
в негаданном касанье.
И вспышка, озарившая тот миг,
на дне души запечатлела тайный
судьбы еще не выявленный лик,
как будто снимок сделав моментальный.
И стали проявляться с каждым днем
для нас невероятные детали, —
то улица какая-то, то дом...
А это? Неужели мы?
Едва ли...

Эскиз декорации

Вот эти роли
нам дано сыграть.
Смотри,
простая мизансцена, —
вот здесь фонарь,
он будет освещать
мансарду,
 угол дома,
его качанье будет означать
те перемены,
которые нам вместе
предписано переживать
по ходу пьесы.
 А пьеса старая,
но несколько иначе
на этот раз я сцену проведу, —

Групповой портрет

Мне нравятся в этой картине
и люди, и стол, и салат,
и эта бутылка «Мартини»,
и яблоки, и виноград,
и женщин открытые руки,
и взгляд чуть печальный у той,
и кажется, слышатся звуки
веселой беседы хмельной.
Наверно, сегодня суббота,
забыта забот маета,
одна лишь грустит отчего-то,
ах да, это та же, все та.
И, времени не замечая,
всю ночь просидят. Не до сна.
И только вот эта, что с краю,
всю ночь будет так же грустна.
Вино разливая в бокалы,
над всякой смеясь ерундой,
никто не заметит усталый,
потерянный взгляд у одной.
Вот так вот всегда и бывает, —
все чудно и ладно вокруг,
но что-то томит и терзает...
Что делать? Бывает, мой друг.

Последнее стихотворение

Я уже ничего не пишу,
ни о чем не тоскую,
никого не ревную,
просто так вот сижу
и небрежной рукой
на листке женский профиль рисую,
поднимаю глаза и гляжу,
как за стеклами напропалую
вкось и вниз
мчится горький декабрьский снег,
там,
по тропке скользя,
в этой зыби почти что вслепую
одинокое бредет человек...

Может, это меня
по волнам снегопада
в круговерти метели
несет в никуда, —
впереди никого,
позади ни следа,
и уже ни стихов,
ни похвал мне не надо...

Мелодия

Аккорд надтреснутый и старый,
не меньше сотни лет ему,
но почему же, почему
так ранит сердце звук гитары?

Что мне в трезвучье вековом?
Ведь у меня свои заботы.
Но в сердце вздрагивает что-то
от переборов за окном.

Такой избитый перепев
любви недолгой и разлуки,
но отчего ловлю я звуки,
у темной шторы замерев?

И раму плотно закрывая,
на середине звук гублю...

Но все мне слышится:
«Люблю».
Но все мне чудится:
«Прощаю».

* * *

На прелый парк
туман
пал плотной пеленой,
и ни одной
души
нет на сырой
тропинке.

На спинке
у пичуги
искрится каплею вода.
«Куда
ты скачешь?» —
я спросил пичугу.
Она мне пропищала:
«К другу». —
«А где твой друг?»
Она,
заплакав:
«Улетел на юг...»

* * *

Как одиноко мы живем,
неважно, ночью или днем,
среди родных иль сослуживцев,
среди бедолаг, среди счастливцев,
к соседу ль вечером идем,
чтоб попросить щепотку соли, —
мы все надеемся и ждем
улыбки,
слова,
взгляда, что ли,
не знаю,
только на площадке
так одиноко хлопнет дверь,
так охнет эхо вздохом кратким,
что вдруг почувствуешь, —
теперь,
с людьми
и с кошками в подвале
дом одинок в своем квартале,
заброшенном среди других
глухих кварталов городских,
а город в блеске фонарей
так одиноко смотрит в небо,
что одинокий самолет,
к нему креня крыло косое,
почти что стал его душою
и в высоте кружит и ждет,
страну оглядывает,

где бы
найти ему среди полей
еще скопление огней,
еще созвездие другое,
но
одинокая страна
все ищет дружбы у соседа,
да где уж там,—
война,
победа,
разгром, разруха...
Дело в том
(ну да, конечно, дело в этом),
что одинокая планета
кружится в космосе пустом...
Как одиноко мы живем!

Татьяна Вольтская

Сова

Незнакомая птица на окне.
Перья в пятнах, как мерзлая трава.
Пучеглазая, в глаза глядится мне —
Сова!

Что нужно ей в городе, в мороз?
Для нежных глаз ее совсем светло.
Но тонкий коготь в перекладину врос,
Ей что-то видно в мое стекло.

Как будто настали времена,
Светом обнявшие слепых,
А зоркие ищут дотемна —
И не найдут любимых своих.

И вот — красавица в окне ржавый прут,
Как ветку вестницы, зажала в когтях.
Легли на небо крылья. И ждут
Два черных солнца в золотых ободках.

* * *

Как мокро за окном, как пусто.
Дней впереди — наперечет.
Несостоявшееся чувство
Всю жизнь болит, всю жизнь влечет.
Недорассмотренные лица
Мелькнут — пред каждым виноват.
Рассошшиеся половицы
Весь день скрипят, весь день скрипят.
Поникие кусты сирени,
Дороги серой полоса.
Вдали — как позднее прозреньё —
В дождливых сумерках леса.

И — жизни выросшею вехой —
Край облака — зловещий край...
Кукушка — будущего эхо —
Не умолкай!..

Элегия

Под вечер на дороге раскаленной
Лежат плашмя кусты малины сонной,
Полынь в песке. Как битое стекло —
Остатки лужи от грозы вчерашней.
Кружит журавль над побуревшей пашней.
Сквозь ельник напрямик — сверну в село.

Налево мост, река блестит в осоке,
В кустах ольхи разросся дуб высокий,
Видавший много на веку своем.
На улице пустой играют дети,
Кричат: «Кто водит?!»

На заборе — сети.
На горке в соснах гомон: строят дом.

Как век назад — клонится куст крушины,
Вот только не стояли здесь машины
И с проводами серые столбы.
На то же поле вызревшей пшеницы
В одних рубашках выходили жницы,
Перекрестившись, брались за серпы.

Всех впереди, работу начиная,
Шла рослая, ядреная, крутая.
На землю не роняли колоска:
В подол, в передник, в рот — еще куда бы
Зажать упавший злак... шептали бабы:
«Где видит глаз — успела бы рука!»

Еще здесь лучший лен в России прялся...
Знакомый дом за лесом показался,
Из бань струятся низкие дымы.
Дает мне, помню, бабка полотенце:
«Такие, — говорит, — как только немцы
Пришли в войну, — на хлеб сменяли мы».

Я представляю голод, плен, разруху,
И мать — за два часа всего — старуху,
Метавшуюся утром за избой
Вкруг дочки-партизанки, что зарыта
По шею в землю — с головой разбитой.
Очерчен круг, не пустит часовой.

Я слышу грохот — наше наступленье,
Я представляю слезы, возвращенье
В дома...

Вхожу в село. Закат горит.
Полно машин: ко всем на выходные
Из города приехали родные.
Желтеет поле.

Старый дуб молчит.
Что он еще увидит? Что листвою
Невнятно прошумит над головою
Тех, кто под ним пойдет?

Что ждет меня?
Кого я неизбежно потеряю?
Те песни, что на чуткий слух поймаю, —
Какого отражение огня?

Настанет день — и без меня уронят
На пашню зерна крупные;
прогонят
Врагов, как прежде, в час години злой.
Придет — и сложит песню кто-то юный —
Не зря же ветки дерева — как струны
Натянуты меж небом и землей!

* * *

Приезжай, я жду тебя, я знаю,
Скучно тебе в хмурой стороне.
Я теперь — озерная, лесная,
Сарафан-то — розовый на мне.

Что ни день — гроза: поникли вишни,
Звон в горячей голове.
Я ищу следов твоих давнишних
На дороге, на траве.

Все зову — и рощ верхи густые
Все сильней дрожат — за часом час...
Только опоздай — и два лесные
Озера увидишь — вместо глаз.

* * *

Я — береза, ты — ветер: вдруг
Всю охватишь — сомкнутся ветки,
Оборвутся на пестрый луг
Паутинок сухие сетки.

Захлебнется листва, вперед
Полетит, заплещет, обнимет...
Ветер дует — береза поет,
Будто ласку — ненастье примет.

Пусть тускнеет ствола белизна,
Гибких рук ломаются кисти —
Хуже нет, чем сейчас: тишина,
Ветер стих, и повисли
листья.

* * *

Сверкай, красавица Ветлуга,
Плечи в крутые берега.

Здесь — жить. А помнить — ту деревню,
В холодной, хмурой стороне.
Я думаю, реки напевней
Уже нигде не встретить мне.

Здесь под окном — не та рябина,
Не тот колодец у ворот.
Там, над обрывом рыжей глины,
В березе — голос мой поет.

Чуть вечер, помню — слово к слову,
Стук ложек... песня... взмах руки:
Пусть ночь — нейдут с крыльца крутого
Подвыпившие старики.

Привычно спросят: «Надо лука?
Моркови?..»

Время бы ко сну —
Да вспомнят про студента-внука,
Потом — про голод... про войну...

Начнут рассказывать; всей грудью
Придавишь стол; раскроешь рот.
Да, там не дачники — а люди,
Не населенье — а народ.

Там бор — пустынной и тревожной —
Так волновался, так шумел.
«Да вот — гроза гремит над поздней,
А дом, где я жила, — сгорел...»

В детстве мне очень нравились военные оркестры

Парад! и вы, оркестровые трубы:
Пора! — и в парк, по площади прямой.
Шарахнется пирожник белогрудый,
Лазурный китель спорит с синевой.

Прохладный петушок в обертке тает,
И зреет ягодой малиновый трамвай,
И раскидай как бешеный летает
Вокруг руки: летай пока, летай!

И вафли теплые, и запах зоопарка,
Дразнящий вход, жираф и карусель...
Нет, не туда! — на площади, под аркой,
Звенит, срывается, клокочет медный хмель.

Река ушла

Вода зажглась огнем рябинных ягод.
К полудню ветер пыльный — горячий.
«Да как же так река ушла?» —

«Да так вот.

Ушла и все. Оставила — ручей.

Я помню, у моста, где были сваи,
Разбил ногой осенний слабый лед,
Вдруг вижу — рыба, тьма ее: живая,
Стоит, где глубже, дальше не идет.

Тогда мы с мужиками на салазках
Весь день ее возили. Велика,
Жирна, и не уха с нее, а сказка —
Всему селу. Вот так ушла река».

Старик побрел по скошенному склону,
В осоке взгляд задумчивый топя.
«Ушла и все... давно ли — не припомню,
Еще, поди, и не было тебя...»

Дрожь по спине прошла. Казалось странно,
Что в гневе, в час рассветной темноты,
Ушла река — и плотный шлейф тумана
За нею полз, цепляясь за кусты.

Ушла, темна, как женщина, за ласку
Хлебнувшая сполна обид и мук.
Берите все! Тащите на салазках
В следах ее застрявших узких щук.

Тому же, кто ее, в обиде черной
Ушедшую, — отправится искать,
Придется, не найдя дороги торной,
Семь пар сапог железных истоптать.

Ведь в тридевятиом царстве край неведом,
Где ждет она и песни льет свои, —
В одежде, заколдованной рассветом,
В огнях цветов и блеске чешуи.

Геннадий Григорьев

* * *

Пусть
свободный стих
сегодня моден.
Не гонюсь, любимая, за модой...
Русский стих и без того свободен
неизбывной пушкинской свободой!

Если я слова еще рифмую,
если я созвучия ловлю, —
значит, я тебя еще ревную,
значит, я тебя еще люблю...

Либо — либо... На черта мне выбор!
Я тебе — словами — не солгу.
Не сумею — о тебе — верлибром.
О любви — верлибром — не смогу.

* * *

Губами
из воздуха
слово слеплю.
И ты по губам угадаешь: «Люблю».
Ты видишь, как в комнате стало светло!
Ты слышишь, как слово встает на крыло?

Возьми же его, поддержи у лица
и в жаркое небо швырни, как птенца!

В нем все ястребиное — ярость и стать.
Пшеном — не прельстить, и стрелой — не
достать.

И неистребимо клокочет в крови
высокая, хищная жажда любви.

И город внизу изумленно гудит:
какое
 красивое
 слово
 летит...

* * *

Как бы я
с этой женщиной жил!
За нее, безо всякой бравады,
я бы голову даже сложил,
что сложнее сложенья баллады.

Дав отставку вчерашним богам,
я б не слушал сомнительных сплетен,
и отдал бы ей все, чем богат,
и добыл бы ей все, чем я беден!
И, за нею не зная вины
(что поделаешь — годы такие...),
наблюдал я лишь со стороны,
как бездарно
с ней жили другие.

Но однажды
(я все же везуч —
помогает нечистая сила!)
протянула мне женщина ключ.
Поняла.
Позвала.
Поманила.

И теперь не в мечтах — наяву,
не в виденьях ночных, а на деле
как я с женщиной этой живу?!
А как сволочь.
Глаза б не глядели.

Возвращение из Москвы

Прощание с первопрестольной
закончилось вполне пристойно:
смочив усы сухим винцом,
я канул в путь семьсотверстовый
к своим садам, к своей Садовой.
(Ее им не свернуть кольцом!)

Прощай, Москва! Прощай, голубка!
Скорей домой! «Зенит» — без Кубка,
я — задузив друзьям мозги...
Домой! — как вольный волк из клетки!
И что мне пиво под креветки!
Что мне эклектика Москвы!

Что Паршиков мне? Что Чухонцев?
Я сам живу в краю чухонцев:
направо — финн, налево — эст.
И мне до дикой боли любви
всегда податливые губы
аборигенки здешних мест.

Благодаря стихам и генам,
я остаюсь аборигеном
своих гранитных берегов.
И пусть у них Егор Исаев
надежен, как Ринат Дасаев,
я сам с усам, как Желудков!

Пусть третий Рим с Арбатом, с ГУМом
врата распахивает гуннам...
Нас — бог не выдаст, хряк не съест!
Другие влезут под обложки.
А я — последний плащ под ножки
аборигенке здешних мест.

Гости — в Баку или в Казани,
пей хоть бузу, хоть мукузани,
но все-таки играй свой мяч!
И, ставя на свою лошадку,
ты привяжи судьбу к ландшафту.
И крепость с краю — обозначь.

Катание на тройке

«Куда нам с тобою податься?
Где нам от хлопот отдохнуть?» —
«Поедем на «тройке» кататься!» —
«Ты шутишь, мой милый?» —
«Ничуть!»

Пусть прошлых столетий постройки
ласкают придирчивый взгляд...

«Мы едем кататься на тройке?» —

«На «тройке», тебе говорят!»

Поэты в романтике стойки —

она так и прет изнутри!

Мы едем кататься на «тройке» —

трамвае под номером «три».

Мы едем кататься на «тройке»!

«Вдвоем?» —

«Ну конечно, вдвоем!

Пусть Саша гуляет вдоль Мойки,

мы Сашу с собой не берем!

Помчимся в прекрасной упряжке,

с собою не взяв никого,

почти что от берега Пряжки

до самого ЦПКО!

Мне все по дороге знакомо:

и сумрачный замок, и сад,

и каждого старого дома

не раз обновленный фасад.

И там, где трамвайная ветка

внезапно замкнется кольцом,

начало двадцатого века

внезапно сомкнется с концом.

Уже за оконцем — околица,

и путь замечает пургой.

И весело три колокольца

звонят под трамвайной дугой!

Заблуждение

Добро бы я

блуждал в краю чужом,

где без путеводителя — ни шага.

Добро бы я
ошибся этажом
в многоэтажном городе Чикаго.

Но — в Ленинграде?!
Боже, как темно...
Здесь сквер стоял — болото вместо сквера.
И ни одно не светится окно.
И — ни такси, ни милиционера.

Как стонут сосны! Как ревет река!
Я подхожу к песчаному обрыву.
Который час? И сколько ждать, пока
Литейную
прорубят перспективу?

Фронтовое письмо

Каких только чудес
на белом свете нету —
конверт о трех углах,
обычный, фронтовой...
Полвека, почитай,
он провалялся где-то.
И вот пришел с войны
и лег передо мной.

Наткнувшись на него
среди макулатуры,
я понимал: читать
чужие письма — грех...
Но аккуратный штамп
«Проверено цензурой»
как бы уже письмо
приоткрывал для всех.

Был цензор фронтовой
рабом цензурных правил.
И он (а вдруг письмо
да попадет к врагу?)
лишь первую строку
нетронутой оставил,
да пощадить решил
последнюю строку.

Я цензора сейчас
не упрекну в бездушие.
Он свято чтит свой долг
и знал свои права.
Не зря же он письмо
замазал жирной тушью.
Наверно, были там
и вредные слова.

Писалось то письмо
в окопе? на привале?
И кто его писал —
солдат ли? офицер?
Какие сны его
ночами донимали?
О чем он помышлял
во вражеском кольце?

Лишь
«Здравствуй, жизнь моя!» —
оставлено в начале.
И
«Я тебя люблю...» —
оставлено в конце.

Ирина Знаменская

* * *

Да, я бывала молода:
Меня на праздник запирали,
И ключ с собою забирали,
И уходили навсегда.

А в кухонном окне во двор
Все было скучно, как на даче.
Ребенок тихо-мирно плачет,
И подпевает русский хор.

Я долго в дверь ногой стучала,
Как кошка на окне, — скучала,
Потом слезала по трубе
И в тапочках брела к тебе.

А праздник был одет, как надо,
И посреди всего парада
Другая шла по мостовой
И умудрялась быть живой.

При всей своей роскошной плоти
Она счастливая была,
Пчелой беспечною в компоте
Покачивалась и плыла.

«Мне самый лучший будет мужем,
Я пью, танцую и пою!»
И, как подол, идя по лужам,
Приподнимала тень свою.

* . * *

День не кончен еще: это время, чтоб выдумать порох,
А потом попытаться его запретить навсегда...
Подгребают закат. И горят, словно шапки на ворах,
Все высокие стекла. И дышит ментолом вода.

Вы со мной совсем не говорите...
Ночь проходит. И через одну —
Лампочки, как яблоки в корыте,
Громяхают, злятся на луну.

Может, вы пошли к жене и детям,
Может, вылетаете в Москву?..
Никого подобного не встретим
Больше ни во сне, ни наяву...

Или, может, оседает почва,
Раковина давит, нету сил,
Да и холмик той дождливой ночью
Крест на левый бок перекошил...

Ох, луна, побитая, кривая —
Бесятся цепные фонари:
У нее в груди, не заживая,
Что-то там темнеет изнутри.

...Я приду, приду и рядом сяду,
И скажу: — Простите, это я... —
По холмистому густому саду
Ходят вдовы, мамы, сыновья.

Только все уже гораздо тише,
И цветы у каждого стола.
Может быть, я все-таки расслышу
Ровное: — Ну, как твои дела? —

И прилипнет холодом рубашка,
И ладонью с камня пыль сниму...
Я вам одному скажу, как тяжко.
Только вам, и больше никому.

Закарпатье, перед грозой

Под ветром трава поплыла, изогнулась волной
До самого берега, вплоть до расшатанной чащи.
Еще раз попробуешь к ним повернуться спиной,
Еще раз тебя развернет, захлестнет и потащит.

Стрижи, что ножи, распугали поденок и мух:
Сих малых несет, словно мелкие брызги пред бурей.
И пленный и бренный из нас вышибается дух,
И пляшет неровно, как пьяный дымок винокурен.

Какие литые сошлись кулаки в небесах,
Страшая приезжих, страдающих водобоязнию,
Что волосы дыбом, что искры шуршат в волосах.
И дуб одинокий стоит, как гайдук перед казнью.

Ярится прибой петухом на покосном лугу,
Все круче там крыльев, иль спин, или волн
колыханье...
...Ну, ты, оборвись, оборвись, я уже не могу!
Я больше уже не могу, не хватает дыханья!

* * *

Небо Павловска — в серых потеках плафон...
Что мы, краше не видели — пляжа; парад?
...Если, господи, есть у тебя телефон,
Я не стала б звонить, кабы знать, что мне надо...

В нас живая краса запускает тоску:
Почему мы не лучше, скажите на милость?
И пустая рука разлетелась к виску,
Перещелкнула пальцами и опустилась...

Этот парк протекающий — дрогнула бровь! —
А напрасно трудилась эолова арфа...
Если б знать, что же именно будит любовь:
Поворот ли, кивок ли, глаза цвета шарфа?

...Тень от облака тянет свою бахрому,
И прямая аллея свивается в нитку,
Почему я домой не дойду, почему —
Человека ищущу, или мысль, иль калитку?

Что же, выменять двушку, позвать — Самого
И заплакать, подняв старика среди ночи:
Нету рая, да нам и не надо его,
Нам, по нашим заслугам и Павловск — сверх
мочи.

Пятнадцать обшарпанных метров бордового ситца:
Похоже, наряд перешел по наследству от бабки...
А шляться устанет —

и на мостовую садится —
Ничто не смутит иностранную душу цыганки.

И носит ребеночка пестрого
Вниз головою,
Огрызки и ляльки ему достает из кармана...
...А то — соберутся галдежной цветною толпою —
И в пригород катят
к сердитому
мужу-цыгану.

Он будет серьгою звенеть, словно цепью — собака,
Добычей шуршать,
или там — похохатывать
плетью...

...А может быть, все они ждут неизвестного знака —
Две первые вспышки пропустят,
А выйдут — на третью?

А может, они проверяют, насколько мы глупы,
Доверчивы?
Жадны?

Во что влюблены мы незряче?

И запахи наши:
Бензина, шампуня и супа
Являются тоже исходными этой задачи.

Они нам давно все уже отплясали, отпели.
Им собственных судеб — темны неевклидовы
границы...
...Плывет и плывет вдоль дороги без видимой цели
Цыганская роща
в своем вороватом тумане...

* * *

На стоге сена ночи звездной,
Как Фет иль кто-нибудь иной,
Лежала я. И звук морозный
Скрипел зубцами надо мной:
Пел хор цикад с цыганской дрожью.
А хор светил — светил как мог...
Ко стога рыхлому подножью
Срывался пламенный кусок
Небытия.
Оттенком алым
Сверкала дырка на краю
Вселенной.
Ветхим одеялом,
Прикрывшим голову мою,
Мне снилась твердь... Перебирая
Звезд и законов имена,
Я, как последний житель рая,
Докучным знаньем смущена,
В ночь вглядывалась без смятенья,
Меж зубьев неба и земли...
Мне полумертвые растенья
Терзали спину как могли.

* * *

И только молодость бессонна:
Час песен, поцелуев, драк...
Как привиденье граммофона,
Белеет клумбовый табак.

Уже темно читать по-польски —
Вложи в журнал последний луч...
Похож на полуостров Кольский
Рукав одной из гончих туч...

Свет электрический — пергамент,
И свет русалочий — с небес...
Проскачет ветер вверх ногами,
Как дикий пушкинский черкес...

И музыка — шестиголова:
У той, что справа, — сильный альт...
На полпути лежит подкова,
Корнями вросшая в асфальт.

Размокли тени-промокашки,
И город переходишь вброд,
Как бабочка в ночной рубашке —
Ладони вытянув вперед...

Вечер в деревне

Разыгралась заря перед сном по-детски,
Разлетелась с горы, заскользила юзом.
Лязгнул крюк дверной, как глагол немецкий,
Кот вернулся с добычей и с мокрым пузом.

Из-за озера дую, как из-под двери,
Тьма с востока волну подтолкнула в спину
И загнала на берег притопший, в ери,
В мягкий плеск и в осоку — наполовину...

Говорится тише, но дальше слышно.
Смерклось в доме. Замешкался сад с дорогой.
Как на фотобумаге — бог весть что вышло
В небесах: не луна и не черт двурогий —

То ль пятно от слезы с неокрепшим краем,
То ли жирный на ощупь просвет от масла?..
Что там с миром творится — мы здесь не знаем:
Трансформатор сгорел, и заря погасла.

Прощание с Арменией

Этот звездами полный сундук за окном!
Эти, как их... бриллианты, рубины и лалы!
Эта лунная чаша с гарнийским вином!..
«Вы довольны?
Я все ли, как надо, сказала?»

...Эти взгляды, прожегшие спину мою,
Это солнце, что лоб расшибает на доли!..
«Вы довольны?
Я все ли, как надо, пою?»
(Разве — страсти добавить и капельку боли...)

Что такого, что чуть усмехнулась душа,
Усмехнулась невесело — что тут такого? —
Так о девушке молвят: «Была хороша,
Только жаль, что пошла по любви
за другого...»

Так любовника вспомнят из дальних краев,
Что сильнее, чем надо бы, сердце привяжет...
Так и это условное слово мое —
Утаит оно большую правду, чем скажет.

И ни в чем не признаюсь, имейте в виду:
Станем думать, что будет дорога легка мне...
Посмотрите,
Как я без оглядки пойду,
Спотыкаясь о все подорожные камни...

* * *

Вот и к нам воротился уставший от роз соловей
И с восторгом зашелся в густой полудикой куртине,
Где березы туманные — в лапах еловых ветвей,
Как в руках темнокожих сатиров — сырые богини...

Ты попробуй на ощупь еловую эту иглу,
Что еще не научена, точно стальная, колоться!..
Так лениво любовь поднимается вверх по стволу,
Как ведро поднимается из ключевого колодца.

То, что страстью назначено, — здесь не вскипает
Кипятком, но клубится и тянется негою длинной...
Над черемухой — зарево, точно над ликом святым.
Над сиренью — сиянье и славящий звон комариный.

Елена Игнатова

* * *

Все протяженье брошенной столицы
Вмещается в единый перелет
Чирка болотного.

Но страшно сельской птице
На празднике огня и света появиться,
И воздух нежилой над городом течет.
Здесь каменный народ, который целый день
Карнизы подпирал,

стоял в неловких позах
На крышах. Он дает себе короткий роздых:
Простолюдин античный любит лень,
Игру в щелчки, катание на козах.
Пока мы заперты в своих домах,
Пока мы беззащитны перед снами,
Мелькают пятки бронзовые,
Ходят кони табунами,
И улица легла, обнажена,
Перед ночными плясунами.

К Овидию

Слепой пастух и каменные овцы.
Дымят овраги, вырытые солнцем,
Праматери-земли по ним стекало млеко.
Вот наших судеб край — овраги и колодцы,
Мочи овечьей стойкое болотце,
Солончаки да степь — и до скончанья века.
Наверно, души те, что выгнаны из плоти,
Здесь коротают век в забвеньи и дремоте
До новой брэнности, до будущей тюрьмы...
Заквасят молоко для старика слепого,
Овечью шерсть прядут...

И забывают слово,
Постылой речи плен, в котором вечно мы:

— Кем же ты будешь? —
— Прачкой. Такие красивые тряпки! —
И ослепила — надежды птица — в руке...

* * *

В воздухе пахнет жильем,
Пани Антося горбится над шитьем.
Воздух иголкой ранен. Холст пробит через край.
Карий и золотой мальчик в ногах играет.
Я говорю: «Голубь, к нам прилетай!
Нищему, голубь, подай!»

Время проступит чернью на серебре.
Выйдешь умыться — снег захрустит в ведре.
Как молоком покрашенный крепкий чай,
Бурое солнце взойдет и помедлит час.
Новую твердь и небо скует мороз —
Звон ото льда и звезд.

Так не забудь же мира на трех китах,
Темного тела речки в широких льдах,
Всех, кто живет под кровлей, и вербы куст,
Беды, суеты наши — и эту грусть:
Слышать — лепечет небо и дышит наст,
Знать, что волхвы пройдут, не окликнув нас.

Нашествие

Ты увидишь монгола в коровьей одежде до пят
И степных мудрецов, испытавших, горят ли божницы.
Отшатнется Рязань, закусив окровавленный плат,
И волчица придет в городище разбитом щениться.

В чем твое искупленье, земля? И отчизной затем
Ты зовешься, что емлешь детей своих кости?
Ты — земля без конца, безобразное месиво тел,
Но сияют глаза матерей у тебя на коросте!

Евгений Каминский

* * *

Однажды приходит герой —
не дерзкий Икар, а безликий
прохожий, не ставший звездой,
но времени равновеликий.

Приходит не тьму побеждать,
не двигать недвижные горы,
а тщетно выхаживать мать
и биться за свет с жилконторой.

Приходит герой, чтоб судьбу
не живописать, будто повесть,
а честно тащить на горбу
и молча вынашивать совесть.

Приходит колюч, молчалив,
чтоб в неукротимой гордыне,
однажды свой дух распрямив,
восстать, ощущая отныне

в глазах ослепительный свет,
и, разуму больше не внемля,
тяжелое вымолвить «нет»
и... не провалиться сквозь землю.

* * *

Я стану деревом, когда
душе моей не будет мало
услышать жесть и провода
в седьмой симфонии квартала.

И людям будут невдомек
мои качания и скрипы,

когда я стану одинок,
как эти тополя и липы.

Когда как должное приму
я и метель в лицо, и стужу,
не важен больше никому
и лично никому не нужен.

Но всем вам так необходим,
на дне души хранимый вами
как часть, как черточка, как дым
на том,
 втором,
 туманном плане.

Пугало

...И солнце целит прямо в темя,
и птицы, с голодухи злы,
грозят ему... И свищет время
из-под разорванной полы.

А он в горячих тучах пыли
блюдет хозяйские права...
Но сам вот-вот взлетит, как крылья
уже раскинув рукава.

Так улетай, мой брат нелепый.
Зачем тебе весь этот вздор?
Ведь все равно созреет репа
и не созреет помидор.

А там, за нами, даль такая
и синяя такая высь...
Так трепещи, не умолкая,
не умолкая, в небо рвись.

О, это устремленье к сини!
И яростная благодать —
трещать по швам на крестовине
и пуговицы с мясом рвать!

* * *

Не будем, товарищ, вперед забегать —
обиды считать, примирившись с судьбою.
И в этом раю есть еще благодать,
и небо еще по утрам голубое.

Ты слышишь, за стенкой какой-то кларнет,
тоскуя, высокие ноты выводит...
Ты думаешь, духа блаженного нет
во всей этой прямоугольной природе?

Есть губы и взгляд, устремленный в тетрадь...
Но, может быть, все-таки память слепая
во тьме прозревает и движется вспять,
железное время дугой выгибая?

Цейлон

Наверно, не знала потопа
нехитрая эта страна.
На сложную нашу Европу
едва ли похожа она.

Но здесь, среди целого моря
любому открытых лачуг,
не видел я злобного горя
и скорбно опущенных рук.

Но слушал как завороченный —
и это запомнил навек —
веселую брань прокаженных
и светлые песни калек.

Океан

Мы плыли. И, хоть сердце опали
огнем разлук, мы поперек вселенной
тянулись, будто к истине нетленной,
туда, где исчезали корабли,

пещерного язычества полны,
сродни стихии...
Жадно и подробно
мы слушали, бледнея, вой утробный
о днище разбиваемой волны.

А он, как разъяренный Ганнибал,
все гнал своих слонов, и, вал за валом,
бросал их на неравный бой с металлом,
и в ярости хребет свой выгибал...

Уже не в силах сбросить нас с хребта,
хрипел, и бился в пене,
и под нами
вдруг затихал, изрезанный винтами.
И, остывая, гладью трепетал.

Про скрипку и метлу

То осень ныла хлипко,
а то зима мела...
Жила в футляре скрипка,
а за дверьми метла.

Метла кормила скрипку —
мела, мела, мела —
за тихую улыбку,
сердечные дела.

А та пылилась кротко,
от посторонних скрыв
в своей пустой коробке
мучительный надрыв.

Когда ж метла устало
валилась вбок... тогда
уж скрипочка взлетала
во мрак за провода.

Пронзительное скерцо
в стремительном пике...
И трепыхалось сердце,
как рыба на крючке.

Диалог падающих елей

«Мы падаем,
к земле нас гнут,
лишив опоры.
А наше право реять тут,
среди простора.

Как это больно: ясным днем,
под небом синим...
Скажи, мы просто упадем
и просто сгинем?»

«Мы упадем, мой друг (держись!),
совсем не просто.
по-птичьи рассекая высь
вершиной острой.

Мы сгинем. Но в конце пути
у нас есть право
опору снова обрести,
сломав суставы».

«Скажи, но, боль стерпев свою,
над миром светлым
мы станем птицами в раю?»

«Мы станем пеплом».

Душа не приемлет,
 как будто обмана,
Пустой бестелесности душевной нирваны.
И я Диониса
 древнейшие тайны,
В себя поглядев,
 нахожу не случайно...

* * *

Чужой язык... Незнания мгла нависла:
Таинственные звуки и слова,
Лишенные пока прямого смысла.
В заботах закружилась голова:
Мысль вылепить из вязи непривычной
И перенять, хоть дело непростое,
Иноязычной речи щебет птичий.
С богатством — тем, что ничего не стоит, —
С беспощинным словесным багажом
Порхая от Тулузы до Рязани,
Вдруг, может быть, на языке чужом
Понять — что на своем недосказали.

* * *

Лед взломан — и ветер блаженно устал,
Присел на перила, давленьям не внемля...
И вот в невесомости с тверди моста,
Как будто из Космоса, смотрим на Землю.
Плывут континенты, плывут острова,
И тут же обломки — пригоршни созвездий,
Что гаснут, к воде прикоснувшись едва.
Америка с Африкой сдвинуты вместе,
Как до катастрофы. Парад Атлантид!
Вмешаться бы — снова начать мирозданье, —
Вдруг лучше получится? Ветер летит
Ворочать... А я — сочиняю названья
Для новых пространств...

Предчувствие

Цветок, цепenea от ужаса, замер в стекле.
В тепло принесли и спасли от ночного мороза.
Но, срезанный, понял: нависла другая угроза —
Увянуть, иссохнуть, рассыпаться здесь, на столе.

Тем это обидней, что ярко цветет красота,
Став пышной и зрелой... А лето — окончилось сразу.
Растаявший иней слезою сползает с листа
На солнце вечернем, что вылезло, как по заказу.

Обрыв обреченности, гибели буйный костер...
Красиво-то, тьфу! — подозрителен пафос высокий.
Отрадно одно: все же нож был довольно остер,
И стебель не смят, и пока еще движутся соки.

* * *

Прострочена гора
Лыжни зигзагом резким.
Окончена игра
В отчаянность и резвость.
Еще — поманит приз —
Дотянем до вершины,
Но вот стрелою вниз
Уже не поспешим мы.
Не старость рubeжом
И не боязнь движенья:
На кой нам — на рожон,
На плаху униженья?
От ужаса дрожит
Кошмаром наважденья
Раз пережитый стыд
Публичного паденья.
Бреду по склону я,
С собой окончив споры...
Сурово, не тая
Презренья, смотрят горы.

* * *

Он в этот дом пришел в последний раз —
И снова не посмел сознаться в этом.
Его остановили блеском глаз
Обрадованных, праздничным обедом,

Прикосновеньем жадным легких рук,
Влюбленности привычным ритуалом...
Но — циферблата повернулся круг,
И время кончено, и дело лишь за малым.

А в ванной чуткий бритвенный зверек
Запрытался, предательство почуя.
«Вот черт! Куда девался помазок?
И вечно так! Да вовсе не кричу я...»

Поднадоел нарядный неуют,
Узор ковра и поцелуй у входа...
Его в другом похожем доме ждут,
И это называется — свобода.

* * *

От южной блажи нужно отдохнуть.
Оградой монастырской — лес сосновый,
Раскольничий, непроторенно-новый.
К озерам дальним выбираю путь.

Пуускай плутать без цели не годится,
Но мир так соблазнительно широк,
Прямых так много видано дорог,
Что хочется однажды заблудиться...

* * *

С каких доисторических пещер
Слой копти — поэзия уюта?
Таинственная магия как будто
Привычных и приевшихся вещей?

Когда в тайге разложен костерок,
У тех, кому приходится там круто,
Рюкзак набит осколками уюта,
А вовсе не романтикой дорог...

Ремонт, развал, разруха, переезд...
Но чашку чая притулишь на блюдец —
И разговоры тихие польются,
Те, что нужны для жизни позарез.

Как чайника надраенная медь,
Сияй, уют душевного покоя!
Когда-нибудь вы видели такое?
Я — нет, но мне б хотелось поглядеть.

* * *

Все в ту же реку я вхожу — все в ту же реку...
Совсем одна, или с каким-то человеком,
Или со стайкой желторотою мальчишек.
А мокрый конь на берег рвется — так скачи же!
А звонкий конь тебя уносит силуэтом
На том высоком берегу, а я — на этом...

Следы бы смыло, унесло
Водою шалой,
Но память только — повезло! —
Запрудой встала.
Волны затейливый изгиб
Надолго замер...
Пусть философия твердит:
«Нельзя, нельзя, мол».
А я течение сдержу,
Сколь хватит веку.
Все в ту же реку я вхожу,
Все в ту же реку...

* * *

Цвета стали закаленной
В пленке радужной огня,
Голубь кружится влюбленный,
Что-то нежное бубня,

Приседая в ритме танца,
Подвывая, трепеща.
И нетрудно догадаться,
Что он ей наобещал.
А она, как бы не слыша
Тех галантных серенад,
Удаляется по крыше,
Простирающейся над
Закутками, уголками
Для удобного гнезда.
И пускай бетонный камень
Сотрясают поезда,
Прносясь ежеминутно...
Тот инстинкт — не подавить.
В этом мире неуютном
Продолжаем гнезда вить,
Притулившись неуклюже
В развороченном раю...
Глянь — в экстазе голубь кружит
Аж на самом на краю.

Ночные гобелены

Окно без занавески налипло бледной лунной,
Чуть кособокой схемой на призрачной стене.
Рябь плещется волнисто — и ты уже за дюной
Под золотою Нидой... Печать лежит на сне.

Из нитей разноцветных тклет память гобелены,
Вплетая солнце, сети и прядь морской травы,
Ветвей прибрежных плети... Как необыкновенно
Простая нить ложится на клеточки канвы.

Теперь челнок ныряет в шум крымского прибоя
В скалистой бухте с белым орнаментом горы,
Свивая крепко нити... В тугом объятье двое.
И, кажется, не будет конца у той игры.

Канаты обязательств, привязанностей тросы,
Шнуры, веревки, струны — все спутано узлом.
Удобные ответы, свербящие вопросы,
Предательство с любовью и преданность со злом...

Дается память, чтобы все вновь соткать
и вышить —
Под пряжею фантазий основы строй суров.
Сплетенная луною канва ползет все выше,
Провалы застилая цветением ковров.

Николай Кононов

* * *

Такую чуть солоноватую полоску узенькую, клейкую
Стыдливо языком ласкал... Любовь к почтово-
Унылой марочке, открыточке — взлетает над независимой
линейками,
Как бабочка, как моль в своей пылице немислимой.

Приблудный уголок конверта — крылья ненадежные.
И мне, и мне ведь клей конторский нужен. Видите,
Какие письма есть — тома на ста страницах,
сложенные
В мехи гармоникой: Тургенева, Овидия.

Как я люблю, когда подробный классик жалуется
На холода, а в наш военный век, скорее, вещевыми
Посылками привет передают, в чумных записках
балуются
Десятком верных слов, союзами стальными.

Стихи походные люблю, как будто письма к
родственникам:
«Ну, всем привет. Пишите, до свидания.
Двоюродный ваш брат». Уж годы с ними так,
Не видясь, бормочу, строчу открытки — мания.

Как будто в этот мир едва попали саженцами,
Рассадой трудною, орешками калеными.
О, сетованья лип! О, жалобы ольхи!
Нам пишет ельник. Кажется,
Я с братьями еще расту вечнозелеными.

* * *

Вот уж не гадал, что учителем стану, что планктон
Нежных формул курчавых буду цедить, пропускать
Под мертвеющим небом: поползли под уклон
Пионерские треугольники — не удержать.

Два года назад и не приснилось бы... В тучный ил
Педагогике погружаюсь, вот даже, извините, ученика
Репетировать взялся, переехавшего с Курил:
Не голова у него, а сопка Ключевская, дремлющая
пока.

О, утробная глупость, провинциалочка. За пять рублей
Чайник его булькающий на два градуса подогреть.
Кто из нас больше обижен? Догадываюсь. Борей
Хмурые воды приносит к Курилам заснуть, умереть.

Вот и денег в конвертах ничуть не боюсь. Разговор
В тиховойной учительской страстно могу поддержать:
Кто в тростник параллельных певучих влюблен?

В нежный бор,
В степь тетрадную, в топкую гать?

Я заставить сумел, пересилить... А как же они —
Шелестящие пасынки чинных наук?
Помню — в детстве тянулись свинцовые тяжкие дни.
Незалеченный ужас, трудолюбивый испуг.

* * *

Хоть и окончил физический факультет, но в ужасе
Перед проводами, цветущими электрическим током...
Значит, теснее, ближе, ласковей; значит, туже еще
С жизнью связан, обжигающей ненароком.

Я недаром, недаром ходил на лекции, где накручивали
Опыты с дивным лейденским румянцем...
Ах, сердце отпусти! Ну зачем так, не мучай его
Розой слипшейся, гелиевым померанцем.

Оттого-то, наверное, как лоскут наэлектризованный,
Ко всякой ерунде душа льнет: так рада

Амперметру со стрелкой прыгающей, взволнована
Гроздьями кнопок — сестрами черного винограда.

Значит, не зря естественнонаучный, ухающий
Черноморский шум подслушал откатывающийся,
сердечный;
Какое-то нежное чувство добавилось к слуху еще...
Жив ли я, ответь! Безусловно, шумит,— конечно.

Толкование сновидений

Мне приснилось, что на ногу завучу Майе Борисовне
Стенд свалился — и как она фальцетом, с присвистом,
кричала,
Стенала, шелестела сухой метелкой рисовой,
Гудела, словно буксир у причала.

Всеми тремя винтами сразу бурлила, чадила,
немеющими
Тросами звала, сигналила свежевывстиранными
флажками!
Снами своими напуган я — служебными,
тиховеющими,
Постыдно-приветными подругами ночными,
заспанными подружками.

Почему-то у нас больше трех лет никто не держится —
Ни директор, ни завуч. Ах, не к добру эта речная
оснастка...
О, как на полочке узкой все дремлет, обмякнув, все
нежится
Влажная тряпка в мелу — снов моих сыворотка, дней
закваска.

Вот ведь попал в историю затяжную, речную,
с бакенами,
С темными пристанями, с тяжкими канатами, плеском
Поурочной воды, с педсоветами заплаканными,
С вереском расписанья, горячей крови пролеском.

И спать так хочется... Какая тьма плывет за окнами,
Какая жуть служебная, родная, трудовая.

И дни мои в смущении, неловкие, стоят как
вкопанные,
Дрожат по пустякам, но смерть, но смерть
отодвигают.

ЧП

Вот так и вмазала Ирина Георгиевна Елене Глебовне
Прямо в лоб, вот так и не побоялась мненья
коллектива
И тем паче администрации. Звезды посыпались,
и небо где, —
Третий день, бедная, не видит, посинела, как слива.

Вот так и не побоялась — прямо в тесной тренерской
В лоб дать, так как не поделили нагрузку —
(Серьезный, знаете ли, мотив). Жужжат день-деньской,
На два лагеря разделились, мосток сожгли узкий.

Ух, как они, представляю, пыхтели, сплетались,
словно кустарники, —
Ветками трещали, багровели, будто рябины,
А потом бледнели, таблеточки — шарики карликовые
Нитроглицерина — глотали, Персефона и Прозерпина.

Они — сестры аэробики... С ними по пустякам
связываться
Никому не советую. Улеглась и затихла
История сама собой через месяц, или придумал,
кажется,
Все это? Какая-то звездочка вспыхнула в небе,
поникла.

Или же почудилось? За этими бледными,
заснеженными
Облаками ночными и не разобрать. Вот — и следа не
осталось
У Елены Глебовны от травмы. С каникулами
нежными
Заживет все, с морозными, вся боль, вся усталость.

Вот под Лобачевским в рамке еще так лет пять
Попрыгаю, вдоволь надышусь мелом, с прочным
Педагогического опыта такие планки смогу взять
В подтягивании неуспевающих. Этаким дельфином
стану, китом!

Может, мне поручат на методобъединенье выступить :
Скажут, — ну если не вам, Николай Михайлович,
О, как наледь стажа крепчает, каникул летний тавот
Белокочанные годы сжимает до хруста —
один к одному.

Я сто десять контрольных трагичных сегодня
Разлинованных, узких понуро бредут косари.
Тонкорунных ошибок стригаль,
Повзрослели бы, что ли... Обида внутри.

А как курят за школой бы видели! Гладят,
Папиросного дыма, треплют так нежно и грубо,
День вчерашний заброшен, почти что забыт, — из кино
Точно так же выходят: толпою плывут.

Я б с рок-группами спелся —
Шалых песенок пошлых. Вот в апреле какие
С темным снегом, с проверками свыше.
Щекотливый мотивчик смертельный. Как грустно...
О да!

Есть в скабресной ботанике, помню, на взрослеющий
Серебристых обмолвок луга, в каждой фразе
двусмысленность, страх

Хоть бы раз в своих стихах забылся, невзначай
обмолвился:

О тенях жизни полковой.

За стеной стареющий юноша пристроился,
приготовился

Взять аккордик роковой.

Ах, бренчи, бренчи. Другой мне случай вспомнился.
Песни пой топорные, надорванные, со слезой.

А служака был с косматой памятью, ничего не
забывающий,

И товарищей картежников имел.

Шалый заяц, словно бритва, нежный снег срезающая,
В жалкой пыли мчится. Он его не пожалел.

Судя по всему, стрелок был цепкий, подбирающий.
А в стихах коротких обмирал, слезу пускал, бледнел...

Я его стога огромные, угрюмые, немнущиеся,
солдатские,

Звезды офицерские люблю. О, разве совладать

С ласточками в силах мы? Почти что самиздатские

Томики стихов его легчайшие. Сложив, не передать
Ветренный рисунок крыльев бабочки, ее движенья

ткацкие.

О станочница. Помедли улетать...

* * *

То ли в старом кино видел круглые жерла

«Потемкина»,

Или лицом упал в развал чистотела...

Что душа моя? Маленькое семечко, скользкое,
темное.

Опустилась куда-то в пятки, а потом и совсем улетела.

Оператор за колясочкой в окуляр поглядывал,

Как она по знаменитым ступеням подпрыгивала
долго.

Зашивают в мешок, посылают обниматься с наядами.
Посматривают волком.

Не лопата совсем — жалкий детский песочный совок,
Образца тридцать третьего года. Нет! Передний,
улыбчивый, молочный зубок.
С нормативом лишь с третьего раза я справился.
«Вот, —
Мне майор говорит, — на войне тебя, точно, убьет».

Звезды

Кустарник усиков ухоженный... Не спят в казенной
зелени
Петлилки чуткие, дрожа. Кто нежит пуговиц светила?
Пахучей пастой трет? О, сумраком застелена
Дневная жизнь звезды — военная могила.

Курсантов ельничек... Вот кто с ружейным знается
Свинцовым блеском скудным, кто усвоил трепет
Подъема скорого, как жизнь им эта нравится —
Знамен окалина, походных песен лепет.

Мы тоже спаянно живем. Едва бесшумный сварочный
Остынет аппарат... Как ночью ноют звезд суставы!
Не зря, не зря краснознаменной зябкой бабочке
Глазастый душный шлем положен по уставу.

Мне птиц походные полки, их праздные снующие
дивизии,
Гурты пехотные, снующие столь плотно,
Милее с каждым днем: им небо — родина,
они вблизи него
В волнении живут, все льнут к нему повзводно.

И голубь, замкнутый курсант, воркует в увольнении,
Двукрылый дуралей: какие папиросы
Клюет, не думая? Как звезды в отдалении
Пернатые горят, — что там, ответь, — жара? Морозы?

Мне потный их десант, смертельно воздух колющий,
Суворовский набег альпийский, леденящий,
Как будто чудится. Военный, четкий, тот еще,
Не здесь продуманный, стремительный, пьянящий.

* * *

Нежности легкие гнутые алюминиевые саночки,
На крупчатке похрустывающие детские полозья...
По всем магазинам за два дня моя мамочка
Стремглав пролетела. Нахлобученные фуражки
очередей, взор исподлобья.

Ей нужно крупноклетчатое, скромное такое,
демисезонное
Пальто приличное, сто шестьдесят рублей, не дороже.
Какие на глаза плотные занавески приспущены
полутемные,
Отекшие. Располнела как, боже!

А все льнет к юркому заточенному каблуку
высоченному,
В третий раз рассказывает, как двойняшки-дочки
У жены Толи Бурмистрова родились недоношенными.
Зачем ему
Сразу две? Прежних повадок — осколочки и кусочки.

И счастливая дивная шелка между резцами
расширилась,
Разошлась у мамочки. Улыбается не так безмятежно,
Как раньше, когда отец служил еще. Как Пленуре, вся
Чепуха к лицу была, — шубка беличья, вытирающаяся
нежно...

Все за руку меня держит в магазинной роще. «Стоило
Более приличные гардины купить
вам, — говорит, — ваши
Никуда не годятся». И на сердце холодок, зеленая
промоина,
Снег мягкий выпавший, подтаявший, пропавший.

Борис Краснов

* * *

Улыбаюсь вчерашнему горю
и грядущего счастья страшусь.
И ни левой, ни правой рукою
за сегодняшний день не держусь.
Ничего для меня он не значит,
промелькнет — то ли свет, то ли тень, —
а жена и смеется, и плачет
в этот долгий сегодняшний день.

* * *

Позвонила через годы:
как живешь?
Да так живу —
от погоды до погоды,
воду пью да хлеб жую.
Вот, обставился делами
и не вижу никого...
А у вас там, за годами,
за долами — каково?

Да все так же, — отвечает.
Круглый год сирень цветет,
в срок листва не облетает,
снег на землю не идет.
И вода в реке струится,
да теченья не видать,
и на ветке плачет птица —
не научится летать.

про засолку грибов, про поимку лещей
и про множество прочих полезных вещей.
Всё простые дела уложились в дневник,
только я почему-то так жить не привык.
У меня, что ни день, — повороты души.
Повернешься куда в деревенской глуши?
Только ходиков стук, шум мышиной возни...
Деревенский дневник — долго тянутся дни...
Я гляжу за окно — там темнеет уже.
Отчего так тревожно, так зябко душе?

Старые фотографии

Те фото, как марки, — зубчатые...
А помнишь ли малую птичку,
и как вылетала она,
веселая, из аппарата?
Глядишь, не мигая, — ресничка
щекочет, и куртка тесна.

На фоне песочницы, липы,
гранитных ступенек, скамейки,
у хмурых оград на виду.
А листья на тумбы налипли, —
настолько липучи и клейки
кленовые листья в саду.

Настолько зубчата ограда
вокруг золотого собора,
что кажется — воздух зубчат.
Лишь миг неподвижного взгляда
зацепит пружинка затвора
да ливень чугунных оград.

А птичка опять улетела...
А ветви все ткутся и ткутся,
вплетая листву на лету.
Умри! — но и там, за пределом,
как в фокусе, годы сойдутся
в осеннем Никольском саду.

Астрономическая труба

Посредством трубки из картона,
двух стекол выпуклых и глаза
была открыта ночь, в которой
светились щедро сгустки газа.

Амебы, кольца и спирали
текли сквозь линзу-чечевицу,
трубы пространство заселяли
и оставались в ней — светиться.

Наполнив всю ее эфиром
и остудив осенним ветром,
я приносил трубу в квартиру —
Она дышала тихим светом.

Во тьме подвальной, закулисной,
она мерцала, как светильник,
и освещала высшим смыслом
коробку, ножницы, будильник.

И в темноте первоначальной
казались вещи глубже, строже;
из них такой сквозило тайной,
что пробегал мороз по коже.

Тополиный пух

Духота, круженье пуха,
столб луча стоит прямой.
Во дворе тепло и сухо,
и не хочется домой.

Пух свивается в колечки,
он слоняется без дел.
Из какой волшебной печки
он, беспечный, улетел?

Двор, как дерево, кривится,
в нем годов не сосчитать.
Хорошо вот так кружиться,
и не нужно умирать.

Как томительно, как сладко!
Где вы, зрение и слух?!
Или весь я, без остатка,
только воздух, только пух?!

Белая ночь

Белая ночь не бела абсолютно.
Хоть и цвета в ней рассеяны скудно,
но приглядишь: цветовые основы
розово-серы и бледно-лиловы.
Львы и фронтоны, каналы и трубы
темно-кофейны, молочно-голубы.

Белая ночь не бела абсолютно:
цвет, словно звук, возникает подспудно.
В архитектуре домов и соборов
цвет, словно шелест,
цвет, словно шорох.
Эта бессонная гамма-палитра
так осветленно, так тонко разлита.
В ней от карниза и до парапета
нет и не может быть черного цвета.
Даже в подвалах и узких бойницах
не загустеть ему, не воплотиться.

* * *

Вдоль отвесных стен канала,
где воды темнел провал,
словно крышка от пенала
плоский катер проплывал.
Там, под крышею стеклянной,
на свободные места
пассажиркою незваной
пробиралась тень моста.
А над ним, гремя сумбурно,
шел трамваев тесный ряд
и, прорвав чугун ажурный,
полыхал осенний сад.

И — взлетал пожар над миром,
вверх влекомый синевою,
над барокко и ампиром,
между Мойкой и Невой.

Канал Грибоедова

Канал Грибоедова — детства исток,
давай с тобой снова знакомиться:
провисшие спуски, темницы мостов,
ленивые лодки на кольцах.

Отсюда я родом, отсюда — расту,
из этой земли тополиной,
от этой фонарной свечи на мосту,
сгоревшей наполовину.

Канал Грибоедова — серый гранит,
воды золотые подковы.
О, как эта цепь шелестит и гремит,
как будто и я к ней прикован!

Не это ли счастье? — в любви скупой
под кров тополей возвращаться,
на этот чугун опираться рукой
и в этой воде отражаться.

Анна Кутыева

* * *

И, улыбнувшись так радушно
Тихонько горю своему,
Она сказала: «Будь послушно.
Пойми, что ты мне ни к чему.

Затем ли я тебя впустила,
На тихий-тихий сжалась стук,
Чтоб ты мне душу отравило
И дело вынуло из рук?

Садись. Вот книги, вот газеты,
Вот плед. Сейчас поставлю чай.
Погрейся в комнате. Но мне ты,
Прошу, будь умным, не мешай».

* * *

Когда, возвращаясь домой,
Я слишком ясно себе представляю,
Как хлопнет парадная дверь
И черное окно моей комнаты
Покажется мне не равнодушным,
А нетерпеливо ожидающим,
Чтобы выплеснуть на меня
Половину своего одиночества, —
Я сделаю вид,
Будто забыла купить хлеба,
И вернусь с моей темной Пушкинской
Обратно на Большой,
И зайду в булочную,
Чтобы купить два батона и сахару.
Я услышу, как монета звякнет о блюдечко,
И увижу человеческие лица.
«Пожалуйста, два батона и сахару!»
А на улице начнется дождь,

И мои покупки намокнут.
А дома еще целая буханка
И полная сахарница песку.
А этот теперь слипнется.

* * *

У меня сосед — куритель.
И всегда по вечерам
Он сидит — квартирный зритель,
Прислонившийся к дверям.

Ни рыбалки, ни охоты.
Телевизор, знаю, есть.
Возвращается с работы,
Как и все мы, где-то в шесть.

И пока угомонится
Кухня с варкой и мытьем,
Поздоровавшись, садится
В закоулочке своем.

А жена накормит дочек
И его зовет поесть.
Только в комнате дымочек
Не положен: можно — здесь.

Выйду за полночь на кухню,
Ставлю чайник разогреть.
Удивляюсь: не наскучит
Целый вечер так сидеть.

Но сидит и курит, курит,
Курит, курит в закутке.
Все мерещится за кухней
Красной точкой в темноте.

Какая радость — приходиться к друзьям!
Но не на час, не на два, а надолго,
На целый день. Как медленно он длится!
Вот утро. Вот встают, звенят посудой,
За чай садятся — ты садишься с ними.
Какие-то чужие разговоры
О неизвестных мне и чуждых мне заботах.
Расходятся. А кто-то остается,
И варит суп, и возится на кухне
С кастрюлями. Свою предложишь помощь:
Сходить за хлебом, подмести, прибраться,
Полить цветы. А после будет время
Сесть почитать и перерыть их книги,
Все посмотреть, перелистать, потрогать.
Вернутся школьники — и сядут заниматься,
Потом уйдут на музыку, а после
По одному и взрослые сойдутся.
Скрип половиц из комнаты в другую,
Звук радио. Недолгий плач ребенка —
Его утешат тут же. Разговоры,
Улыбки, ссоры, новости, вопросы,
Кому-то — поручения. И планы
На следующий день — и, значит, я
Уж не увижу их осуществленья.
Еще светло — а вот уже стемнело.
Поужинают — смотрят телевизор,
Зевают. И все тает ощущение
Своей отчеркнутости. Время длится, длится.
Еще подсядет бабушка с вязаньем.
Пробьют часы. Еще вернутся дети
На кухню перед сном пить молоко,
Поймают кошку, на кровать затащат.
И лишь потом погасят свет — и тихо
Все станет в доме. Здесь ложатся рано.
А ты уходишь, едешь через город
В пустом автобусе, и за окном мелькают
Названья и витрины магазинов.
Но и они давно уже закрыты.
И пусто все, и улицы безлюдны.

* * *

Я живу на втором этаже.
Новостроечный каменный блок.
Ощущенье простора в душе
От газона с тропой поперек.

Утром очередь. Я с молоком
Возвращаюсь, бидоном звеня.
Здесь, где каждый со всеми знаком,
Удивленными взглядами дом
Провожает меня.

Дверь открою — соседских семей
Во дворе перебранка слышна.
И контрастны на фоне окна
Разноцветные пятна космей.

У подъездов цепочкой огни —
Словно мчатся в ночи поезда.
О, как гулко и страшно звенит
В коридоре моем пустота!

* * *

Вот Институт переливанья крови.
Здесь тишина. Идут эксперименты.
А на широких лестничных площадках,
Из отделений выползая к свету,
В рабочие часы стоят больные
И долго не уходят, если няни,
Ворча на нарушение режима,
Их не разгонят по своим палатам,
И долго молча, взглядом посторонних,
Глядят на пробегающих сотрудниц.
Количество аминоредуктазы,
Гемоглобина и фосфатов крови —
Вот все, что знаю я об этих людях.
Больные умирают от лейкоза.
А тех, кто умирает в воскресенье,
Кладут на черной лестнице, чтоб после
Прозекторская, выйдя на работу,
Их забрала. И в понедельник утром
По черной лестнице мы проходить боимся.

Март

Полночные плачи мартовских кошек.
Воробьи на асфальте рассыпали классы.
По Летнему саду бродят деревья
В промокших ботинках и студят лодыжки.
Звенит трамвай, алюминиевой ложкой
Перемешивая тающий город.

* * *

«Конечно, я учила интегралы, —
Мне говорила девушка, смущаясь. —
Мы все это прошли в десятом классе.
Теперь я ничего уже не помню.

Я в школе недостаточно старалась —
Поэтому, наверно, невезенье:
Четвертый год не попадаю в вузы...
Зато у вас, я думаю, позволят
С работы уходить немного раньше?»

А я, включая микрокалькулятор,
Ответила: «Уборщиц нам не нужно».

* * *

На чужих, нелюдимых диванах
По привычке садишься на край.
Я здесь лишняя. В тонких стаканах
Выдыхается слабенький чай.

Для уюта задернуты шторы.
Телевизор урчит вдалеке.
Я нежданный пришелец, который
Всем мешает, как гвоздь в башмаке.

Мне пора бы уже собираться,
Нетерпенье во взглядах сквозит.
Так нелепо — в гостях согреться,
По-кошачьи тереться о быт,

И с балкона рассматривать город,
И считать на обоях цветы, —
Как любить из ночной темноты
Силуэты на тюлевых шторах.

* * *

Прощай, любимый. Осень наяву.
Деревья держат листья, как младенцев.
Прощай, любимый. Я еще живу.
Вот, не забудь белье и полотенце.

Когда уедешь в дальние края —
Там так же стынут пальцы мокрых кленов
И так же воздух холоден спросонок.
Прощай, любимый. Доброго житья.

Алексей Машевский

Один

Ну, присяду! Есть еще минута
До начала дня, работы, до начала
Планов... Трубочатое тело института
Не задвигалось еще, не зазвучало.
Дверь скрипит — разучивает гаммы,
А бывают неодушевленные предметы.
Батареи жарко разогреты,
Синих окон параллелограммы.
Можно подержать пока все нити
Будущего, легкие как будто,
А войдет начальник — извините, —
Только бодро скажешь: «С добрым утром!»
Но сейчас оно — как свернутое жало
Серпантина, или неживая
Куколка, лежащая устало,
Узкобедрых крыл не раскрывая.
Пусто в коридорах учрежденья,
Бродят сквозняки, течет из крана.
Провисанье штор, оцепененье
Жизни трудовой... Легко и странно...

Алексей Федорович Фомичев

Господи, как же ужасно он мне надоел!
Курит одну за другой. В комнате не продохнуть.
Пачкает пепел рукав, как намокший раскрошенный мел.
Дверь приоткрыть, чтоб хотя бы проветрить чуть-чуть.
И ведь не спорить же с ним! Бесплезно... Не может...
Когда
Предупредили его на последнем осмотре врачи,
Тихим полдня проходил, привыкая... Какая беда
Ждет впереди?!

«Ну, закурим, Алеха?!» —

«Молчи...»

Низенький, стекла очков бронированных, то ли загар,
то ли так
Кожа уже продубилась.

Но кажется: наверняка
Завтра оставишь привычки опасные, жизнь
переменишь, сквозняк
Впустишь... Конечно же завтра!.. Поэтому можно
пока...

Что ж не сегодня? Дела, понимаешь ли, есть,
Милой, любимой проклятой работы предлог.
Где тут опомниться! И соблазнительна честь
Жертвы кому-то, и всепокрывающий долг.

* * *

Сидя за микроскопом, от яркого света устав,
Сдвинешь набухшие веки и чувствуешь тяжесть
глазных

Яблок. Слетаются слабые звуки слепые: гнусав
Голос распахнутой двери, сквозняк освежающе тих.
И переваливающихся, неторопливых шагов
Звук (угадал, это Кира Ивановна). Вот
Остановилась, обходит торчащую сеть проводов,
Стул отодвинула... сядет сейчас, отведет
Справа рычаг у машинки... копирка... и та-та-та-та —
Дробь гулких клавиш...

А помню еще — как-то раз
Слышал ее разговор с Фомичевым.

Он глухо бурчал:
«Ни черта

Не получается...» —

«Тише, пожалуйста, тише!.. Сейчас
Лучше тогда отложи».

И меня поразил ее тон...

Что же, вечерних часов не хватает на дом, на детей?
И материнский инстинкт, как простой механизм
заведен,

Даже и тут продолжает с мелодией хрупкой своей:
«Тише, ну, глупенький, тише! Ну, ну, успокойся!

Бай, бай!..»

Я оглянусь посмотреть на сутулую спину, пиджак,
Синюю, полуразмытую татуировку, под край
Задранного рукава ускользящую, и подумаю: «Разве
что так...»

**По вторникам к нам на стажировку
приходит студент Дима**

Дверь откроет и войдет — сияющий,
Рыжий, незатасканный, ершистый,
Хорохорящийся, — и повадка та еще,
Подростковая: небрежно, быстро...
Принц, студентик — однодневный труженик,
Желтый одуванчик, венчик птичий, —
Сколько сил еще не обнаружено,
Но подозревается в наличии.
Легкий день — ну чем не развлечение,
Погостить у бабушки-науки,
Карамельных лампочек свечение,
Проводочки, в канифоли руки,
Новый запах, терпкий и воинственный,
Впечатлений гулкие качели,
Все бы хорошо, да день единственный
Взрослых развлечений на неделе.

Начинаю замечать нечто странное

Вчера заметил, что хожу по коридору,
Слегка прихрамывая (Игорь, кстати, тоже).
Начальник наш, когда он был моложе,
Слыл альпинистом, часто лазил в гору,
Сорвался, ногу повредив...

Как странно...

Откуда обезьянничанье это?

Или похожесть нам всегда желанна —
Охранный признак, добрая примета:
«Я свой»? Или от долгого общенья,
От воздуха, которым вместе дышим,
От тесноты мышшиной превращенья
Случаются? И говорим, и пишем
Похоже... О, рассадник тихий, пыльный
Привычек с трафаретными чертами!
Никто не принуждает нас насильно
Жить так, как все, мы сами, сами, сами...

* * *

С мостика через речку
Видишь мальчишек, ныряющих в серую мутную
воду, —
У-ух! По поверхности рябь, разбегающиеся колечки.
Вынырнул, отплывает. И так в любую погоду,
Чуть ли не в дождь. Подметки, консервные банки
На берегу. Есть во всем этом что-то такое!..
Вертки, белобрысые, маленькие обезьянки,
Тонкие ножки, лопатки, дрожащее тельце худое,
Синее... Ну еще бы — часами в воде. Простуды
Ведь не боятся! Безудержные, деловые.
Ловят мальков, пускают в илистые запруды.
Слепни, горячие камни, прозрачные рыбки живые.
И все это перед глазами, в двух метрах. Стою,
созерцаю...
Что, собственно, остается еще? Я не знаю, но
Есть странное чувство, что мир их как бы
непроницаем
И мне недоступен, что это просто цветное кино.
И даже если спуститься к воде, даже если раздеться...
Только зачем? Искупаться? Но кто же купается тут?!
Не замечая, снует узкоплечее рыжее детство.
«Дяденька, сколько щас времени?» Смотришь —
часы отстают.

* * *

Он погиб случайно и нелепо: утонул во время
праздника Нептуна.
Тридцать лет... А я никак поверить не могу, что эта
сеть
Повседневных дел, привычек, связей выпустить
кого-то в состоянии... Лакуна,
Впадина, дыра с лохматыми краями.
Тс-с, нельзя туда смотреть!..
Защищаться думал, хлопотал — работа начатая,
очередь, квартира...
Что теперь нам с этим делать? Ерунда какая-то,
да нет, не может быть!..
Сеть раскинулась — насколько глаз хватает:
легкий кокон. Мира

Нам не выдержать иначе. Шелковая вьется,
вьется нить.
А потом вдруг почему-то лопнет эта корочка
хитиновая. Где ты,
Бабочка-психея?.. Рваный край колышется —
пугаясь, пойдешь.
Что же, так и я могу, не ведая?.. Ни звука, ни ответа.
Холодно. Стоишь и кутаешься в легкий плащик.
Дрожь...
И еще: пока блуждаешь в мягком сумраке,
нетрудно заблудиться.
Я-то знаю, как затягивает тайная привязанность,
язык,
Страсть, опасный ум. Все дальше, дальше.
«Эй, пора остановиться!»
Нет, не слышит, поздно... К самой кромке
провисающей приник.

Загорая

Пижма на берегу,
Как ее много, желтушной!
Кажется, я бесконечно могу
Рядом сидеть, отстраненный, послушный
Солнцу, реке...
Ни о чем, ни о чем
Больше не думать и замок воздушный
Тихо достраивать. Голым плечом
Ветки касаться тщедушной.
Над косогором мелькают грачи,
Черные хриплые крики.
Чьи это дни? Да, наверно, ничьи.
Тени в воде, золотистые блики.
«Волосы не намочи!» —
Рядом купаются. Дважды войти
В реку, вы помните, нам не придется.
Девочка. Взвилась косички. Смеется,
Радуга брызг на пути.
Странно, что даже сейчас без труда
Можно представить, как будешь обратно
Ехать, как кончится все. Но куда
Денутся с тела песочные пятна?

Вечером как-то особенно тихо в саду, и готов
Долго сидеть на скамейке у клумбы —

сидеть и смотреть.
Странная эта любовь неподвижных тяжелых цветов:
Еле дышать, перешептываться, пламенеть;
Как, например, тот огромный пион. Аромат
Душит. И дико, что с места не сдвинуться им.
К влажным бутонам мохнатые пчелы летят,
На лепестки забираются, внутрь к тычинкам тугим,
К пестикам скользким. Орудуют...

Капля нектара за труд...
Так деловито, обыденно, что ведь не сразу поймешь,
Брюшко в пыльце. Вот уже, не смущаясь, снуют
В новом лохматом цветке, разомлевшем, густом...
До чего ж

Хрупкая, неутаимая, неутолимая связь!
Да, грубоваты гонцы, хриповаты, резки. Ну и пусть!
Я наклонюсь над цветком, загляну,

потревожить боясь.
Что нам известно, свободным, про нежность такую
и грусть?!
Рыжий песок придорожный, торчащие стебли над ним,
Солнце заходит — усталые долгие тени в саду.
Как неизбежно, непрочно, случайно живое с живым
Связано... Пчелы летают... Темнеет... Еще подожду...

Проходя по вестибюлю гостиницы

Чемоданы, чемоданы, руки узловатые,
Лица обалдевшие: еще один заезд.
Мнущиеся, крупногабаритные, кудлатые
Женщины, мужчины, приподнявшиеся с мест,
Групповодшу тесно обступившие, встревоженные
В этом интуристовском, гостиничном раю!
Платья, куртки, джинсы сторублевые, неношеные.
Как давно готовились к поездке! Узнаю.
Только... ну зачем одежда эта броская,
Жалкие попытки как-то выправиться, в ряд
Втиснуться. О, сирота казанская, тамбовская...
Что же делать, если некрасив и мешковат?..

Хочется, чтоб и тебе, тебе досталось пьяное
Счастье, ледяное, чтоб до сердца холодок...
Обернешься — рядом отраженная, стеклянная
Жизнь... Немое зеркало, слепящий потолок.
Смотришь — и себя с трудом находишь:

задирается
Свитер; раздражает, как сутулишься, идешь.
Голова лысеющая. Нет, не получается
Волосы пригладить, уложить ровнее... Что ж...

Звоню в Ленинград жене

Что выскажешь за три минуты?..
Вращаешь пружинящий круг.
Ухом к трубке притиснешься, слушаешь, как в пустоту
Беспросветную звуки проваливаются. И вдруг
Ее голос отчетливый рядом...
Спокойней!.. Слова на лету
Ловишь... «Да, да, все в порядке... Ну, как ты?»
Потеет ладонь.
Пред глазами туристы лениво бредут через зал...
Боже, так ли хотел, так ли думал с тобой...
Только тронь —
Застывают слова. Разве эти я приберегал?
Что-то самое главное, самое важное не удастся
спасти.
Далеко, далеко, как вагоны груженные, фразы уходят,
кренясь.
Ты прости уж меня, сам не знаю за что, но прости...
За случайную, нервную эту, недолгую
междугороднюю связь.
Выйдешь после на улицу. Сумерки... Опустошен,
Оглушен. Вспоминаешь обрывки последних вопросов.
Знобит...
Влажный ветер. Стоишь под деревьями, сыростью
тянет от крош.
И подспудно, невнятно внутри поднимается что-то,
томит.

Встреча

Вот увидела и заспешила, заспешила мне навстречу,
побежала.

Ветер платью смял и волосы по лбу наискосок.

Милая, смешная, что ты... ну не надо... тише!.. Мало,
Мало этих губ горящих, щек...

Что такое сделать для тебя, скажи! Одна минута
Переполнилась разлукой скольких
невозможно долгих дней?!

Господи, да я и не скучал,

и ничего не чувствовал как будто,

Что же, что же пальцы все слабей и холодней!

Так болезнь, еще не чувствуя, вынашивают. Лица

Сближены. Целуем, слепо тычемся. Вот-вот,

Кажется, должно все оборваться, подломиться

Там, внутри... Но что-то не пускает, не дает.

Рядом тополя шумят — столпились у парадной,

Далеко грохочет электричка... Что ж теперь?..

Глупенькая, ну... ну, разве что неладно?..

Ну, не плачь, все будет замечательно, поверь!

Вернувшись на работу

Неправдоподобней всего то, что месяц назад уже знал,

Представлял, как войду в свою комнату,

сяду за письменный стол.

Только тонкая пыль выдает,

что я в отпуске был — отгулял, —

В самом деле отсутствовал... Мягкий слепой ореол...

Что же это — рукой проведу —

омертвевший сухой конденсат

Отошедших недель? Пальцы в серых лохматых

комках.

Солнце, радость движения, вянущий, пахнувший сад —

Тут? Да был ли, да не приснилось ли?!

Недоумение, страх...

Я ведь знал, что так будет, я помню, как месяц назад

Перед самым уходом, уже заперев все, присел,

Задержался, запнулся; последний рассеянный взгляд...

И теперь... Может, просто задумался, может, уйти не
успел?

Пыль... Я папку достану. Да есть ли он, узкий просвет
Между завтрашним днем и сегодняшним, есть ли
надежная связь
С настоящим? К столу от окна протянулся мерцающий
след,
Легкий прах балансирует в воздухе, загустевая,
клубясь...

* * *

Словно я разбил калейдоскоп случайно,
засмотревшись, позабыв об осторожности.
Бабочки пугливо разлетелись на осколки
разноцветного стекла.
Как же бедной радости моей, душе, теперь отвыкнуть
от дурманящей возможности
В сказочный глазок заглядывать украдкой каждый
день?.. Все пелена заволокла...
Что же, больше нет, любовь моя, ни переходов цвета,
ни волнения?
Страшно посмотреть на этот длинный ряд притихших,
стылых дней:
Завтра, послезавтра и так дальше...
Равнодушие, простое наслоение.
И ни одного ожившего, спасенного, отмеченного ей.
Сам ли я следил за тем, как уходила?..
Тенью длинную
У любви — тоска. О, как легко меня коснулась эта
тьень!
За руку взяла, и не прогнать ее, отставшую, наивную,
Заменить старающуюся сестру свою... Надень
На глаза повязку... Все пытается подняться что-то,
просится,
Жалуется там внутри; и кажется, я рад,
Что еще не смолк прозрачный шелест,
приглушенная возня, разноголосица.
Далеко: отдельные слова доходят
неразгаданным намеком, невпопад.

Наталья Перевезенцева

* * *

...И слезы бабушки моей,
когда поставлена пластинка
и танго довоенных дней
звучит в неравном поединке

с новейшей техникой, с иглой
корундовой, последней марки.
...А патефон был голубой,
вернее, серый — цвет немаркий.

Стоял он на краю стола,
и ручка никелем блестела.
Пластинка пела как хотела,
остановиться не могла.

Да, после начала стонать,
сбиваться, плакать без причины...
Лица любимого морщины
мы разве смеем осуждать?..

О, только бы она была,
о, только б музыка звучала,
о, только бы она свивала
ту нить времен, без коей — мгла.

Она продлиться непременно
должна — до тех грядущих дней,
где кто-то голосом Дассена
споет о юности моей.

* * *

В пустынных виноградниках вдоль моря
позвякивала рыжая лоза...
Свое незаживающее горе
я мимо в тихом поезде везла.

В открытое окно врывался ветер,
скрипел надсадно старенький вагон.
А я была несчастней всех на свете
с начала до скончания времен,

и даже дольше... Станции менялись,
но я могла и не смотреть окрест.
Ведь я читала: «Мене, текел, фарес»
в названьях — Хасавюрт и Гудермес...

Но вот, распаковав большую сетку
и как в стене проламывая брешь,
мне жареную курицу соседка
вручила и сказала строго: «Ешь!»

Я бормотала: «Что вы... чаю с вами
я б выпила... но я сыта... дела...» —
и поливала курицу слезами,
а перед тем — заплакать не могла.

А перед тем — свинцовые грузила
влекли на дно... Жизнь кончена была.
...Я курицу с соседкой разделила,
чай выпила и сразу спать легла.

И снилось — виноградники вдоль моря,
и снилось — шорох ветра, шум волны...
И ничего отчаянье и горе
со мною сделать были не вольны.

Баллада о портрете

Любимой женщины портрет
висит на стенке много лет.

Тому, должно быть, с четверть века
назад (точнее не скажу)
она ушла от человека,
в чьей комнате сейчас сижу.

Меж мной и им — полжизни порознь
(его, конечно, — не моей),
судьбы блистательная повесть
и слава на закате дней.

А то, что грустное молчанье
вдруг прерывает речь его,
еще не требует названья,
еще не значит ничего.

И что портрет? Портрет — привычка.
Как черный кофе по утрам,
как в девять тридцать электричка
и сауна по четвергам.

Да замени его «Данаей»
иль «Неизвестной»... но в ответ
из-под вуали взгляд бросает
любимой женщины портрет.

И эта кроткая улыбка,
движенье век (хотелось — вежд) —
мой приговор, моя ошибка,
конец восторженных надежд.

Хозяин кофе разливает,
хозяин разговор ведет.
Я слушаю и понимаю:
она отсюда не уйдет.

А я пошла. «Привет». — «Привет».
...Любимой женщины портрет.

* * *

Как пел соловей под балконом,
июньский, бессонный, влюбленный.
В кусте, под балконом цветущим,
как в роще, как в чаще, как в пуще.

Сирень ли, черемухи томной
последние вздохи — не помню...

Холодный предутренний воздух
вливался с балкона — и поздно
мне было семь раз отмерять,
прикидывать и выбирать.

Случилась великая милость —
влюбилась, влюбилась, влюбилась.

И если бы кто-нибудь мудрый
сказал тем ликующим утром,
намеком коснулся, не прямо,
последнего действия драмы...

Но спали умиротворенно
все мудрые перед зарей.
И пел соловей под балконом —
оракул единственный мой.

Каролина Павлова

О память, ты тревожишь, манишь
и устанавливаешь связь
с той бедной Каролиной Яниш,
что также Павловой звалась.

С той бедной, бедной Каролиной,
идушей медленно домой
Мясницкой вдоль и вдоль Неглинной,
несущей зонтик кружевной.

Дрожит узорчатым покровом
тень на лице... Идет она,
мишень для критики суровой,
для Салтыкова-Щедрина.

Да, поэтесса не из первых,
но женщина — не из вторых.
Срывалась в крик, сдавали нервы,
но оставался грустный стих.

Но оставался, богом данный,
не светоч даже — светлячок,
сквозь два трагических романа
просвечивавший горячо.

Не удостоенный оваций,
горящий чисто и светло:
«Моя напасть, мое богатство,
мое святое ремесло!»

Путешествие во времени

Входи, чужеземец, — и хлеб и вино на столе.
Мы жертву богам принесем по обычаю дедов.
Присядь и поведай: что делаешь в нашей земле,
откуда ты родом, где дом твой — без страха поведай.

Ведь мы не охотники земли чужие топтать.
Здесь мой виноградник, и стадо на склоне пасется...
Орешник... Боюсь, что орехи померзнут опять.
На рынок трезенский везти их тогда не придется.

Который уж год правит нами великий Тезей...
Ты вздрогнул, мой гость... ты испуган тем лязгом
и ржаньем!..
Там царский сынок над обрывом гоняет коней.
Должно быть, опять захотел побеждать в состязаньях.

Так я говорил — здесь Тезей богоравный царит...
Но что с тобой, гость, ты бледнеешь... Ну, молви хоть
слово...
Да, царского сына действительно звать Ипполит,
И Федрой — супругу Тезея... Но что здесь такого?..

* * *

Иначе жили до войны, совсем иначе.
Листаю бабушкин альбом и плачу, плачу.
Не оттого, не оттого, что помню мало,
что никого из них в живых я не застала.

Вот мне неведомый кузен в широких брюках,
сверкает бритой головой, томясь от скуки.
На фоне пальмы он стоит, совсем не старый...
А после началась война. Его не стало.

Кудряшки, банты, крепдешин и взгляд лукавый.
Подруга бабушки — она на снимке справа.
Любила петь и танцевать, была упряма...
О чем ты думала, Рахиль, у общей ямы?..

Невестки, внуки, сыновья в парадном платье
на поезд провожают мать... Свисток, объятья...

Я не смотрю на оборот, я знаю, знаю,
там дата — сорок первый год... второе мая...

И вот стоят они — семья, род, корень.
Прабабушка... ее платок по-вдовьи черен.
Поминки, свадьбы, переезд, арест неправый...
Семья придет, семья поймет, семья направит...

И фотографиям моим, где я на фоне
дворцов-музеев, куполов, на горном склоне...
И фотографиям моим, где я совместно
с одним чужим, с другим чужим, — здесь нету
места.

* * *

Сад распускается — перед грозой,
дитя рождается — перед войной.
Потом вспоминается: «Боже ты мой,
как было светло перед самой, той...»

Грозой, сгубившей сад на корню,
войной, разметавшей по свету родню.
А те, кому уцелеть повезло,
все повторяют: «Как было светло...»

Хозяйка

Она достанет крынку молока,
нас во дворе усадит под навесом.
«Располагайтесь... Вы издалека?..» —
и на меня посмотрит с интересом.

«Откуда ты?.. Твой говор не такой,
не наш, кавказский... Ну скажи на милость,
из Ленинграда... Господи ты мой!
Мне дальше Нальчика бывать не
приходилось».

И взглядом обведет хозяйство: дом,
пристройки и веранду с виноградом.

А дочь уже несет чугуn с борщом,
сын — алычу и яблоки из сада.

Калитка скрипнет... Муж пришел домой,
с гостями поздоровался степенно.
И завязался разговор мужской,
а женский сник — о детях да о ценах.

Меня хозяйка в залу уведет.
Чуть хвастаясь перед столичной гостьей,
«свое» варенье выставит, «свой» мед,
и баночку заставит взять — «так просто».

Так просто — дом поставить у реки,
встать с рассветом, засыпать с закатом.
А в зимний вечер ткать половики
под телевизор... Все же век двадцатый.

Тревожно мне... И не спасет строка
рифмованная... Я живу, пока
живется мне... А встретится такое —
подумаешь: ведь это на века —
сад, дети... даже крынка молока...
А молоко холодное, густое...

* * *

«О чем ты, о чем ты?» — «Да я все о том,
о ветре, гудящем с утра до полудня
в осеннем ущелье, где больше не будем,
но были... И с памятью этой умрем».

«О чем ты?» — «Да, собственно, я ни о чем...
Звезда поскользнулась и в речку упала,
а речка ее по камням разметала,
мы звездных осколков с тобой не найдем.

Всего-то и было — брезентовый дом,
мотивчик в приемнике, бог весть откуда...
Тогда мне казалось — уеду, забуду...»
«О чем ты, о чем ты?» — И правда — о чем?..

Алексей Пурин

Флюоростанция

«Флюоростанция» — слово какое! В строке
не уместается. Все норовит это «о»
шариком теннисным выпрыгнуть... Стрельбище
вспомню в леске —
так вот патроны в обойму вставлял: одного
все не уложишь, как если бы пальцев у нас
не доставало, — нажмешь, вылезает другой...

«Флюорографию, хлопцы, проходим сейчас.
Вольно. Заправиться. Форма одежды — нагой
торс. Командирам проверить состав... Становись!
Смирно! Равнение в шеренгах. На месте шагом-м...
Марш!.. Ногу взяли... и-раз-два!..» И вертится мысль:
словно силлабо-тоническим пишешь стихом...
«Окает» кто там и портит? «Баранов, оглох?
Раз-два-три, раз-два-три... Прямо!.. Носочек!..»
Ну вот —
вроде пошло, полетело. И выдох и вдох
уравновешены. Катится, дышит, живет.

Выходной

Как будто январь-декоратор меж дел
прошелся по ватману в два-три присеста,
узорный, заснеженный лес отвердел
завалами света, стекла и асбеста.

Скрипит задубевший солдатский бушлат.
Глубинка прикинулась Павловским парком...
Как ты хороша среди хрупких палат
в моей гимнастерке и свитере жарком!

Лыжня анфиладой ведет нас резной.
Картаво трещит на морозе фанера...
Какой мимолетный, сквозной выходной!
Какой краснощекий восторг пионера!..

Намучив суставы в высоком снегу,
вернемся в избу и за пышущим чаем,
рефлектор включив, из эфирных фигур
в мужчину и женщину, дрогнув, оттаем.

Отпускник

Когда вернешься в дом в погонах, то чужой
покажется тебе младенчества обитель:
какой-то весь не тот, как в джемпере, покрой,
как в почерке, нажим, наклон... Повесишь китель
на шаткий венский стул и в кресло сядешь... Так
вернувшийся с войны садился здесь, у шкафа!..
И отрешенный взгляд скользнет поверх бумаг,
казавшихся судьбой...

Убивший Голиафа
нерадостен. Забыв о жуткой голове,
он смотрит в сторону — вернее, видит что-то
открытое ему, что к майской синеве
восторженной подшить нельзя. Его забота —
вниманье это скрыть от взоров дорогих.
Он трогает перо, и книги он листает
рассеянно всю ночь, но нет ответа в них.
Туда косят глаза, и память отлетает...

Нет, я не о себе, нет, боже упаси!
Но так вернулся дед. И так отец вернулся.
И не было еще пробелов на Руси.
И радио спешить включить, едва проснулся.

Жарища

Осатанелое какое лето в Мотке!
В стеклянной трубочке свинцовый Цельсий спятил,
вспотел. Но вытереть лицо ему — пилотки
своей не вытянет из-под ремня приятель.

Ни Реомюр, ни Фаренгейт. Поблажки,
увы, не свойственны надутой загранице!
Зато у нас, хоть прикури от пряжки,
никто не чванится, никто не сторонится.

Вот капитанище наш, до трусов раздетый,
всех, всех желающих зовет с собой бороться.
Какое зрелище! Чудовищной приметой —
овечьи заросли слепого первородства!

Иаков, стерпит кто борцовские объятия?..
На ужин выдана все та же чечевица.
Посудомойщица (мне кажется — без платья)
по залу мечется в халатике, как птица.

Нет, надо выкупаться, как-нибудь встряхнуться!
«Эй, с полотенцами для оргкупанья — стройся!
Да, можно — в тапочках... Да, можно
расстегнуться...»
Все разрешается. И день прожить — геройство.

В поликлинике

У ларинголога столько слепящих вещей
никелированных — в громкой лоханке кривой,
эмалированной: пилочки женские, шприц,
щипчики, ложечки, ножницы гнутые... В мой
зев тонзиллитовый лезет, как в крипту, и луч
свой отраженный туда посылает со лба
хрупкий Стаханов отбеленный... Знобко-летуч
зыбкий эфирчик, и в зеркальце смотрит губа...

Кто в поликлинике пыльные пальмы завел,
оранжерейные стекла и ломкий крахмал?..
Под разговоров старушечьих тонкий помол
спящая очередь лампочный ловит сигнал..
Я бы всю жизнь в коридоре сквозном просидел,
все бы читал санлисток про цирроз и нефрит.
Что эти почки и печень, когда б не слабел
сказочный слуха и зренья электромагнит?

Лесное озеро

Подростки громкие — кентавры! — на мопедах,
стрекозы трепетные — велосипедисты..
Дорога к озеру в таких петляет ведах
энтомологии, в легендах густолистных,

ветвистых, сводчатых, как будто в пчеловода
поверить вечного тебе представлен случай.
Раздача щедрая, всем-всем по ложке меда!
То круп лоснящийся, то бензобак трескучий
к широкогрудому приделан торсу — орган
хитинно-складчатый, как у жука в подбрюшье.
Лукавый пасечник июльский, Томас Морган,
творец генетики смеется вездесущий...

Какое фырканье аттическое, ржанье —
на фоне северной природы полуспящей!
Зачем мы, времени и плоти каторжане,
в прошедший мрак глядим и в предстоящий
туман волнующий, с вертлявой темной рыбкой,
полуоглохшие, в прозрачной толще лежа?
Нет дна у озера. И было бы ошибкой
считать, что будущее прошлого дороже...
Лапта купальная... Заплыв... Самозабвенье...
На солнце — плависься, в тени елей — прохладно.
Часы отстегнуты... Остановись, мгновенье!
Не остановится конечно же. И ладно.

На ламбе

Нелепо мочить купальник в такую темную ночь.
Да и кого же смутим мы белизной неясной?
Разве что энтомолог заоблачный нами не прочь
полюбоваться, вооружась инфракрасной

оптикою и лупой. Но от его не страшной
присутствия и вниманья, да и от его булавки,
скорее спокойней в скользком переплетенье корней.
Без надобности не тронет... Часы отстегнув и плавки

сняв, в лунную воду нырнуть и плавать. Ах, как хорош,
особенно ночью, мир! Такое счастье под кровом,
безличным и черным, звездным, что пробирает дрожь.
И здорово — полотенцем вытереться махровым!

...Трилистник кислицы к локтю прилип. На колене —
след
сосновой двойной заколки. И отсырели спички...

Где ж мы с тобой прислонили к дереву велосипед?
Трудно ориентироваться по голосу электрички!

* * *

На панихиду обычно в трамвае пустом
едем. А, все ж на работе! Не вспомнишь, когда
вместе с родными еще выезжал?.. Под мостом
вертит веслом водомер и сверкает вода.
Даже невольно завидуешь парню в трико!
Дома тебе подсказали, что нужно надеть...
День ослепителен! Ветрено так и легко!
Как все сияет!.. Мрачнее, пожалуй, глядеть
и сострадательней надо...

Больница, стоят
«наши» и курят, а женщины где-то внутри...
«...эх, вот ведь жизнь-то!..» —
И рукопожатье. И взгляд.
«...в десять — прощанье. Не все еще, нет.

Прикури...» —

«...но хоть не мучилась долго...» —
«...и возраст!» —
«...да-да!..» —

Новая группа подходит с тряпичным венком.
«...вот же ведь, вот ведь какие дела...» —
Никогда
этих не видел! И с теми едва-то знаком!..

.

В десять выносят. У автомашины возня...
Леночка — странно! — в «бананах» и в бабьем платке...
Той же дорогой обратно провозят меня.
Вышли. Помочь донести? Или так, налегке?..

.

О, голубой, незабудковый этот глазет,
свежий, младенческий! Гроб-то бумажный почти,
года не выстоит...
«Ты на поминки?» —

«Нет-нет!

В ночь я работаю, занят...» —

«Так звали к пяти.

Надо бы съездить. Они так просили. Они так постарались, такой приготовили стол...»

.

Пенсионеры в автобус садятся одни,
молча, привычно. И сладкий сосут валидол.

* * *

Оловянные ложницы и фехтовальщицы, слоники —
как из крепкого мела, открытки, в которых родителей
поздравляют со свадьбой... Плечом заслоняет

Салоники
неизвестный поклонник прабабки с усами и в кителе...

Черно-желтая «Правда» от пятого марта, записочки
поминально-любовные... Странно, как их не

спалили-то?

Помнишь, в тютчевских письмах к жене — те же

«кисоньки», «кисочки»

и Людовики? Слез и чернил сколько пролито,
вылито!..

И какие-то грамоты, справки, удостоверения
под лиловой печатью и с подписью важной

такого-то...

Ах, чем больше бумаги, тем, видимо, глуше

забвение, —

ни нужды в вызывании духов не видим, ни повода!

И такое пространство вокруг шелестяще-дремучее,
что и века не хватит в наследстве своем разобраться

нам,

как и всем не хватило. Обычное дело! Но мучает
этот оползень... В Гатчине, сколько

живу, — реставрация!

Пригородная ветка

Флаг линияло-зеленый,
Пара белые взрывы...

Иннокентий Анненский

Он предчувствовал, думаю, что на вокзале умрет,
а иначе — откуда калеки-кондукторы, мухи?..
Станционный модерн — «Еврипида» его переплет!..
И сигнальный флажок отыскался у лысой старухи.

Даже, кажется, этот избыточный как бы вокзал
перестроили спешно тогда в летаргическом стиле
лишь затем, чтобы он на такие ступени упал;
для чего бы иначе горгоны-медузы тут были?

Не для милой ли тени все льнущие поручни здесь
извиваются, гладкие, все подлокотники гнутся;
весь парник паровозный пылает, вся пышная взвесь;
чтоб на миг задержать, чтоб ей было на что
оглянуться?

* * *

Свалка стрекоз в саквояжах трамвайного парка.
Пакля и пыль. Тополя выпускают волокна.
Вот и курсантам не терпится, как же им жарко
в плотном сукне! Облепили огромные окна.

Осточертела зубрежка, скорей бы на воздух!
Осатанели от лекций, галдят обалдело.
До повседневной заботы о будущих звездах
и назначеньях нет, что ли, нынче им дела?

Так разморило, что даже вагонновожатым
хочется быть: с ветерком все же едет. Так душно,
тесно, как в кронах июльской листве, салажатам!
Школьницам вниз поцелуй посылают воздушный.

За стадионом Нева неподвижно разлита,
так же, как жизнь, серебрится, широкая, праздно.
Много работы, пожалуй, у их замполита,
кажется, воздух и тот преисполнен соблазна.

* * *

Тот, кто писем ничьих не хранил, вероятно, и прав,
кто стихов не щадил, тут и там забывал лоскутки.
Для чего нам багаж на ужаснейшей из переправ?
И самим-то дай бог на тот берег добраться реки.

Никогда не узнаем — какой нас Элизиум ждет?
Минометный обстрел. Теснота на осевшей барже.
Перелет!.. Что мы — беженцы, что ли?.. Теперь —
недолет.
Вот-вот в нас попадут, и — конец. Пристрелялись
уже...

Доведется ль ступить на опасный, неведомый пляж?
Или так и останемся в черной, безмерной воде?..
Что за письма еще! Да скорее же брось саквояж!
Не увидимся, может быть, больше нигде.

Сергей Скверский

* * *

Песочные часы переверну,
и время вспять посыплется. Невзрачны
мельчайшие крупички бытия,
едва ли друг от друга отличимы.
И нужно очень пристально взглядеться,
чтоб каждую и вспомнить, и узнать.
Одна — черна, а две другие — серы,
а эта, вот, смотрите — золотая! —
сверкнув, пропала, в массе затерялась.
Не странно ли — такая горстка праха
течет вперед — обозначает время,
течет назад — обозначает память,
в то время как на самом деле — вниз,
в пустой сосуд из полного сосуда
просыпалась — и верхний опустел.
Вот так он уменьшается, объем
секунд, минут, подаренных для жизни,
а жизнь, к несчастью, не перевернешь.
Озлись, разбей песочные часы —
не время, лишь песок, к песку земному
добавка жалкая неразличима в нем.

Но погляди, в твоих часах новейших,
как будто на рентгеновском экране,
живое сердце времени горит,
пульсирует, и каждую секунду
рождается секунда — в виде цифры.
И то, что раньше ощущалось смутно,
сегодня стало видимым, реальным, —
ток времени, подобный току крови,
в секундном ритме —

«3»,

«4»,

«5».

Тот фокусник нам показал коробку,
обычную, пустую, а потом
она каким-то образом набилась
бесчисленным количеством предметов.
Он их сгребал и сваливал на стол,
а нам, наивным зрителям, казалось,
что эту кучу праздничного хлама
не только не запрятать в рукава,
но не вместить и в десять чемоданов.

Вот зеркало. Обычное стекло
покрыто тонким слоем амальгамы.
Всю жизнь оно притягивает взгляды
и отражает вещи, лица, стены.
Но отражает ли? Мое лицо
мне кажется таким чужим, враждебным,
и комната, и вещи — не мои,
хотя, конечно, здорово похожи.
Я понял наконец, что зазеркалье —
как та коробка фокусника. Вот
куда уходит каждое мгновенье
и по другую сторону стекла
вновь возрождается во всем своем величье,
бесстыдстве, в неподвижности пустой.
Не верю безмятежности зеркал —
они веками жадно вожделяют
не образов, но тел, вещей и душ.
Неужто будет день, когда на мир
ощерятся багетовые пасти,
и захохочут, и его пожрут,
и ничего не станет, только в них
навек остекленеют отраженья
смятения и ужаса.

Недаром

мы ослепили их в тот горький день,
на каждое надев простынный саван,
чтобы душа родная не прельстилась
зеркальным адом. Душам так легко
переходить тончайшие границы.

Мне вспомнился тот день, когда ко мне
в реанимационную палату
она вошла. Не ангелом крылатым
и вовсе не с косой, не на коне,
как Дюрер представлял ее. Что кони,
их скорости — и современный бред?
Агония — острейшая погоня,
когда в минуту тот и этот свет
по многу раз меняются местами
и тоннами горючее в себе
расходуешь, бессмысленно листая
новейший апокалипсис. В борьбе...
За что? За жизнь? Ничуть. О ней
не вспомнишь.
Ведь только строки: «Умереть — уснуть...»,
«Зову я смерть...» — на память и на помощь
пришли, взорвали илистую муть.
И стали первой связью с этим миром,
вдруг высветив в сознании, что я
еще в уме и в памяти, Шекспиром
храню у самой кромки бытия.

Ты говоришь, искусство бесполезно.
Оно, конечно, так, но почему
в часы тоски, отчаянья, болезни,
как к Богу, обращаемся к нему?

У фонтана «Самсон» в Петродворце

О, какая силища в тебе,
Истина! Ты разрываешь пасти,
сжатые намордниками лжи,
стиснутые судорогой страха.

Лопается шкура, и трещат
прочные хрящи и сухожилья,
и гигантским джином через горло
с ревом вырывается душа.

И в закатных солнечных лучах
пурпурный фонтан любви и боли

силится закрасить небеса —
синюю пустыню безразличья.

И от страха пятится дворец,
и глядят испуганные окна,
как застыл от изумленья зверь,
побежденный и освобожденный.

* * *

С каждым разом к родителям будто все дальше идти.
Все ограды, кресты, все цепляются ветки и корни...
Нету здесь суеты, это кладбище для бедноты.
Были век свой покорны, теперь они просто покойны.

Маме — лето, отец — не дождался, и ранней весной
трое пьяных могильщиков мерзлую землю долбили.
И рябинка все тянется вверх — не поспеть за сосной.
Крест соседкин сломался. Должно быть, старуху
забыли.

Далеко. Приезжаешь на час, а уходит полдня,
да еще надо красить, полоть — вот, спасибо, цветочки
многолетние — тетка сажала. Стареет родня,
где им выбраться. Благо на праздник напишут две
строчки.

А какая семья собиралась тогда за столом,
как нам весело было, о, господи, как они пели!
В современных компаниях всяк норовит о своем,
только все — об одном: что достали, чего не успели.

Что-то в нас изменилось. Не «что-то», а время бежит,
и за ним поспевать нет уже ни желанья, ни силы.
Здесь же только деревьям тянуться, а время лежит
под крестами и вечно хранится — такое, как было.

Как растет этот город. На ветках черно от ворон —
мы же их и вскормили. Огромные — сытно им,
вольно.

Где-то стоны и плач. Что ж — обычное для похорон.
Это горе — чужое, как дальнее эхо, не больно.

* * *

Войди в мой сон, мы вместе побредем
под этим странным проливным дождем,
который нас ни капель не замочит,
по лету этому, которое с ума
сошло, — ведь на дворе стоит зима
и жалкой правдой голову морочит.

Входи быстрее, чтобы этот сон
не превратился вновь в протяжный стон,
в чернейший стон, безвременный, бездонный,
в который я влечу, и сквозь меня
просвищут клочья прожитого дня,
как сор бумажный по трубе бетонной.

Прижизненный мой еженощный ад...
Но, в сущности, я жду его, я рад
его приходу — что еще излечит?
А сон — такая редкость, волшебство.
Войди, успе, и, может быть, его
будильник пощадит, не искалечит.

Александр Фролов

* * *

Устами младенца... О, крик этот властный!
О, путь этот тяжкий от выдоха к зову,
от звука к созвучьям, от гласных к согласным,
и к первому, первому, первому слову!

Устами младенца... Пока только лепет,
курлыканье слабое только, кряхтенье,
Кому подражает? Журавлику в небе,
и плеску дождя, и листвы шелестенью.

Мы знали когда-то язык этот вроде?
Забыли. Ах, что там — в ларце этом тесном,
под темечком круглым, — что там происходит,
что копится, зреет во тьме бессловесной?

Не знаем. Не помним уже этой муки,
когда так изводит желание речи;
как трудно даются шипящие звуки,
и звонкие звуки даются не легче!

Не помним... Все ждем, все торопим:
«Когда же?..»
Смешное тщеславие наше лелеем...

Сейчас он проснется и столько расскажет!
А мы и понять ничего не сумеем.

* * *

О чем поговорим на сон грядущий?..
Есть дом. Есть дым над домом. Есть луна
над дымом. Над луной, как ангел, стерегущий
холодный этот мир, горит звезда одна.

Но я не звездочет. Звезда — на что мне
колючий свет ее, не греющий меня?
Я слово не скажу, я имени не вспомню.
Мне дорог жар земной древесного огня.

Мне дорог день земной — пусть длится дольше..
Есть маленькая блажь среди его забот:
в окошке продышать глазок с пятак, не больше:
кто в гости к нам идет? Никто к нам не идет.

Я пленник этих дней и этой стужи.
И вот гадай теперь — надолго ль холода?
И некого мне ждать. И одинок мой ужин,
Но думается так: все это не беда.

Не так уж много надо, чтоб согреться.
Есть теплые слова: хлеб, чай, очаг и дом;
есть угли в очаге. И стоит притерпеться
и к одиноким дням, и к стуже за окном.

* * *

Спешим! Зайдем скорее место!
Какое празднество для глаз:
военной музыки оркестр
перед нами выступит сейчас.
Они уже почти готовы.
Они уже равняют строй.
Хоругвью воинства святого
горит бунчук над головой.
Тамбурмажор, с усмешкой сноба,
свой жезл вращает у плеча.
Но все ж мы выделим особо
не эту важную особу,
а молодого трубача:

его повадку стеклодува,
и ловкий чуб, и ловкость рук;
как он облизывает губы,
как прочищает он мундштук;
как утирает пот рукою,
в кармане позабыв платок...

Сейчас он выдует такое,
чего б никто другой не смог, —
и, выдоху его послушный,
звук затвердеет на лету.
Что это будет — шар воздушный
полуживой, полубездушный?
прозрачный чертик? иль петух
в графине?

Нам итог не важен.
Мы, глядя в мокрое лицо,
продолжим сами и доскажем,
досочиним, в конце концов:
пахнёт морозом и метелью,
потянет воском и смолой,
и мы увидим образ ели
под канителью золотой:
среди весны зима вернется,
прохлагою коснется лба...
Вот-вот. Уже. Сейчас начнется:
взметнется жезл, бунчук качнется,
и что-то выкрикнет труба.
И в миг последний, в миг кратчайший
в тревожном возгласе трубы
мы различим мотив щемящий
и отзвук нашей настоящей,
а не придуманной судьбы.

Колыбель

Изгиб корабельный и сеть кракелюров на лаке,
текучий орнамент резной, кисея над дугой...
Что делать, скажи, в этом теплом, сквозном
полумраке?
На листья глядеть и обводов касаться рукой.

С младенчества нас мастерство окружает немое,
и нежность без имени, и ощущение без слов.
Деревья над нами чуть слышно играют листвою
и тень кружевную бросают на легкий покров.

И чуткая липа, и женственный ясень, и тополь
лощенный,
и дуб крутолобый, и каменный острый самшит —

как будто пришли пастухи и столпились смущенно, неловкие, смотрят с испугом, как дитяtko спит.

Как будто бы знают: надолго щедрот невесомых не хватит. Все кончится плачем, лишь стоит начать и первое слово составить из звуков знакомых — и тут же забыть, чтобы целую жизнь вспоминать.

* * *

Как ты правильно все рассудила:
сомневающийся, невезучий...
Но пока ты итог подводила,
наползла перезрелая туча;
но пока ты решала, гадала,
подбирала последнее слово,
на квадраты бетонных кварталов
тьнь упала, как сеть птицелова.
Стало сразу темно и как будто
чуть угарно, как — помнишь? — на даче
возле печки, обложенной бутом,
той зимою...

Но все же иначе,
потому что среди этой гулкой
тишины, невозможной для слуха,
буйный ветер в безлюдном проулке
поднял смерч тополиного пуха;
и тотчас же вокруг загремело,
и обрушился ливень на крыши...
Даже то, что сказать ты успела,
я не понял уже, не расслышал.

* * *

Какая-то странная жалость: мне жаль одиноких хористов,
при ДOME культуры поющих, на сцене, протертой до дыр,
когда они спевку кончают и ночью, дождливой и мгlistой,
из рая совместного пенья опять возвращаются в мир.

А мир не всегда справедлив — он часто жесток
к своим детям;
не дарит вниманьем и славой, а требует жертвы от
нас...
Но греют надежды их, греют. Но светят софиты им,
светят.
И каждый, наверно, солистом в мечтах себя видел
хоть раз.

Мне пыл их отчасти понятен:
да здравствует общность людская!
Вот хор наш, помпезно одетый, на сцене концертной
стоит.
Как славно они запевают! как дружно, себя забывая,
как будто в себе изживают тщеславные мысли свои.

А их дирижер, их мучитель, он так моложав
и неистов,
и гибкие руки стремятся на волю из тесных манжет...
Как стройно поют и как чисто!
Но все-таки жаль мне хористов,
как всех, кто забыл свое имя и дал послушанья обет.

И все же, признаться, мне ближе — в застолье,
где много народа,
где пьют, и галдят, и судачат, вдруг кто-то,
набравшийся сил,
затянет; другие подхватят, слова вспоминая по ходу...
И каждый поет, как умеет, как на душу бог положил.

Цыганский романс

За стенкой гуляют опять — там знакомый распев;
шипенье пластинки, романс надоевший, тягучий...
Несложно представить, сонливость свою одолев, —
осенние сумерки, дом деревянный, скрипучий.

Не нас ли с тобой ожидает разгульная ночь,
и хор удалой, и седой предводитель с серьгой?
(Как Феденьке бедному горе свое превозмочь?
Сидит, зачарован, щеку подпирая рукою.)

И мы бы смогли — как банкноты швыряют
в огонь —
спалить свои дни. Но в свечном, величальном угаре
кого мы хотим обмануть, раскрывая ладонь
гаданию темному Грушеньки, Машеньки, Вари?

Надтреснутый голос поет. И от ласковых рук
спасения нету, и капают слезы хмельные.
Кого мы жалеем? Себя мы жалеем, мой друг,
когда за окном коченеют луга заливные,

и длится за шторой вечерний, взхлеб, разговор,
и как-то созвучны осенним расхристанным даям
облезлый мотивчик, и струн роковых перебор,
и пьяная верность цветастым, потрепанным шалам.

Обмен

...Века минуют. И журнальчик этот,
случайно из архива извлеченный,
приобретет значение раритета.
В нем обнаружит вдумчивый ученый
текст непонятный на бумаге серой;
столбцы условных знаков, сокращений;
загадочный, как клинопись Шумера,
язык обычных наших объявлений.
Потратит жизнь, но вьедливый, упрямый
знаток времен, для пониманья трудных,
он расшифрует эти криптограммы
и поразится нашей жизни чудной.

Ах, неужели, избежавший тлена,
такой бесценный документ эпохи —
обыкновенный справочник обменный?..

Еще полгода, год... и, несомненно,
нам повезет... Дела не так уж плохи.

* * *

Всю долгую ночь
Казалось мне, стынет бамбук...
Утро встало в снегу.

Басё

Так зорек поэт — ожидаешь невольно подвоха,
секрета...
И все же, поверив печали его многомудрой,
мы сами попробуем так перечислить приметы,
чтоб в раме оконной возникло морозное утро;
следов на снегу непонятный, никем не разгаданный
ребус
(кто ночью бродил здесь — все двери помечены
мелом?..);
витые канатики дыма пришпилены к небу,
и домики будто подвешены в мареве белом...
Мы долго бы так продолжали. И много б еще
насчитали,
пока расчищали дорожку, ведущую к дому,
напрасных сравнений, ненужных сближений,
деталей...
Но слишком подробна картина. И слишком
знакома.

И там, где Басё обошелся цепочкой одной
вертикальной
колючих значков (словно веточка пихты
в стакане),
зачем же нам надобно все разъяснить, чтобы
тайна
исчезла, рассеялась в нудных столбцах описаний?

Ах, эти ряды наблюдений, подробностей этих,
повторов, —
следы на снегу — их уже замечает порошей...
Куда ж нам уйти от завьюженных наших
просторов,
от наших завейных трактов, дорог и дорожек?
От наших садов неухоженных, гибельных наших
тропинок,
от домиков наших, от жара натопленных печек?
Куда же уйти от глухих восклицаний, запинок,
от этой прерывисто-плавной замедленной речи,

когда по наследству достались нам эта размашистость
строчек,
и длинных размеров обуза, и рифмы сквозные?..
И долгие зимы. И долгие зимние ночи.
И долгие зимние наши раздумья ночные.

* * *

Что за названия: Мытнинский, Перекупной!
Смутные мысли о плате вперед, о закладе...
(«Брось медяки на дорогу и следуй за мной...» —
древнюю притчу о мытаре вспомнишь нехстати.)

Есть что-то нищее в этих проулках сырых,
в этих кварталах, меж Лаврой и Смольным
зажатых;
что-то стыдливое: вроде бы знаем о них,
но не решимся идти туда без провожатых.
Вроде нехватка каких-то привычных вещей:
портиков, пандусов, белых колонн, капителей...
В общем, знакомо, — наш город по сути своей
город-двойник: два лица у него, две модели.

Церкви, подворья, приюты. Под серым дождем
кажется, будто все те же они и сегодня.
Да ведь и сами мы в бывшем приюте живем,
где из киота сто лет как украден угодник.
Может, поэтому странная тяга у нас
к долгим бесцельным походам сюда — на
задворки...

Что декорации, если б не этот каркас,
эти пропахшие гарью и дегтем подпорки?

Елена Шварц

* * *

Судьба плетет помельче сети,
Чтоб в них позастревали дети,
Но я... я вырвусь из сетей.

Я родилась с ладонью гладкой,
С ладонью ровной манекена, —
Цыганка мне не нагадает
Казенный дом или измену.
Не нагадает мне любви,
Не напророчит мне разлуки —
В высоких складках синевы
Мне не хватило бечевы,
Когда ее вживляли в руки.
Ладоней мне не разрезали
И звезд на них не начертали,
Не рисовали линий в них,
Нет для меня любви, и смерти,
И встреч неожиданных роковых.
Ко мне ночами прилетает
Мой фатум с тяжкою сумой,
Набитой до краев нетраченной судьбой,
Царапает бессильно мне ладони,
И, подвывая в свете синем, тонет
Мой рок невидимый, голодный, мой
чужой.

* * *

Как эта улица зовется — ты на дощечке прочитай.
А для меня ее название — мой рай, потерянный мой
рай.
Как этот город весь зовется — ты у прохожего узнай.
А для меня его название — мой рай, потерянный мой
рай.
И потому что он потерян — его сады цветут еще,

И сердце бьется, сердце рвется счастливым
пойманным лещом.
Там крысы черные сновали в кустах над светлую
рекой,
Они допущены, им можно, ничто не портит рай
земной.
Ты излучал сиянье даже, заботливо мне говоря,
Что если пиво пьешь, то надо стакана подсолить края.
Какое это было время — пойду взгляну в календари.
Ты как халат, тебя надели, Бог над тобою и внутри,
Ты ломок, тонок, ты крошишься фарфоровою чашкой,
в ней
Просвечивает Бог, наверно. Мне это все видней,
видней.
Он скорлупу твою земную проклевывает на глазах,
Ты ходишь сгорбившись — еще бы! — кто на твоих
сидит плечах?
Ах, я взяла бы эту ношу, но я не внесена в реестр,
Пойдем же на проспект, посмотрим — как под дождем
идет оркестр,
Как ливень теплый льется в зевы гремящих труб,
играя, вниз
С «Славянкой» падает с обрыва
мой Парадиз.

Отземный дождь

Внутри Таврического сада
Плутает нежная весна,
И почки жесткая ограда
Корявая листу тесна.
Я нахожу себя свечой,
На подоконнике горящей,
Стучащей пламени ключом
То в тьму, то в этот сад саднящий.
Я нахожу себя пылинкой
Внутри большой трубы подзорной,
К стеклу прилипшей. Чье-то око
Через меня бьет взора током
И рушится в ночные дали.
Я нахожу себя у церкви
Среди могил, у деревянной.
Все в тучах небеса померкли,

Но льется дождик, осиянный
Огнями сотен свеч пасхальных.
Он льется на платки и плечи,
Но льется и ему навстречу
Дождь свечек — пламенный, попятный,
Молитв, надежды дождь отземный —
С часовен рук детей, старух,
И в дверь распахнутую вдруг
Поет священник, как петух,
И будто гул идет подземный.

Подражание Буало

Э. Л. Линецкой

Мне нравятся стихи, что на трамвай похожи.
Звеня и дребезжа, летят они, и все же,

Хоть косо в стеклах их отражены
Дворы, дворцы, и слабый свет луны,

Свет слепоты — ночного отблеск бденья
И грубых рифм короткие поленья.

Поэт собой любим, до похвалы он жаден,
Поэт всегда себе садовник есть и садик.

В его разодранном размере, где Дионис живет,
Как будто прыгал и кусался несытый кот.

Неистовство и простота всего в основе,
Как у того, кто измышлял составы крови.

Родной язык — как старый верный пес:
Когда ты свой, то дергай хоть за хвост.

Но, юный друг, своим считаю долгом
Предупредить, что муза схожа с волком.

И если ты спознался с девой страшной,
То одиночества испробуй суп вчерашний.

Черемуха и Томас Манн

Дожди напали на весну. Пovyчеса-
ли Лепестки с дерев и бросили их в лужу,
Они лежат, сияя, сон их тонок,
Черемуха мятется на ветру,
Как легион разгневанных болонок.
Весна обстриженная,
Весна обиженная,
И горло тучами обложено
Такими синими.
Черемуха — Волшебная гора,
Внутри нее — чахоточный германец,
И то же, что ее дрожащие цветы, —
Его веселый роковой румянец.

Небесный балет.

Вчера была гроза,
И «ух ты!» говорила
Я всякий раз,
Как молния прыжком
Нижинским в облака влетала, и скользила,
И в землю падала, — от этого был гром.

И тучи прыскали алмазным порошком.
И вместе — блеск и топот тот невместный.
О, Дезире! Балет небесный!
Толкают — мол, пора — на сцене этой тесной,
Висящей между бездною и бездной,
И локоть округлить, и сердцем распрямиться,
Зависнув, просиять и в пропасть провалиться,
Сверкая в глуби заоконных глаз.

* * *

Мне снилось — мы плывем по рисовым полям
(Из риса делают бумагу),
По блеску мокрому, по зеркалам,
Болотному архипелагу,

В бумажной лодке, лодке бледной,
Не слышно плеска — весла так легки,
В тумане лодка мокнет, утопает
И мелкие дождятся огоньки.
Метелки риса, вставши из воды,
Корейскими косят глазами, дабы
Я поняла: предмет любви не ты —
Они. Любви ветвится канделябр.
Органной песней, как труба в трубе
(Естественно любить и всех и сразу),
Смотри — уходит память о себе
На дно неловким мертвым водолазом.
Смотри — дождем кружатся огоньки,
Не падая на землю, — это души,
Которых неутешная любовь
К Творенью и Творцу, душа, не тушит.
О, как давно я это знала все —
Еще когда была двуногой, —
И вот тону, и вот лежу на дне
Любви мильоноруким осьминогом.
На мелком дне, на рисовых полях,
Принадлежа земле, воде и небу,
Томлением живым — и сладкий страх —
Меня полюбят те, кто думает: «Я не был».

Джоконда

(На знаменитую кражу)

О маленький маляр, укравший Мону Лизу!
(А может быть, она его украла?)
Днем в сундучке спала, а в полночь
Развертывалась, целовала.
Она ли грубого любила маляра,
Звала издали — приди, украдь!
И ночью выползала из угла,
А утром забиралась под кровать.
О человек, ужель ты согрешишь?
Ведь с ней нельзя ни есть, ни пить, ни спать,
Она шуршит в потемках, будто мышь,
С ней можно тенью холстяною стать,

Рисунком или краскою налиться
Взамен крови — кто это в дверь стучится?
Кудрявый, крепкозубый, как вампир,
Он — Леонардо — вами насладится.

Любовь как третье

Когда ты мне сказал: «Тебя люблю», —
Глаза расширились, и вздрогнули черты,
Мы посмотрели друг на друга,
Как изумленные коты,
Как два соперника.
Готовы когти к бою, вздыблен волос,
Посмотрим — когти чьи острее,
Противней голос.

Я за угол свернула и смотрела,
Склонивши шею, на тебя.
Нам, кажется, теперь судьба
Бродить одной и той же крышей
И слушать, как любовь по лестнице крадется,
Мурлычет, громко дышит,
Но, воспаляя зелень глаз,
Смотреть не на нее, а в нас.

Зоя Эзрохи

Крючок

Шить, и вязать, и мужа сохранить —
В один клубок запутанная нить.

Одним крючком (а он не всякой дан)
Плетутся вязка, ласка и обман.

Одной иглою — ровное шитье
И крепкое сшивается житье.

Ни шить я не умею, ни вязать,
Ни промолчать, ни вовремя сказать.

Берусь за спицы — слишком неловка.
Жизнь тяжела, зато легка строка.

С точки зрения посудомойки

Здесь, в мойке, я — хозяйка, командир.
Тарелки встанут там, где я сказала.
Дыра в стене — мое окошко в мир
Гудящего, как полный улей, зала.

Горячий, мокрый, жирный свой уют
Сегодня ни на миг не покидаю:
В окошко мне тарелки подают,
В окошко я клиентов наблюдаю.

Я вижу, как инстинкты их низки,
И вижу, как их интересы мелки:
Не зная возвышающей тоски,
Они жуют и пачкают тарелки.

Они в еде погрязли, в ерунде,
В глубокой прозе щей, компота, хлеба.
Они не знают, что в пару, в воде
Слежу за ними, словно ангел с неба.

Ода больничному листу

Всю ночь болело очень горло,
И я надеждою жила,
Свобода медленно простерла
Ко мне роскошные крыла.

Когда бы не температура,
Ломота в теле, кашель, чих,
Не знала б ты, литература,
Не знала б ты стихов моих.

Тоска на время отпускает,
И даль приветливо чиста,
Пока ладони мне ласкает
Тепло больничного листа.

Бумажка пасмурного цвета,
Преображающая свет,
Больничный лист, мечта поэта,
Казенный штампик, трафарет.

Прекрасен мир, как день получки,
Исчез бездушный счет часам,
И носик шариковой ручки
Уже к бумаге рвется сам.

Они безумно рады встрече,
Они целуются взахлеб.
Писать я буду целый вечер
Сквозь кашель, слабость и озноб.

Древнеегипетский папирус
Не больше для меня в цене,
Чем подтверждающая вирус
Бумажка, выданная мне.

* * *

Поссорившись с мужем, я в кухне спала на плите.
Ворчал холодильник, и бился дуршлаг с поварешкой,
И ночь представляла в великой своей наготе.
Спала я на кухне в обнимку с беременной кошкой.

И думала я, засыпая: когда я одна,
В мурлыканье кошки, в тяжелом дыханье собаки
Мне музыка ночи, мне теплая тайна видна,

Как призрачный солнечный луч, растворенный во
мраке.

Не нужно мне моря, заката, темнеющих гор,
Не нужно смотреть на луну и ночную дорогу,
Я ТАК ощутила ее безмятежный простор,
Уют и покой, и ее глубину и тревогу.

Я знала: посыплются новые ночи и дни,
Помиримся мы и, возможно, поссоримся снова.
Но мне, обалдевшей от стирки, покупок, стряпни,
Уже не увидеть такого луча золотого.

Напротив окно зажигалось и гасло опять.
Какие-то звуки летали, во тьме исчезая.
И жестко, и жутко, и весело было лежать,
И я засыпала, и сладко-пресладко спала я.

Чаща

Не телевизор, не библиотека,
Не музыки святое торжество —
Жилплощадь формирует человека,
И душу, и сознание его.

Да, эта смесь бетона и фанеры,
Ее расположение и метраж,
Кует твои характер и манеры,
Ведет к покою или вводит в раж.

О, не понять шекспировскому Лиру
Ту беспощадность и накал страстей,
Когда не королевство, а квартиру
Не поделить меж старцев и детей!

О, даже Яго в мстительной истоме
И тот бы содрогнулся и стонал,
Коль мог бы видеть сцены в исполкоме
Иль коммунальный тягостный скандал.

Скажи, певец, воспевший гибель Трои,
Повествованья разматывший нить,
Смогли бы хитромудрые герои
Санузел совмещенный разделить?

Смогли б они постичь суды и драки
За лишний метр на кухне для еды,

За право содержания собаки,
За дачу в десяти часах езды?

Провидел бы какой-нибудь оракул,
Что это все случится наяву,
Он людям не сказал бы, он бы плакал
И пеплом посыпал свою главу.

Не предсказал бы даже гений Свифта,
Призвавший всю фантазию свою,
Капризы отопления и лифта
И свод постановлений по жилью.

Прислушайтесь — про что, скажите, чаще,
Чем про жилплощадь люди говорят?
Мы заблудились в этой темной чаше,
И нет дороги, видимо, назад.

Начало

Я родила тогда, когда и птицы
Своих выводят крохотных птенцов.
Об этом я подумала в больнице
Под крики бесконечные отцов.

Отцы с утра под окнами стояли,
Стоял и наш, опомниться не мог.
И, наконец, в вишневом одеяле
Ему вручен игрушечный сынок.

Чем отличался он от прочих кукол?
Поистине ничем не отличим,
Он так же спал, сосал, пищал и пукал,
Но я склонялась именно над ним.

Бесключое, писклявое созданье.
У птенчика истощный голосок.
Не просит он — он требует вниманья
И ищет, ищет ротиком сосок.

Меня вот это очень удивляло:
Как твердо знает он свои права!
Как он, сердясь, кричит из одеяла
Почти что нецензурные слова!

На том проинструктировали свете
(Иль где-то там, ужасно далеко):

«Имеют право маленькие дети,
Родившись, пить из мамы молоко...»

Сын

Беру в охапку эту крошку
И в ротик ей пихаю ложку,
И крошка чмокает вовсю,
И ест подобно поросю.

Туда-сюда летает ложка,
А чуть задержится немножко,
Дитя, как маленький паша,
Бушует, ручкою маша.

И извивается Матвейка,
Как будто толстенная змейка,
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножской ложку бьет.

Но вот окончена кормежка,
Лежит измученная ложка,
И, двести граммов уплетя,
Замолкло сытое дитя.

Воскресным утром

Небесные добрые ангелы, где вы?
Спасите, взгляните, как бедствуем тут!
За тяжкий проступок Адама и Евы
Нам дети поспать в выходной не дают.

Они голосят в двухэтажной кроватке,
Мешая таким удивительным сном!
Торчат из кроватки их резвые пятки,
И пухлые ручки их тянутся к нам.

Всю эту кроватку с ее содержимым
Возьмите на крылья и сгиньте вдали,
С горшками, рожками, кефиром, режимом —
Хочу, чтобы все это вы унесли.

А если, поспавши, соскучусь по Мите
И где же, спрошу, мой сыночек Матвей? —

Тогда, так и быть, вы назад принесите
Вопящих неспящих моих сыновей.

Детям

Дарю вам книги и кино
И объяснить спешу картину.
От вас мне нужно лишь одно:
Чтоб не попали под машину.

Учу не бить стекла в окне,
Не бить друг друга и баклуши.
От вас одно лишь нужно мне:
Чтоб не болели ваши уши.

Ворчать готова целый час:
«Вы хулиганы, вы грязнули!»
Так что же нужно мне от вас?
Чтоб вы в реке не утонули.

Вращение

Все делать быстро, быстро, быстро,
Скорей, скорей, скорей, скорей,
Сверкать по дому, словно искра,
Среди кастрюль, детей, зверей.

Как будто в книге без абзацев,
Я потеряла смысл и связь.
Не за двумя — за сотней зайцев
Одновременно погналась.

Несправедливость и обида:
Ничем богов не рассердив,
Всегда верчусь, как Данаида,
Иль даже хуже — как Сизиф.

Вокруг меня — мои планеты
Живут лишь мне благодаря.
Моей энергией согреты
Материки, леса, моря.

И мысль, которая ужасна,
Меня пронзит в расплаве дня:
Ведь я остыну, я погасну,
Что будет с ними без меня?

Елизавете Английской

Нет, у меня не хватит щек —
Жить по учению Завета.
Другой пример меня увлек,
Тебе внемлю, Елизавета.

Как ты, любимого губя,
От власти собственной устала!
И втуне в сердце у тебя
Глухая нежность рокотала.

Но я, избрав твой сильный путь,
Путь непреклонности и гнева,
Застыла и боюсь шагнуть —
Ведь я отнюдь не королева.

И боль утраты все сильнее,
И нежность — дикая такая,
Что я бессильна перед ней —
И гибну, сердцу потакая.

Художник

...Я б написала полутьму подвала,
Где приютились серые изгои,
И дворничиху я бы написала
(Она — как великан с полотен Гойи);

Худых котят, играющих в подвале,
Страх и надежду кошки изможденной, —
Чтоб люди, потрясенные, рыдали
Пред этой полосатой мадонной.

И вот уже ценитель, громко споря,
Стоит на том, что я, рисуя кошку,

В виду имела человечье горе,
А кошка — это только понарошку.

Забудь, глупец, красивую идею.
Художник я — со мной не вступишь в драку.
Под этой кошкой я в виду имею
Несчастных: кошку, лошадь и собаку...

Но я не Рафаэль, не Леонардо.
Бренчу слегка на тихой скромной лире.
Я — пешка, рядовой клиент ломбарда.
Никто меня не слышит в этом мире!

* * *

Воспеваю тарелку, траву
Или вирусный грипп.
И в лесу иногда не сорву
Замечательный гриб.

Пожалею грибную красу.
В звоне летнего дня
Я лягушку в ладошке несу —
Не боится меня.

И когда я улягусь в гробу,
То из чащи лесной
Прибегут муравьи и грибы
Попрощаться со мной.

Все воспетые мной приползут,
И печальный микроб
Незаметно уронит слезу,
Залезая на гроб.

Станет горько бездомным котам
И столовским котам,
Неизвестным местам и мечтам,
Незаметным цветам.

Прилетит, приклебится ко мне
Мной покинутый дым.
Кто еще в городской стороне
Залюбуется им?

Кто подумает: «Дым — это хвост
Неземного кота»?
Дым — обыден, обычен и прост,
А скучна простота.

Никому я ни мать, ни жена,
Ни штурвал кораблю.
Но кому-то я все же нужна
И кого-то люблю.

Зима

Как нетронутый мох, как приподнятый мех,
Без помех (заповедная зона)
Наполняет высокий светящийся снег
Аккуратную чашу газона.

И так празднично дышится старым домам —
Был бы ветер, дома бы летели!
И деревья пушисто уходят в туман,
Нереальные, как акварели.

Так стоять и стоять с восхищенным лицом,
Все забыть, опоздать на работу, —
Почему-то нельзя. Потому-то во всем
Словно слышу печальную ноту.

Лесное болото

Среди этих деревьев кривых
Проживает лягушка-царевна,
Испугается — в воду бултых,
Затаится тревожно и гневно.

О, как квакает царская дочь!
О, какие выводит рулады!
Словно хочет кому-то помочь,
Словно ждет драгоценной награды.

Сев на веточку, как на насест,
В тихих дебрях родного болотца
Запеваёт она, и окрест
Ее нежное кваканье льется.

И кувшинка — малютка кочан,
Золотистая мини-капуста,
Приплывает сюда по ночам,
Чтобы слышать сего златоуста.

И трилистник тихонько плывет,
И большая, как лебедь, лилея.
Громко квакает идол болот,
Лорелея, болотная фея.

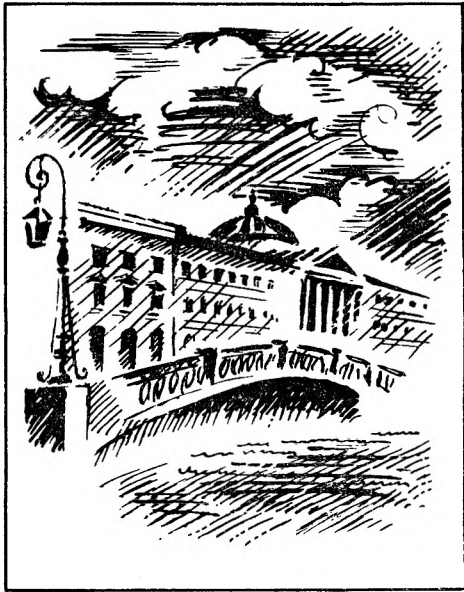
В чем успех? Или это гипноз?
Музыкально-болотная мода ль?
Стайки юркие мелких стрекоз
Прилетят и садятся поодаль.

Даже цапля, свершая набег,
Застывает под деревом старым.
Из животных один человек
Неподвластен лягушечьим чарам.

* * *

Погода в капроновом шарфе
С улыбкой стоит у окна.
А дождик играет на арфе —
Видны и рука, и струна.

Поляна, осыпана светом,
Качается, вдаль уходя,
И самое светлое в этом:
Пчела не боится дождя.

Татьяна Бедова

* * *

Кряхтела лошадка,
скрипела телега,
и роцца белела
от белого снега.

От белого снега,
от звонкого смеха
рождалось вдруг эхо;
белейшее эхо

летело за рощу,
летело, летело
туда, где с утра уже
печка хрустела;

где дым над трубой
завивался колечком,
где в теплом закуте
блестела уздечка;

где теплые валенки
в маминой спальне
и снежная баба
в заснеженном садике.

И к ним торопились
сквозь эхо и снег
лошадка, телега
и в ней человек.

Давайте и мы,
не теряя минут,
поедем туда,
где нас любят и ждут.

* * *

Пропели август. На исходе лето.
Стрекозый глаз следит из-за куста.
Вдруг вскрикнет, словно выстрел, ветка —
и тишина. И улица пуста.
Хозяек будит посвист соловьиный.
Еще прохладно. Дети сладко спят.
Еще трава не высохла от ливня
и яблочным свиданьем пахнет сад.
Далеких птиц лесная переключка
слагается привольно и легко.
За лесом проплывает электричка,
а мама с братом где-то далеко.
Мятежный дух с утра меня тревожит,
но хорошо на сердце оттого,
что этот день пока еще не прожит
и я о нем не знаю ничего.

* * *

Холодное небо — в холодном тумане.
Кричащая птица — в холодном тумане.
И слышится: кто-то в холодном тумане
тихонько играет на старом баяне.

И страшно: когда-то нас в мире не станет...

Играет баян — вспоминается что-то.
За городом осень кружит над болотом.
Но недостижимо пространство полета,
и даже не видно — в холодном тумане.

Не верится, что нас когда-то не станет...

Холодное небо — в холодном тумане.
Не предугадать, что случится, заране.
Счастливое, грустное наше свиданье,
и красное яблоко в тесном кармане.

Как жаль, что когда-то нас в мире не станет...

* * *

Холодный март. Скворец-дружок.
Наш двор у молокозавода.
Мелькает красный сапожок.
Молчит безгрешная природа.

Молчит она. И все в порядке.
Гуляет ветер ледяной.
Блестит вода в огромной кадке
дрожащей пленкой слюдяной.

Проснешься утром рано-рано:
еще луна в окно глядит,
и глухо капает из крана,
и что-то сердце холодит.

Ну, что же? Что?
Ведь все в порядке.
А что ж так больно? Отчего?
Блестит вода в огромной кадке.
Дрожит. И нету никого.

Геннадий Беззубов

* * *

Холодна опустевшая школа,
Выгорает трава на бугре.
Ежедневное чудо футбола
Расцветает в соседнем дворе.

Так поближе к играющим детям
В зазвеневший воздушный проем
Наклонись, потому что не этим,
Но и этим мы тоже живем.

Ибо все, что текло пред глазами,
Сохранится и будет всегда
Рядом, как ни пылало бы пламя,
Как бы ни преломляла вода,

Как бы зрение ни изменяло
С кем угодно, какой бы мотив
Ни жужжал изнутри вполнакала,
Всю прошедшую жизнь извратив...

Пропотела до кожи рубаха,
Но сдираешь, и ты уже там,
И летишь без сомненья и страха
По живым бесконечным холмам.

* * *

Косит по-птичьей девушка в метро,
И беглый взгляд неуловим, с известной
Изменчивостью предосенних крон
Перекликаясь... Может быть, и лестно

Оценивать все это свысока —
Метро, людей, деревья, шум вокзальный,
Да слишком наша слава далека
От снившейся желанной и скандальной.

Безвестность, в сущности, так хороша —
Необходимой тишиной, к примеру,
Но тяготится нищетой душа,
Так ничего и не приняв на веру.

А Днепр лиловый в студень превращен,
Где перечным зерном лодчонка пляшет
Да машет птица крыльями еще
По Гоголю — едва ли перемашет.

Пастораль

Ольге

Ты думаешь, я не умру,
Но я-то так думаю тоже,
Хотя на холодном ветру
Мы слишком на смертных похожи.

Я думаю, ты не умрешь,
Навек отраженная в этом
Пространстве, что входит, как нож,
В пробел между мраком и светом.

Вот так и пребудем вдвоем
В углу этой зыбкой картины,
Где ветер, деревья и дом
Едва проступают из тины,

Из зелени вечности. Бог
Глядит, как в мерцающем свете
На вечной лужайке у ног
Играют бессмертные дети.

* * *

Встать, побриться, купить молока,
Молча крошки смести со стола...
Жизнь казалась проста и легка,
Да такую она и была.

И парок поутру изо рта
Выбегал, непривычно густой, —
Вот граница, казалось, черта
И накатанный лед за чертой, —

Сверху донизу — так и катись
Сквозь пустые морозные дни,
Обгони запоздавшую жизнь
И с изнанки в нее загляни.

Ольга Бешенковская

* * *

Гостям — Гостиный. Ярмарка фасонов,
Ампирный пир, барокко завитки...
А нас роднит, как тайный знак масонов,
Ответный взгляд вдоль каменной тоски...
И никогда чужим не догадаться,
Где ситец, смех, транзисторы и зной,
Зачем в Песочной сходят ленинградцы
С непляжной сумкой, с пасмурной спиной...
И отчего мы дышим тяжелее
На безмятежном острове в цвету,
Где тишина Березовой аллеи
Всегда звенит, срываясь в темноту...

На выставке из частных коллекций

«Неизвестный художник. Портрет неизвестной».
Так и мы... Так и мы...
Реставрируют землю безоблачной бездной
После всей кутерьмы.
Как случаен отбор в институты бессмертья
На кровавых пирах:
Сколько в луврах и в лаврах, но сколько — проверьте —
Лучших — пепел и прах...
Штукатурка столетий — лохмотья капусты;
Обнаружат поздней,
Что и в наших слоях надрывалось искусство,
Задыхаясь под ней.
Незаконнорожденные краски и всплески,
Сколько их утаишь
И утопишь еще, но прорежутся фрески
Через толщу афиш,
Перед вечностью равных иконам: невеста —
Без минуты вдова...
«Неизвестный художник... Портрет неизвестной...»

Акварель... Кружева...
«Девятнадцатый век?» По приметам подсчитан...
Что ж, такая судьба...
Кто-то бился всю жизнь над зефирной морщинкой
Полудетского лба.
И светло на душе, и сумбурно, и грустно,
И столетье мало.
Может быть, оттого не стареет искусство,
Что взрослеть не могло?
И в каком-то конечном, исходно-небесном,
Счете, к тверди лицом,
Мир — опять уравненье с двойным неизвестным:
Красотой и творцом...

* * *

Невесомая ветка порхает у рук
Бледно-розовой тенью амура...
Говорит мне, что это весенний урюк,
Белозубый потомок Тимура.
Говорит, что весной позволяет Коран
Медресе обходить стороною;
Говорит, что аллах отправляет в казан
Только тех, кто печален весною...
А сейчас, говорит, всемогущий аллах
Нашептал ему вещее слово:
Мол, пора бы забыть о муллах и делах —
Остывает мозаика плова...
И под веткой урюка, в намеках теней,
Где прохладны луна и тревога,
Мне уже защищаться трудней и трудней
От фривольного этого бога...
И боюсь, что в прозрачных протяжных ночах
Вдруг проявятся ярче и резче
Два горячих урюка в раскосых очах
И орнамент причудливой речи...
И напрасный нечаянный выдох: «О да...» —
Колдовство затененного мига —
Мне напомнит листвы золотая орда
И щемяще-осеннее иго...
Но пока что он, рисовым зодчеством горд,
Воздвигает мне купол на блюде...
И луна проплывает в расщелине гор,

Как на тихом вечернем верблюде...
Но пока что на звездный узор голубой
Погляжу диковато и хмуро:
А не слишком ли мы атеисты с тобой,
Белозубый потомок Тимура?..

* * *

Не верю в случайные встречи, которых не ждешь,
Но можно раскланяться к бездне спиной галантно...
Мы с другом в больницу пришли. Я не помню одежд,
Которые шли ему больше, чем ангел халата.
Мой грустный и пресный, кому ты пресветлый такой...
Ты как привиденье при жизни, заранее в белом...
Постой, полюбуюсь... Коснусь — как на подвиг —
рукой...
Расправлю тесемки не между — единственным делом...
Мы снова простимся (до завтра — а как навсегда...).
Васильевский остров — гирлянды цепей Гименея...
Давай отразимся в бутылочной гулкости льда,
В лепешке двора, и на лифт отшатнемся, немея...
Чужая больница.
Железом скрежещущий век.
И йодистой фарой прожжен по обочине снег.

* * *

Как почтительно-тихо машины порхали,
На серебряных крыльях — пыльца золотая...
И усталое солнце ленивым барханом
Колыхалось вдали, нарастая и тая...
Как вздыхали послушные ослики в лозах
И мерцали глазами, — смогу ли забыть я...
Над кошмой истлевающей в мраморных позах
Аксакалы свершали обряд чаепитья.
Это отдохновение или работа?
Это миг, или век, или сколько продлится?
И текли ручейки вдохновенного пота
По глубоким арыкам, изрезавшим лица...
Так торжественно ждали иссохшие губы
Вознесенья пиал, не склоняясь к пиалам,

Что казалось: какие-то тайные трубы
В тишине чаепитья звучат аксакалам...
Вот и слушают, в такт бородами качая,
Как уходит их музыка дальше и глуше...
Словно кроме рецептов обычного чая
Им известен секрет, утоляющий душу...
И светилось в оазисах глаз превосходство
Недоступного счастья, неведомых тягот...
Старики обретали все большее сходство
Постепенно — с землей,
в которую лягут.

В старом Ташкенте

Узенькие улочки Ташкента
В школе, что ли, вылеплены кем-то?
Грубо, торопливо, неумело...
Хижины не выснежены мелом...

Пепельная нищенская глина...
Женщина в халате из павлина...
Ослик, симпатичный и печальный...
Кустик, запыленный и случайный...

Ползает, жилища задевая,
Красное чудовище трамвая —
Яркий представитель незнакомых
Среднеазиатских насекомых...

Неба и земли узкоколейкам
Молча говорю: «Селям алейкум!»
И тебе, великий неумека,
Из того, младенческого, века...

Николай Голь

Прощание

Уже притуплено немножко
влеченье, близкое к тоске...
Любовь при туфельках-сапожках
и ярко-красном свитерке.

А как болело! Как тянуло
друг к другу нас издалека!
Как на плече моем уснула
без туфелек и свитерка!

Увы! Умчалась с ветерком
моя подруга дорогая,
и только красным свитерком
дорога машет, убегая.

Баллада с тенденцией

Мы все несовершенны —
и вот тому пример:
художник Ярошенко
выходит на пленер.
Он тихо в рощу входит,
он пишет сонный мрак,
а на холсте выходит
заплеванный кабак.
Видны сквозь листья лица,
склоненные к борщу,
а на березе птица
щебечет: «Не пушу!»
Вновь жанровая сценка,
и нравы так грубы...
«Мы, — молвил Ярошенко, —
тенденции рабы:

на днях с натуры Шишкин
писал публичный дом,
а получились шишки
и мишки под кустом...»

Письмо

Детка (запятая) дорогая
(запятая) счастье лишь отсрочка
перед долгой болью (запятая)
о которой зная (запятая)
не трепещем почему-то (точка)

Детка (восклицательный) Откуда
горечь (вопросительный) Покуда
нету в сердце точки болевой
(точка) Неужели верить чуду
неземному (точка с запятой)
неужели что-нибудь вернется
или хоть приснится невзначай
(запятая) или обернется
прошлым (вопросительный)
Прощай

Друзьям

Давайте думать, что они прекрасны,
как здраво посоветовали нам.
Перечисляя всех по именам,
пойдем дорогой прозы беспристрастной,
вниманье не дробя по сторонам.

Не то чтоб слишком узок этот круг,
но в круге этом как-то тесновато.
Друзья мои — отличные ребята,
не исключая также и подруг.
Без них мне грустно, с ними — веселей,
но соловей
не оживает в горле.
Не помню царскосельских тополей,
и том Парни потрепанный уперли,

а кто — не знаю,
кто-то из друзей.

Вчера я заболел. Мне мир постыл.
Кто это квохчет, кочет или кречет?
Иных уж нет, а тех уже долечат,
как Пушкин из Саади говорил.
Склонились надо мною доктора.
Друзья при мне. Окоченело тело,
а вот душа еще не отлетела...
Лети, душа!
Унылая, пора!

Живородящее дерево Гёте

Если ко мне постучится мучительный кто-то,
будь то приятель, соавтор, наскучивший праздник,
гляну на живородящее дерево Гёте,
вечнозеленое, вроде как дерево жизни, —
станет немного порадостней.

...О каланхоэ,
что за похабное имя и что за высокая суть!
Чем ты беременно ныне? Какое такое
чудо восьмое распухло в твоей древоматке?
Деревомлеком набухла твоя древогрудь.

Спи, агроном, отменяются жизнью посадки
и посевные: травы рожают траву,
елка родит можжевельник. Пред каждою живородящей,
быстрородящею ветвью твоей я преклоняю главу.

Смирно сидишь ты в горшке, принесенное с Сытного
рынка,
мирно следишь из горшка, не причиняя забот,
честно рожаеть подобных себе, но растет
рядом с тобою сухая былинка-травинка —
смотрит завистливо на зеленеющий лист,
стерва бесплодная, строит, наверное, козни...
Как, несомненно, отметил бы веймарский натуралист,
это (даю в переводе) теория сохнет по жизни.

Новая жизнь

Уже проходят дни иначе,
еще короче стали ночи,
уже пора найти удаче
в моем жилище уголочек,
уже пора желаньям куцым
опять придуматься и сбыться,
но то из ложки,
то из блюда
проглянут рожки
и копытца.

Сергей Дроздов

Притча про бетон

Та притча короткая очень проста.
Построили люди опору моста.

Лихие ребята месили бетон,
курили сигарки, ломали батон.

Картузы и кепки ликующих душ
взметнул трубачами исполненный туш.

Опалубкой крепкой надежно одет,
бетон был рассчитан на тысячу лет.

Но не прозвенела победная медь
о том, что его позабыли прогреть.

...А тут — как бульдозер в потемках пророс —
такой навалился железный мороз.

Ворочался хмуро, тоскою гоним,
и сосны, как нары, трещали под ним...

Опора, опора, беспомощный торс,
поскольку бетон не схватился, замерз.

Над волчьей стезжкой, над глыбами льда
спокойно и грузно неслись поезда.

Не ведал никто: для опоры седой
веселая оттепель грянет бедой.

Куда же ты, поезд?!

Но это потом.
Такая вот притча.
Такой вот
бетон.

Колька

Я помню, в ресторанном оре,
учтиво молвив: «I am sorry»,
отплыл от пьяного юнца
метрдетель — подпольный нэпман —
в костюме столь великолепно,
что не запомнился с лица.

Его духовные опорки
в такое выросли с подкормки
официантских чаевых,
такой надменностью слепили, —
переписать бы папу Пия,
да нет Веласкеса в живых.

Был Николай одет как надо
(мы в магазинах Ленинграда
с ним *обновляли гардероб*).
Но как над азбукою в школе,
над гостевой визиткой Коли
все думал метр, все хмурил лоб.

...Сидел герой сибирских строек
меж завитков ампирных стоек,
на столик опершись плечом.
Рукой багровой тискал рюмку
и молчаливо думал думку,
а я не спрашивал о чем.

* * *

Ну, герой!

По чужим мемуарам
складно врет, тыловая душа.
В сорок третьем кисть потерял он,
карасей динамитом глуша.

Ну а кто-то двух слов не свяжет,
вспомнив танковый встречный бой,
и совсем ничего не расскажет
амбразуру закрывший собой.

По всем вырезателям зять знаменит.
Внучок недоразвитый мрачно бубнит:
«Пойду вот служить и ружье получу
и сразу же, бабка, тебя замочу...»

Такая вот нежить, такая беда.
Зачем ты не стала героем труда?
Писал же поэт, одинаково льют
медали за бой и медали за труд.

На дне шифоньера твои ордена.
На дальних гранитах друзей имена.
Ходячая смерть, доживаешь, тошна.

...Девчонкой, живой, до Берлина дошла.

Софья Дубовская

* * *

Дышу вечерними цветами.
Но даже запах табачков известный
не поколеблет аромата новой книжки.

Благоухайте, буквы!
А я —
листаю, листаю — вот они,
лучшие для меня стихи.

Так и тянет переписать,
забыв, что книга теперь моя,
сколько хочешь
по ней живи.

Наедине с воображением

Тропинка, лесная кротость.
И валуны! —
так выразительна
огромность камня
в присутствии молоденького леса.

Ничейный дом
опутан свежими побегам.
Гранитная стена
вот-вот вернется
в состояние породы.

То было прошлым летом.
Сейчас
трава
за тридевять снегов.

Алфавит записной книжки

- А — архитекторов союз.
Прости, владычица пространства,
ты надоела мне,
как собственный характер.
- Б — полупоклонник,
боится продешевить.
- Д — звук родовой,
я из этого желудка.
- И — друзья,
недолюбливают правду.
- К — вовремя напомнит,
что есть мое призвание.
- Л — я бы сказала,
будь я женщиной.
- М — Мария, моя мама.
- О — ни слова.
Откровенность все испортит.
- Р — говори с дураком,
как с ребенком.
- Т — самая добрая
в то трудное время.
- Ш — школьная подруга,
зовет,
как будто я верну ей детство.
- Я — журнал.
Не принимает
экспериментальные стихи.

Иван Дуда

* * *

Сказал бы я: музыка есть, Берлиоз
неправдоподобный,
и в тридцать едва ли
разыгрывать стоит комедию слез.
Есть воздух иллюзий и воздух реалий,
полынь и ковыль есть, камыш у воды,
водою плененный, есть буйная грива
воителя-дуба, он старше Орды,
и дом не чужой, и плакучая ива,
для счастья сирень есть,
жасминовый куст...

Да сердце не терпит границ и предела:
ему бы нектар из назойливых уст,
да обморок плоти, да оторопь тела,
при жизни ему бы тепло, но тепло,
способное и на арктический холод, —
пускай бы там билось в груди этой,
жгло!

Я кровью своей — не водой, не рассолом —
плесну, как обычно, на кончик пера,
в душе приготовлюсь к обычному чуду,
и мир, что хотел погубить я вчера,
своею рукою достраивать буду.

* * *

Предвидя утро, мир вокруг
уже проснулся, просит слова.
Не сплю. Но снится Л. Орлова
в мои шестнадцать. Бежин луг.
И мальвы трогают...
И Глюк...

Цветы — как люди: кто есть кто —
в обычной жизни сын не знает.

И плохо маме, не до сна ей.
Бежит вода сквозь решето,
а сердце — бьется.
Это? То?

Я весь из мускулов. Я — плоть.
И мне бы следовало делом
занять измотанное тело.
Допустим, сон перебороть,
умыться,
выплакаться хоть.

Но не опомнюсь... Не проснусь...
Лишь за Марией в двери кинусь,
в Надежду вглядываюсь, Нину
зачем-то путаю с Мисюсь.
Я — в доме мамы.
Снится пусть!

Ретро

Не Марсель это вовсе, не шумный Версаль,
а всего лишь Торжок. Или Клин.
Но на женские плечи накинута шаль,
и нельзя обойтись без мужчин.
И стрелюю любовною сам Купидон
метит в сердце не с той стороны.
Безобидно играет себе патефон
до войны. До войны.

В меру опыта, в меру отпущенных сил
предстояло — и именно здесь —
не тому, кто не мог, а тому, кто любил,
холод жизни почувствовать. Жесть.
Разозлится кукушка в двенадцать ноль-ноль
и прогонит вечерние сны.
И останется боль. И нужна эта боль
для войны. Для войны.

Я не вправе судить, но имел же Версаль
благородный и титул, и чин.
Только третьего рейха железо и сталь
все гнул в одиночку мой Клин.

Он за черный возьмется, за каторжный труд,
половину искупит вины.
И, не бросив любимую, ищет приют
у войны. У войны.

В мире тихо, и в доме откроют окно,
будут петь на своем языке.
На губах молодых — поцелуя вино.
На губах поцелуй. На руке.
И в полете стрела. И разит Купидон
ею сердце не с той стороны...
И не может не грустно играть патефон
до войны. До войны.

Век

И вы мне не нравиться.
Атомный вы.
Какой-то не чистый. Не гуманитарный.
Я в новый хочу. Но билет — до Москвы.
А все еще — едем...
И все еще — Сарны...
Пусти!
Но пиявкой впивается он,
болотной пиявкой, сердитой осою —
из этого века безлюдный перрон.
И пухнет щека.
И окно я закрою.

* * *

Страна моя плетет узоры
под стать моим.
Воздушных асов
уводит в гулкие просторы.
Балетным хвастается классом,
строфой онегинской, Амуром...
Страну накрыли дни и ночи
и обнесли сплошным бордюром
лесов дремучих и урочищ.

Тепло ей в селах Буковины,
где уйма звезд,
где угли тлеют
не до конца — до половины...
Пребудет Родина — моею.
И будет май.
И взрыв оваций
со стороны черемух крупных,
и белых, в общем-то, акаций.
Моей стране мелки доступны,
она художница,
она же —
колдунья, умница, задира —
простит по-царски и накажет.
Страна, как я:
осколок мира.

* * *

Оттого, что ты дома, а дом, как на грех, —
две-три комнаты, мухи и Кальман,
оттого и пришел и раскланялся чех,
сел, где воздуха больше.
Где пальма.

Было лето.
И сад свои тени ронял.
Гость не взял на колени котенка.
Он про старость сказал, что — не тот матерьял,
чтобы мять при желании,
комкать.

И еще говорил, что к зиме не готов,
кухня не штукатурена, печка,
что не знает, как в мире умножить любовь
и в могилу холодную лечь как...

Провинциальное

На ужин с музыкой, на фильм
о террористах, о кухарках
легко бежит автомобиль.

Кусты шиповника — вне парка.
К ним по-хорошему примкнул
густой орешник, колокольня,
и угол флигеля,
и стул —
зеленый, мнительный, как школьник.

И жить бы несколько веков,
и плащ разглядывать, и сумку,
вино, текущее, как кровь,
в непозолоченную рюмку.
И видеть крест, и купола,
и ту обильную подсветку,
и ту луну, что проплыла,
задев нечаянно за ветку...

Елена Ермак

* * *

По-детски признался, что страшно тебе.
Не бойся. Все будет, как мы пожелаем:
К нам выйдут собаки со сдержанным лаем,
Расстелется луг, от черемухи бел,
Расступятся кедры. И нам подмигнет
Единственным оком старушка-сторожка...
Я чуть не забыла, как пахнет морошка
И к струям прозрачным смородина льнет!
Притихну в бесхитростном царстве твоём
И стану свободней, нежней и моложе.
Для вида пройду с рюкзаком и ружьем —
Ведь жаль этих белок! И соболя — тоже!
Таежная жизнь мне не в тягость ничуть:
Как песня ручья — без конца и начала...
Тебя я дорогу искать научу
По ярким созвездиям, как обещала.

Отцовские цветы

Как эти годы теперь далеко!
В июне ли, в феврале —
Отец на работу ходил пешком,
Тропинкой среди полей.
Мне было, наверное, года три,
Умишко едва мерцал.
Но папа мне часто цветы дарил:
Девчонка ведь, не пацан!
Ну, летом — понятно. Косой коси
Ромашки да васильки.
Но он и зимой букеты носил:
Не купишь нигде таких!
Из автохозяйства спешил налегке
По слегшимся в наст снегам.
Качался фонарик в его руке,
Подпрыгивал в такт шагам.

Дремали стога в сугробах по грудь,
Да иней блестел вокруг...
Но стоило с сена снег отряхнуть —
И чудилось лето вдруг!

В стогах кудрявились клевера,
Что цвет до весны хранят.
Вот тут-то папа и набирал
Букетики для меня.

Казались сказкой в его руках,
Больших и грубых таких,
На ломких тоненьких стебельках
Малиновые комки.

И я затихала в своем углу
(Какие шалости тут!),
Втыкала стебли я в щель в полу,
Ждала — а вдруг прорастут?

Грачиные гнезда

Стою на остановке. Жду автобус.
А рядом — старый парк. Кричат грачи.
Давно ли прилетели, а уже
Почти готовы их простые гнезда:
Слепились вместе по три, по четыре...
Запутались в изогнутых ветвях.

Но что они собой напоминают?
Нет, нет, не кучи хвороста, другое!
Косматые шары грачиных гнезд
Похожи на... скопления галактик!

Не верите? Смеетесь? Я не вру!
Спросите, и профессор-астрофизик
С улыбкой подтвердит такое сходство,
Покажет фотоснимок, негатив:
Чернея островками на бумаге,
Как гнезда, прижимаются друг к другу
Неведомые звездные миры.

Брат

Четвертый месяц братишка дома.
А словно только вчера вернулся.
Такой высокий и незнакомый.

И — с сединой.
Лежит на полке чудная шляпа:
С ременным кантом, с подкладкой ватной.
На ней белесые выжег пятна
Афганский зной.
А помню, брат мой, еще дошкольник,
Из гильз охотничьих порох нюхал
И бате хвастался: «Порох нюхал!
Не веришь? Вот!»
А мы, конечно, над ним смеялись,
И где нам было до дикой мысли,
Что в годы мирные наш Алешка
На смерть пойдет.
На табуретке у старой речки
Сидит лохматое наше счастье:
С сигаркой, шрамами от осколков
И без наград.
Как странно все-таки мир устроен...
Вот собирается в клуб мальчишка.
Двадцатилетний бывалый воин.
Мой младший брат.

Елена Захарченко

Мои товарищи

Гадают о судьбе планеты
мои товарищи —

поэты.

Преодолев косноязычье,
мечтают петь и жить

по-птичьи...

Но неустроенные души
порою грубый хаос глушит.
И все-таки они, как дети, —
доверчиво живут на свете.
И, к слову подбирая слово,
былое воскрешают снова.
С усмешкою: «Была б крепка
не наша жизнь, так хоť строка!»

А жизнь, как выстрел, коротка!..

Ночью у Фонтанки

Я так люблю бродить у фонарей,
когда они в Фонтанку заглядятся
и с лунными дорожками морей
фантазией моей соединятся...
И дальше так близко подойдет,
что я услышу, как вздыхает мама
о том, что долго и зовет, и ждет,
а я ее не слушаюсь упрямо...
Как тихо, сокрушенно говорит:
«Ты у меня — сплошное наказание».
А над водою добрый свет горит.
И в строгой красоте застыли зданья...

Встреча

...И в руку жесткую твою
спокойно положить свою.
И ощутить, что это — счастье.
Услышать: во дворе пустом
толкуют голуби. О том,
что люди называют страстью...
И руку тихо отвести —
чтоб что-то важное спасти,
чтобы проститься...
И вдруг понять: ты рядом, тут,
а где-то там — года идут...
Обняться. И — остановиться...

Любовь

Войдет, как девочка, — играя,
еще нисколько не стыдясь,
что вот такая, не другая,
в мечтах, печалях родилась.
И улыбнется — просто, ясно.
И станет жизнь опять нова.
И одевать ее напрасно
начнут в привычные слова...
Потом — сомненьями измучит,
перевернет весь дом, весь быт.
И смелых — робости научит.
И сильного — не пощадит.
Вздохнут, всплакнут: несчастный случай.
Но если что-нибудь желать,
не знаю, есть ли что-то лучше.
А может, и не надо знать...

Начало

Как тихо время медленное льется
в квадрат простого сельского двора,
где все казалось: яблонька смеется,
что мне дают нести лишь полведра.

«Еще мала», — и смотрит дед, как будто
глазами примеряет на меня
и этот сад, и голубое утро,
что вдаль уходит, дождиком звеня...
Все, все как будто началось в той хате,
где пели песни, где казалось мне,
что голоса для песни мне не хватит,
когда не станет деда на земле...

Розы

Школьный сторож сыпал вслед угрозы.
Нам казалось: это дождик каплет...
Ах, как пахли краденые розы!
Что дарили после, так не пахли...

* * *

А там, в горах, такие есть цветы!
Их ни за что не выдумаешь дома.
И потому — ходили мы туда.
Тайком от взрослых —
чтобы не мешали
свою опасность чувствовать своею,
а нашу жизнь — лишь нам принадлежащей...
С собой мы брали почему-то ножик,
который был нам, собственно, не нужен,
но потерять который мы боялись.
Ведь бабушка грозилась: потеряем —
чтоб и домой тогда не приходили...
Боялись мы без ножика вернуться,
хотя вокруг смотрели так бесстрашно!
Теперь я нашу бабушку жалею —
она сломала свой любимый ножик.
И нас никто так больше не ругает...
А бабушка, наверное, не знала,
какие там, в горах, растут цветы!..

Елена Кальсберг

* * *

Есть магия звучащего стиха!
Стихи, прикованные буквами к бумаге...
Им так недостает дыханья, и отваги,
И буйного какого-то греха —
Будить чужие души от дремоты
И, может быть, сводить с ума!..
Написанные строки — это ноты,
Стихи звучащие — вот музыка сама!

* * *

Есть у поэзии права. И право
Нескромной быть. Нескромная забава —
Своей души шершавые потемки
На рифмы отливать, пройдя по кромке
Дозволенного благостным приличьем.
Есть у поэзии права, но, право, птичьи!

* * *

Если б ты меня любил, ты б не сделал это.
Если б я тебя любила, я б тебе простила.
Гаснет вечер золотой в переливах света.
Глухо плюхает волна под доской настила.
Лодка льется на цепи у мостков причала.
Если б все опять начать, я б не начинала.

Мы стали жить благополучно.
Жизнь стала легкой наукой,
Не оттого ль в душе дремучей
Растет отчаянная скука.

Сердца, не тронутые болью,
Глупы, ленивы и бездарны.
Я не за то, чтоб раны — солью,
Но я за то, чтоб были раны.

Танец

Я — не очевидец — рассказали,
Только мне не верить не резон...

Летом, в сорок пятом, на вокзале,
Покрывая крики, гомон, звон,
Пальцы поотвыкшие терзали
Сквозь войну прошедшую гармонь.

В толчее, раздвинув круг пошире,
Кто когда хотел, пускался в пляс.
Отгремели лютые четыре, —
Иль не повод танцевать сейчас?!

Только вдруг как будто стало тише,
Гармонист споткнулся, взял не в лад,
Потому что в круг широкий вышел,
А точнее — выехал солдат.

И верхом на звонкой таратайке
Танцевал безногий так, как мог,
Не жалел заржавленные гайки,
Как когда-то не жалел он ног.

В танце том была такая удаль,
И такая лихость в нем была,
Ну, а что в коляску был обутий, —
В те года привычные дела.

Главное — глядел в глаза он смерти,
Главное — сумел не умереть,
Он войну окончил в сорок третьем,
Но себя оставил там на треть.

И теперь, по случаю Победы,
В жилах кровь гудела, как огонь:
«Эх, пошли, мои велосипеды,
Шибче жарь, солдатская гармонь!»

Крутится юлою на колесах,
Утюгами в такт гармошке бьет.
Демобилизованный матросик
Просвистел в сигарку: «Во дает!»

А другой: «Ах, чтоб войне-паскуде...»
Но танцует под гармонь солдат.
Одоброя, улыбались люди,
Лишь вдова завывала невпопад.

* * *

Матери нас истово растили.
И, одни взлелеяв наше детство,
Женские обиды утаили
И не дали нам обид в наследство.

Я тебя искала по горсправке.
Тетка, что торчит в оконном нимбе,
Мне твои не выдавала явки:
Был в Задонске, да куда-то выбыл.

Ну а вдруг ты где-то одинокий,
Где-то неприкаянный живешь.
Время, как известно, враг жестокий —
Не прогонишь, вспять не повернешь.

Если болен, или просто плохо,
Хоть и был ты, может, подлецом,
Где ты там теперь, Иван Горохов?
Приходи, приму тебя отцом.

Михаил Каневский

Подросток

Сперва дразнил кота,
пинал ногою банку,
рассматривал моста
дырявую изнанку,
выдумывал — куда
ему еще податься,
от площади Труда
пешком до Петроградской
тащился, как трамвай
бездомного маршрута...

Подставлена ветрам,
раздета и разута
душа его была.
Но что творилось с нею,
куда она брела —
предугадать не смею.

* * *

Набирает паровоз
скорость еле-еле
мимо сосен и берез,
карликовых елей.
Неизведанный маршрут?
Передислокация?!
А колеса мне поют:
демобилизация!

К козырьку прилип листок,
и погодка хитрая.
До свиданья, городок
под названьем Хиитола.
До свидания, страна
чудная, Карелия.

Неужели не солдат,
эх, на самом деле я?!

Что крючок не застегнул,
вещмешок болтается,
вас, усиленный патруль,
это не касается.
Ты послушай — за окном
дождика овалция,
это значит — скоро дом,
демокбилизация!

* * *

Я приду к себе в квартиру, где один
проживаю — и слуга, и господин,

где ночами одичалый ветер бьет
в мои окна, вьюга песенки поет.

Станет вьюга надо мною суд вершить,
стану память кочергою ворошить,

господина спать пораньше уложу,
со слугой пойду на кухне посижу.

Уроки музыки

Что я запомнил: молчащий звонок,
тишь коридора, сверканье паркета,
в классах негромкое шарканье ног,
песенка спета...

Пение — самый несносный предмет,
рыбы и те веселей меня пели.
Гнали с урока, чтоб тер я паркет,
чтобы дощечки поярче блестели.

Так и запомнил — сплошной коридор,
швабру, бумажек засушливых ворох.
Двойка по музыке — это позор,
это предмет для «мужских» разговоров,

это потерянный где-то дневник.
О коридор! Я был вечный твой пленник.
Ждут меня щетки, мастика. Привык,
сросся со мною услужливый веник.

Вот и запомнил: скорей бы звонок,
чтобы натертый до жути паркетик
снова испачкался, чтобы я мог
крикнуть певцам и певичкам: «Приветик!»

Чтобы душе моей пелось на «пять»,
не соблюдая бемолей, диэзов...
Чтобы соседских старушек пугать
старой гитарой в облезлых подъездах.

* * *

А счастье было в двух строках
от нас, но все же проглядели,
остались, словно в дураках,
стоять в объятиях метели.

Теперь уже о тех словах,
строках, усмешках, многоточьях
не вспомню. «На каких правах
живем с тобой?» — «На птичьих». — «Точно!»

И если шорохи старух
нас выгонят из клеток ветхих,
недоставать нам будет двух
тех строчек воробьиных,
веток...

* * *

Ты помнишь эту ночь?

Раскачивался дом,
и чаек голоса летали над заливом,
тогда мы поддались порыву
и с трудом
пытались отыскать название порыву.

Какая ерунда, фантазия, пустяк.
Забывчивость потом на время перемножим.
И пустячок пройдет, забудется...
Никак
который год опомниться не можем!

Гатчина

А я по-прежнему спешу
в тот город с запустелым парком,
нереставрированным замком,
где отцветает птичий шум.

Домишек желтых череда,
с утра до ночи рассужденья,
чем заниматься в воскресенье,
хотя за окнами среда.

Я сам к провинции привык
и, словно «гатчинский затворник»,
гляжу на бледный подоконник
со стопкой безразличных книг.

Уже темнеет тишина,
и только слышно — электричка
стучит. Ужасная привычка
спать у открытого окна:

то мотороллер пропылит,
то пьяный дворник, чертыхаясь,
пройдет, то Павел, озираясь...
А городок все спит и спит.

Александр Ковалев

Незнакомка

На заре возле пристаньки утлой,
там, где берег извилист и пуст,
я сказал тебе:
«Доброе утро».
Ты ответила:
«Тере микуст».

Улыбнулась — и дальше вдоль плеса
легким шагом у самой воды,
исчезая в тумане белесом,
лишь песок отпечатал следы.

В этом мире, случайностей полным,
так легко обрывается нить:
я лица твоего не запомнил,
как зовут, не решился спросить.

Зыбкий след твой
с обветренных пляжей
время стерло неловкой рукой.
Но мне хочется верить:
однажды
я еще повстречаюсь с тобой.

На земле твоей, доброй и мудрой,
там, где берег извилист и пуст,
я скажу тебе:
«Доброе утро».
Ты ответишь мне:
«Тере микуст».

В кофейне на улочке Рану

Заглянем на улочку Рану,
где в тихой кофейне «Парнас»
и цены вполне по карману,
и место найдется для нас.

Здесь год перемен не накопит —
все тот же уют и покой.
Нам Хельга отменнейший кофе,
как прежде, заварит с тобой.

Подсядет к столу на минутку —
все те же морщинки
у глаз —
и скажет, как водится, в шутку:
«Сто лет не бывали у нас».

А мы рассмеемся и с блеском
отшутимся из-за стола
таким убедительно веским,
внушительным словом:
«Дела».

И станет так славно, как будто
в разлуке не год пролетел,
а вышли всего на минуту
и кофе остыть не успел.

Воспоминание о старой мызе

Помнишь мызу у самой бетонки,
вдоль ограды огни васильков,
старый дом, где седая эстонка
нас поила парным молоком?

Были плотно захлопнуты двери,
и язык был почти незнаком,
но словечко короткое «тере»
послужило нам верным ключом.

Солнце низкие травы косило,
остывало, сгорало дотла.

Мы тогда ни о чем не просили,
но хозяйка и так поняла.

По-крестьянски своею косынкой
крошки хлеба в ладошку смела
и поставила полную крынку
перед нами на угол стола.

Был рисунок знаком на обоях,
и, как в детстве, до боли знаком
запах хлеба и солнечной хвои
перемешан с парным молоком.

А потом — продолжением чуда —
сеновал, запах трав неземной
мы вдыхали всей грудью, покуда
небеса не сомкнулись с землей,

чтобы тихо сомкнуть нам ресницы,
чтобы небо могло, не таясь,
наблюдать наши звездные лица
миллионном завистливых глаз.

Николай Колычев

Корова

«Стой, проклятая, стой!» —
«Эй, держи ее, стерву!» —
«Да держите же! Эх... (нехорошее слово)»
И в душистый июль
С опостылевшей фермы
Прочь от криков доярок
Сбежала корова.

И — по полю, кругами,
До изнеможенья,
Повинуясь какому-то свыше приказу...
Вдруг застыла, не выдержав ритма движенья:
Ведь она не паслась от рожденья ни разу.

«Ну, чего, попрыгунья, набегалась вволю?» —
Две доярки присели, усталые, рядом...
И притихли, и долго глядели на поле,
И брели по траве три задумчивых взгляда.

Не клубился забывший колеса проселок,
Было тихо: ни лязга, ни крика, ни скрипа...
И не верилось в то, что за лесом поселок —
Десять серых коробок стандартного типа.

А когда возвращались на ферму, обратно,
Так на них, обернувшись, взглянула скотина,
Что доярка одна прошептала:
«Ну, ладно...»
А вторая — сломала свою хворостину.

* * *

По жизни нас ведут заботы наши...
Покинув дом, просящийся на слом,
Из полудеревянной Кандалакши
Удрал я в шлакоблочное село.

Философ говорил, что жизнь — вода:
Она любой объемом заполнит полый...
Отцы из сел бежали в города,
А сыновья из городов — по селам.

Скажи «село» — встает стереотип:
Избушечки с убогим божьим храмом...
А оказалось — больше десяти
Домов с комфортом,
Сельский клуб — под мрамор...

И я смотрел на эти этажи,
И думал: не удача ль для поэта?
Ведь то село, в каком я буду жить,
Еще никем, пожалуй, не воспето.

Итак, живу в селе без лошадей,
Где не скрипят по зимнику полозья.
Как будто кто-то городских людей
Шутя, с домами прямо в лес забросил.

Но город — это как огромный хор,
В котором голос твой никто не слышит...
Здесь меньше нас, и мы друг другу ближе,
А близким людям не прожить без ссор.

Узнать захочешь, кто в кого влюблен,
Кто пьяный был вчера, а кто тверезый...
Постой у магазина в день завоза —
И будешь ты во всем осведомлен.

От зорких глаз не спрячешься в углу,
Захочешь что-то утаить — без толку...
И сплетни долго бродят по селу,
Как прежде, говорят, бродили волки.

Живу! Дружу и ссорюсь...
И прекрасно,
Что нас не гложет отчужденье ржа,
И если жизнь продлить способно
«здравствуй»,
То будем жить мы дольше горожан.

И пусть дела в селе идут на лад,
Растут дома и подрастают дети...
Сберечь бы сельский жизненный уклад.
Хотя, пожалуй, можно и без сплетен.

Сенокосная пора

Ах, лето...

Сенокосная пора...

Нытье совхозных жен о тяжелой доле.

Без мужиков ночует полсела,

Ведь мужики теперь ночуют в поле.

А ночи так светлы — хоть не ложись,

А «фронт работ» — налево и направо.

За трактором блестящие ножи,

Крутясь, со свистом валят наземь травы.

Кольшется за полем щедрый лес.

Но разве пообщаешься с природой,

Коль шепчет бригадир: «Дай бог погоды...»,

Чуть не всерьез кладя щепотью крест.

И снова блещет механизмов сталь.

Блестят глаза устало, но упрямо...

Вот, став копной с кабиной, самосвал

Ползет туда, где силосная яма.

Он там свое обличие вернет...

И, истекая едким препаратом,

Траву в кровать бетонную вомнет,

Урча довольно, гусеничный трактор.

Что ныне едят? Почитай — везде:

«Село! Цветочки! Ягодки!» — малина!..

Наш полевод пропитан до костей

Соляркою, травой и комарином.

Село уже иное, чем вчера.

О нем, о новом — ничего не спето.

«Ах, лето! Сенокосная пора!

Ах, лето!..»

Может, все-таки — ох, лето?..

* * *

Позади осталась Колвица,
Поворот на Выдру — ламбину,
Вдоль дороги сосны клонятся,
Снег удерживая лапами.

Эх, нытье движка натужное!
По сугробам зайцы драпают.
У меня работа нужная,
Я вожу солярку на поле.

А на поле — ветры свежие,
А над полем — солнце рыжее,
Там, дорожкой заснеженной,
Я пробьюсь к зароду ближнему.

Хлопнув дверцей, с миной важною
К тракторам пойду устало я,
И усатый Генка скажет мне:
«Подходи, чайком побалуем».

Запыхтит с костра по-доброму
Чайник, только что заваренный...
Значит, я приехал вовремя.
Вот какой хороший парень я!

За озябшими осинами
Тормозну на повороте я.
Пахнет полем и машинами,
Лесом, сеном, снегом...
Родиной.

Марк Котлярский

Мужайтесь, люди!

На замерзшем
троллейбусном стекле
чьей-то рукой выведено:
«Мужайтесь, люди!
Скоро Новый год.
Оля М.»

Все
обделенные судьбой,
мужайтесь!

Все
лишенные крова
на этой планете,
мужайтесь!

Все
засыпающие
под пение снарядов,
мужайтесь!

Все,
кому опостылела
жизнь,
мужайтесь!

Мужайтесь, люди!
Оля М.
обещает всем
Новый год.

Жена заводит часы

Жена заводит часы.
Она делает это яростно,
с остервенением.
Она так заводит часы,
как будто заводится сама.
Наконец она
оставляет часы в покое.
Смотрит издали,
как бы проверяя:
не остановились ли;
прислушивается:
исправно ли тикают...
Все внимание — часам.

Жена заводит часы,
словно фиксируя
время нашей размолвки.

Демосфен

...Был Демосфен, конечно, прав,
когда, отвергнув шум дубрав,
немолчный шум толпы людской,
на берег сумрачный, пустой
он одиноко выходил
и говорил, и говорил...
И только беглая вода
все понимала и всегда.
И волны бились о песок
аплодисментами в висок.
...Но пробил час, и вышел срок:
оставив море и песок,
презрев застенчивости плен,
вернулся к людям Демосфен.
Но люди...
Впрочем, что о них?
Они не стоят волн морских.

Огюст Монферран

Очень просил Монферран,
чтобы похоронили его
в Исаакиевском соборе.

Но церковь запретила —
иноверец, мол...

Похоронили Монферрана
во Франции.

Хоть он и был родом из этих мест, —
кто знал о нем?

...«Великий Монферран...» —

так потом писали о нем
в России.

Воистину:

большое видится на расстоянии.

Виктор Кривулин

Художник в поезде

Кто же всерьез убежден, что ответствен художник
за цветное ничтожество и линейную скуку
наших пространств невозможных,
молча толкающих руку
с карандашом или ручкой
вбок — за границы листа?

Что же ответил он? да и кому отвечает он? Лучше
просто молчал бы (затылок у стенки дрожащей),
вырван из мира привычного, на боковые места
брошен — как не настоящий,
но умозрительный чей-то попутчик,
передвижной персонаж правдолюбца.

В поезде, словно по звездам, гаданье по лицам.
Как-то неловко, но все-таки не отвернуться.
Лучший рисунок лежит за краями страницы.
Лучшее в нас — это молча в ответ улыбнуться.

Это ольха, убегая в окне
и навсегда исчезая,
через меня проросла — и во мне,

как разветвленное счастье, без края,
укоренилась, чужая.

Со зрением

Со зрением своим недостоверным,
с одним куском из тысячи возможных
уходишь отовсюду, говоря:
я видел, я узнал, я, стало быть, художник —
и перед миром одномерным
душа склоняется твоя.

Но знаю вспышки лучшего незнания.
Мы путешествовали. Как бы и не с нами
дрожали скалы на сетчатке,
не мы их видели — невидимая трасса
сквозь нищету словарного запаса,
сквозь оговорки, через опечатки
в лицо вбегала, вышибая прочь
глубокую затылочную ночь...

Короткий свет — и зрение короче —
последняя попытка превозмочь
последнее из одиночеств.

Садовник тишины

Садовник тишины выращивает вечер
из почвы, загрязненной человеком
за бесконечный день отбросов и увечий,
день островов и рек, и день обрывков речи.

Послушаешь, как люди говорили
на улицах, меж домом и работой, —
и столько в этом тихой истерии!
За что же свет вечерний из болота,
как лотос поднялся трехлепестковый?

Испытание

От печали горячей,
от парной февральской речки
отрывая пальцы и пряча
в посинелые кулаки,
я испытываю не по силам
испытание — синевой,
деревом, невозможно красивым.
Голым деревом над головой.

Сестры в зарослях

Красный угол черепицы
среди зарослей Сезанна.
Чеховское чаепитье
на веранде — и вязанье
нудящего разговора...
Как мы все-таки болтливы!

Женщины, они сильнее
в эту призрачную пору
превращения идеи
в тему — в заросли крапивы,
в доски дачного забора.

Женщины, рабыни чтива,
труженицы и творцы беседы
о годах восьмидесятых,
о каком-то общем деле...

Сад, погрязнувший в цитатах.
Красный уголь черепицы
в синеве лесного света.
Голос нравственницы, чтницы.
Шелест платья и страницы.
Шорох птицы и газеты.

Сестры на полустанке Александрия

Тишина ожидания. И тишина, когда
уже ничего не ждешь, даже надежды.
И самая тихая — третья.

Три — одинокие сестры —

и в детстве почти не играли.
Ходили на станцию к поезду
с вареной картошкой и солью,
с черникой в газетных кульках.

Господи, Александрия
за тысячу километров
отсюда — за тысячи лет!

...Уходили чрез болото,
мимо разрушенной мельницы,
мимо ржавой поляны
три тишайшие сестры.

Андрей Крыжановский

* * *

Проводы, сумерки, желтый вокзал,
синий перрон и густое контральто
локомотива, который орал,
как носорог, в западне из асфальта.

Добрый, постриженный наголо взгляд
глаз безнадежного провинциала.
Кто он, наш гость? — но дороги назад
время не знает, а времени мало:

скоро ты вырвешься из тупика,
поезд, лоснящийся кожей змеиной,
будут гудеть носорожьих бока
и прогибаться вагонные спины;

будет налажен дорожный уют,
в окнах мелькнут то лесок, то вокзальчик,
то водокачка, то чай принесут —
провинциалу заснуть не дадут
воспоминания: проводы, мальчик,
город, которому равного нет,
чуть заторможенные ленинградцы,
мальчик, влюбленно кивающий вслед
гостю, — и мальчику будет икаться.

А от икоты до рвоты всего
только шажок, только температуры
градус какой-нибудь, но и того
много для хрупкой ребячьей натуры.

Но почему же ему до сих пор
сны отравляют невинный зазор
между болезнью и тесной площадкой
перед вагоном, где мать и отец,
освобожденно вздохнув наконец,
грустно целуются с гостем-загадкой?..

В детстве болеют капризно и сладко —
насторожившись, сольсшись с кроватью,
будто обернутый ваткой птенец...

* * *

Проснешься — и душу, как рыбку, подцепит
исполненный смысла младенческий лепет:

в кроватке стоящая лысая дочка
рифмует тире, разделенные точкой,

и зелень в окне в напряженье от света,
о, счастье мое, позапрошое лето!

* * *

Я груз воспитанья несу,
когда позволяю ребенку
потрогать головку масленка,
во мху пересохшем, в лесу,

когда запрещаю птенца
пугать, с удивленьем стесняясь
того, что в отца превращаюсь
из мальчика в роли отца.

* * *

Как высушить внезапных две слезы —
нагнуться, целовать и видеть кроме
лица еще и скучный дождь в проеме
окна, уже заклеенного в доме,
и, утешая, повторять азы:

де жизнь еще не кончена отнюдь,
о ней не стоит плакать, даже будь
нам по сто лет; быть может, существует
жизнь после смерти; дети говорят:

«Когда я был большим», — и целый ряд подобных доказательств. Где-то дует,

не оттого ли слезы без причин,
и всё вокруг предстало в мрачном свете:
нам холодно, пришла тоска о лете,
при чем тут философия и дети?
«Сиди, сиди, я сам включу камин».

* * *

В сюжеты годится любой пустячок,
мельчайший конфликт, двухминутная ссора:
«Ты, как подменный, стал груб и жесток». —
«Так шла бы к тому, с кем ты в лучшую
пору...» —
«Зачем ты! Я все для тебя...» — «Замолчи,
заткнись, наконец!» — и по кромке развода,
обрыва, обвала... Заплачь, закричи,
влезь жалостью в горло, исчезни в ночи,
чтоб смерть — и не видно счастливей исхода
в ответ на мое — будто к мертвой —
«Вернись!» —
«Вернусь, никуда друг от друга не деться...»

Сюжет закруглен. Примирились. Сошлись.

Мне сызнава страшно на смерть засмотреться.

Святочное

Под Новый год метет, как водится,
и к десяти почти безлюдно.
Что где-то вместе люди сходятся,
мне наблюдать чудно и чуждо.

Вот, расстоянием приуменьшенный,
в чужом окошке Т-образник
стола, и маленькие женщины,
себе устроившие праздник.

В прическах их, в любой оборочке
и каждой складочке одежды
на милого, который с горочки
к ним скатится, живет надежда.

Они на опытном заводике
сто лет работают, подружки.
Счет времени забыли ходики
без длинной стрелки и кукушки.

А снег все падает и падает,
не примелькавшийся ни крошки, —
прохожего морозец радует,
и скрип шагов, и свет в окошке.

Пушок на кофтах-самовязочках
воспринимается сквозь призму
то звезд на рюмочках и вазочках,
то часового механизма.

С дымящейся картошкой вносится
пылающая сковородка.
Похныкав, выпивки допросится
хозяйкин дедушка, сиротка.

Драматический театр

Он проще, чем хотел бы показаться,
но только там, на складе декораций,
где даже небеса
грязны и грудой свалены эрзацы
искусства, убеждаешься: краса
такая перевертышу подобна —

мирок лежалый, пыльный, сам не свой,
глядящий в глубь души, как часовой;
гость опускает веки — неудобно...

Но тем странней рукоплесканья залов,
восторг и фанатичность театралов,
актер и есть актер, вот он кулак
сожмет неплотно и, болтая кистью
одной руки, другой хватает листья

искусственного деревца, и так
растрогать может, сразу и рыбак,
и рыбка, и река, и сочность глины,
и дождь, и — бр-р! На листьях паутина! —
и удочка, и леска, и червяк...

Он разыграл нас. А ведь мы-то знаем
изнанку сцены. Паутина, пыль.
В одышке тормозя, автомобиль
елозит взад-вперед тянитолкаем,
приумножая тесноту, распад,
поношенность... Но зрительного зала
слепая вера вечно побеждала
и шла, как дефициты, нарасхват...

Алла Михалевич

* * *

Стихи не пишутся. Но сердце — не болит.
Опять нормальной жизнью наслаждаюсь.
С нагромождением дел едва справляюсь.
В нем растворились контуры обид.
И кажется, с такой же остротой,
с какою приняла несправедливость,
я ощущаю дней неторопливость,
их прочно устоявшийся покой,
с их теплой крышею над головой,
с веками накопившимся терпеньем,
с их неизбежным вечным повтореньем,
размеренных в поспешности самой.

Проснуться. Встать. И завтрак разогреть.
И дочь собрать и проводить до школы.
Работа, заседания, протоколы...
И даже на ночь почитать успеть.
Как в поле — борозду за бороздой,
В науке труд — такой же, как крестьянский
И круглый хлеб, обдирный, ленинградский,
мы заслужили, кажется, с тобой.

Сумасшедший

Опять больной подросток за стеной
кричит на долгой, невозможной ноте.
Вы спросите: «Что это, боже мой?» —
когда ко мне в свободный день зайдете.

«А-а-а, — непрерывно, — а-а-а». —
«Так можно испугаться не на шутку.
Нет, мне бы не привыкнуть никогда.
Скажи, тебе от этого не жутко?»

«Да. Он однажды чуть не проломил к нам стену. Вот — и трещина осталась. Но мать с ним бьется из последних сил и волю напрягает сквозь усталость.

Бывает, я сама о стену бьюсь.
Нам всем порой какой-то выход нужен.
И все ж не сумасшедших я боюсь.
Нормальные — от них беда похуже.

Крик за стеной — к нему привыкла я,
как привыкают к сдержанному стону.
А за другой — здоровая семья, —
с той стороны и держим оборону».

Шмель

Есть у меня знакомый шмель.
Он прилетает на балкон.
Широкую виолончель
при мне настраивает он.

И ходит лапка, как смычок,
по тонкой ткани лепестка:
не ломает он цветок —
как звук, душа его легка.

В высокой скорости своей
над низкой почвой накренься,
она вибрирует — и к ней
не прилипают пыль и грязь.

Она сгущает внешний мир
в густой, гудящий, плотный звук,
и нитей солнечных пунктир,
искрясь, вращается вокруг.

В прохладном облаке травы —
такой живой, горячий шар.
Не добывает он — творит! —
в нем от рожденья этот дар.

Мне душу хочется свою
с его — настроить в унисон.
Но клонит голову мою
мохнатый золотистый сон.

Две вазы

Одну из двух мне выбрать надо
неуловимо разных ваз.
Они похожи. Только рядом
заметна разница для глаз.

Одна чуть-чуть светлей и выше.
Кирпичный цвет темней в другой
и тоньше устье. Так же дышит
узор спокойной простотой.

И обе рядом и отдельно
так беспредельно хороши,
в них мастер в доброте смертельной
вложил, наверно, две души, —

мне каждая казалась счастьем
и совершенной красотой.
И вдруг почувствовала — мастер
следит с улыбкою за мной.

* * *

Давиду Раскину

Снега пересыпаны солью
и тают — соленые сплошь.
В коротком и сладком застолье
минутную радость найдешь.

И снова — с полночным уходом —
на влажном ветру разговор.
На мокром ботинке разводом
проступит белесый узор.

Сны

1

Я наклониться не могла —
поднять янтарь, упавший с пола:
не слушаются тела
во сне движения глагола.
Проснусь — и тоже не достать,
не возвратиться в сон украдкой...
Так и останется лежать —
молочно-матовый и гладкий.

2

На всем — как будто чья-то метка,
запоминающийся штрих:
шершавая на дынях сетка,
на гладко-желтой коже их.
Снов золотистая подсветка
у серо-белых дней моих.

* * *

Осенней паутинки волосок
нас связывал легко — дрожаще-тонок,
в травинках проходил наискосок,
как бы припоминание спросонок,

почти неосязаемый, почти
невидимый. Летучий, словно фраза.
Его узоры легкие прочти —
и совершенно-мудрым станешь сразу.

И солнца луч, ласкавший этот шелк,
был толще, чем светящиеся сети.
Никто его глазами не нашел —
он только нам одним с тобой заметен.

* * *

Выслушать упрек несправедливый.
Сдать отчет. Статью бы не забыть
допечатать. Вставить о проливах...
Резюме засесть переводить.

Кабинет прокурен, шумен, тесен,
полон подозрений и обид.
Кто-то там сидит в одном из кресел —
всеми, и «самим», руководит.

Пробы экспедиции последней...
Не успеть. Проспекты... и журнал...
Отмахнуться на ходу от сплетни
и лицом не выдать, что устал.

Снова в переполненном трамвае
С сумкой книг, продуктов и с зонтом.
Старый друг приветливо кивает —
некогда, поговорим потом.

Вот и дом. Раздеться. Запереться.
Наконец-то можно разреветься!

Михаил Окунь

Аптека магистрата в Таллине

Когда-то: «Кровь черной кошки,
Настоянная на разрыв-траве
При лунном свете»,
Теперь: антибиотики, транквилизаторы
И многое другое,
Столь же трудновыговариваемое,
Как и само это слово.
Шесть веков...
Но вычти из них лекарства, зелья, снадобья,
И останется все тот же
«Человек страдающий».

Гур-Арье

Под Токсовом война
Убила человека
С фамилией столь странной —
Гур-Арье...
Он выделяется фамилией своей
Среди Михайловых, Григорьевых,
Смирновых

На белом мраморе
Могилы братской.
Возможно, если очень постараться,
То сыщутся —
Хоть поиск будет долог —
Фамилии той корни,
И филолог
Происхождение объяснит отменно;
Ответит на запрос архив военный —
О Гур-Арье мы кое-что узнаем, —
Фамилия-то редкая такая.

А что ж Михайловы, Григорьевы,
Смирновы?

Пусть без филолога,
Но в поиск надо снова.
Мы архивистов вновь побеспокоим —
Ведь каждый нашей памяти достоин.
Убили человека — нет Вселенной!
Вселенные вошли
В архив военный:
Вселенные Петровы и Козловы,
Васильевы, Степановы, Горшковы,
Вселенные Седовы, Гур-Арье,
Существовавшие когда-то на Земле.

* * *

Опять, опять приходишь ты
И ночь приводишь за собою.
Не лги, что стал тебе судьбою, —
Твои глаза пусты, пусты...

Да и слова твои пусты
И зря тревожат тишь ночную.
Но все ж люблю тебя такую,
Мой гений чистой пустоты.

* * *

Бродячий мастер,
Лунный свет,
И в наши заглянул пределы.
Он подсинил снега умело —
То был его автопортрет.
И черным поверху нанес
Дома,
Деревья садоводства.
И вдруг поблек —
Исчезло сходство,
И вдруг пропал
И холст унес.

* * *

Жара. Окаменела глина.
С полудня обезлюдел двор.
И солнце горячо и длинно
Глядит, глядит на нас в упор.

Нагретый камень жаром пышет.
В пыли дуреют лопухи.
И тяжело деревья дышат,
Обжегшись воздухом сухим.

...Сейчас зима.

Белеют крыши.
А я невольно ворошу
Те дни.
Я голос твой не слышу,
Я жгучим воздухом дышу.

Обращение к дереву

Услышь меня
В багряный час восхода,
Когда еще на грани сна природа,
И виденьем отметь двойным.

Прими меня
Под лиственные своды,
Умерь печаль,
Развей мои невзгоды,
Как муравья, укрой листком своим.

И в горький, неизбежный час ухода
Возьми меня,
Мои земные годы
К своим причисли кольцам годовым.

* * *

Гнутся ветки
Под ветром упруго,
Обещает октябрь холода.

И никто не полюбит друг друга —
Ну какая же в этом беда?

А денек и дождливый, и серый —
Ленинградский обычный денек.
И повсюду,
В аллеях и скверах, —
Непременный багряный поток.

И хрипят водосточные трубы,
Набухает в каналах вода,
И насвистывает сквозь зубы
Сквознячок:
«Не беда, не беда...»

Репейник

Репейник на задворках
Среди трухлявых досок,
Покрытый пыльной коркой,
Растет себе без спросу.

А мы все ищем слово,
Спешим, проходим мимо.
А он — такой лиловый,
Земной, неповторимый.

* * *

Я видел озеро во сне.
Оно поблескивало мглисто
И тайно угрожало мне
Стрелой коварной стрелюлиста.

И в ожидании беды
Я вдруг почувал отчего-то
И взгляды рыб из-под воды,
И взгляды птиц с высот полета...

Ирина Павлова

Прогулка к Свечному переулку

Здесь верхушки рыцарских башен
Онемели, затихли, спят,
И застывшими лапами машет
Пара бронзовых медвежат.
Дом украшен странным нарядом:
Пестрый ряд теремных колонн,
Протянулся вдоль по фасаду
Черным кружевом длинный балкон.
Затаились, застыли, замерли,
Голубеют вечерним небом
Сто глубоких оконных заводей,
Пахнет шоколадом и хлебом.
Кот бежит через улицу
И в подворотню ныряет.
Свет в переулке хмурится,
День умирает.
Тополя заигрывают тихонько ветвями
Друг с другом и с проводами.
Аптека гомеопатическая на углу.
Я — в Свечной.
Там черемуха зацветает,
И забор длинный:
«Вход на стройплощадку запрещен»,
Трактор и груда глины,
А был дом когда-то,
Старый, слабый... Сломали.
Неужели так надо?
Мы же не торопим людей умирать.
Вот и лиговские трамваи.
«Ну, прощай, Свечной!» —
«Ты куда?» — «Домой, спать». —
«А завтра придешь опять?» —
«Да, как всегда».

В переулке

У желтой стены подворотни
Целуются солдат и девушка.
Над аркою, как на противне
Выпеченные — яблоко и две груши
С листвою из теста гипсового.
А еще выше, будто игрушка,
Филин налип или сова.
А под верхним карнизом, едва видные,
Русалочки рожицы яйцевидные,
Соединенные гирляндами кос.
У одной облупился нос,
У другой, наверно, выпал зуб...
Так они стары, что
Им исполнилось лет по сто,
А все же лукаво глядят,
Как далеко внизу
У желтой стены целуются девушка и солдат.

* * *

В простеньком маленьком мире
Прозвучал неожиданный звонок,
И в моей уютной квартире
Кто-то всхлипнул и изнемог.

И, оставив в прихожей туфли,
Весь продрогший, почти без сил,
Кто-то долго рыдал на кухне
И советов моих просил.

До утра по моей квартире,
Задевая за косяки,
Он бродил и в уютном мире
Разжигал очаги тоски.

Он мне каверзные вопросы
Задавал и за плечи тряс,
Он курил мои папиросы,
Чай заваривал в пятый раз.

Он хотел от меня так много,
То ругал, то просил: «Поверь!»
Уходя, оставил тревогу
И на холод раскрытой дверь.

С той поры в моем маленьком мире
Запереться нельзя никак,
И в моей уютной квартире
Загулял по углам сквозняк.

По ночам кого-то жалею,
Днем кого-нибудь чаем пою...
И вопросы, когда стемнеет,
Я сама себе задаю.

Оттепель

Два дня проплакал город талый,
И слезы горькие кварталов
Текли по скользкой мостовой.
Бесстыдно слезы проливали
Сентиментальные трамваи,
Рыдал балкон над головой.

Декабрь забыл свой долг всегдашний —
Быть первым месяцем зимы,
Он загляделся с Думской башни,
Как в сквере целовались мы.

Ревнует он или простужен,
Что плачет?.. Но пора придет:
Его слеза в морозной луже
Блеснет, замерзнет и замрет.

* * *

Что ты? Не грусти.
Зачем нам обижать наших близких изменой?
Жизнь прожита наполовину,
И все у нас уже есть.

Перемены
Не нужны нам —
Они тяжелы и утомительны.
Цикламены
Весенние подари мне и согрей руку,
Но не делай так,
Чтобы нам потом пришлось изменять друг
другу,
Возвращаясь обратно к своим близким.
Пасмурно, как облака
низко!
Скоро пойдет снег.
Ну, пока...
навек.

* * *

Дом отвернулся,
Насупился, спрятав досаду.
Я так давно не касалась
Знакомых перил.
Окна глаза опустили,
С растерянным взглядом
Нехотя хмурый подъезд
Меня внутрь пропустил.

В утреннем свете
Предательски дремлют ступени.
Пятна на стенах и надписи
Смысл обрели
Апокрифический,
В нишах ожившие тени
Холодно проводили меня
И ушли.

Старым ключом
Удивленную дверь отворила,
В темной передней
Сурово глядят зеркала.
Целую вечность
Я в дом свой родной не входила.
Целую ночь
Я в квартире своей не была.

Олег Пилюгин

Стая

Мне рассказали, что в районе
Бывшего Комендантского аэродрома
Стая диких собак утрами ранними
Пробегают яростно и угрюмо.

«Быстрее! Отогнать от бачков мусорных
Голодных чаек, слетевшихся с речки Черной!
Быстрее — пока самих с бранью матерной
Не погнал краснолицый дворник!
Все люди теперь, наверное, дворники:
Стерегут, как собаки, — не доверяй им!
Мы для них опасные, беспризорные:
Заразу разносим!
Отбросы воруем!»
(Без лая, молча — может быть, год который, —
Только дробный топот да дыханье учащенное!)
«Эй, не отставай, старый!
Ты что отстаешь, щенная!
Быстрее! Пока еще не заметили
Собачники на своей колымаге!..»

Я спросил: «Откуда?» — и мне ответили:
«Расселили деревянные Коломяги».
Бывших соседей встречая, киваем:
Где-то когда-то видели вроде...
Одних волков убиваем.
Других волков производим.

* * *

Такой простор, что заблудился ты.
Такая тьма, что не видать на локоть.
Склевали птицы зерна клеветы
И разнесли по миру лживой клекот.

Секут одежду острые суки,
Секут лицо безлиственные прутья.
За лживой песней свой направил путь я,
И не видать протянутой руки —

Своей... Чужой... Пожалуй, я кружу:
Вновь бурелом, вновь яма, вновь болото...
О, как смешон я с птичьего полета,
Но я и птичьим смехом дорожу.

* * *

Носитель зла поизмельчал:
Нет Князя тьмы — лишь бесов тыщи!
Каких концов, когда начал
Теперь у зла уже не сыщешь?!

Все нити стянуты узлом:
Не разорвать и не распутать.
Никто не виноват кругом —
Но и виновны все КАК БУДТО.

Творец Освенцима безлик:
Тот, кто по имени известен,
Был только жалкий ученик
Маршеобразных, бодрых песен.

Любой капрал иль генерал,
Что «хайль!» неистово орал,
Исчезнув, не разрушит строя:
Он только в такт маршировал,
Он только песне подпевал —
А Зло — начало хоровое!

Метаморфозы

Я стану деревом, и в кроне
Пусть веселей душе поется,
А память пусть проникнет в корни
И с памятью земли сольется.

Но нет надежды для живого —
И крона осенью завянет,
А память от питья земного
Еще, пожалуй, горше станет.

Тогда пускай я стану камнем,
Заполненным самим собою,
Не предназначенным к исканьям
Своей недвижною судьбою.

Аминь! — И канет камень в воды,
Чтоб из него не изваяли
Живые мертвому в угоду
Кумира, бога ли, вождя ли.
Чтоб, заостренным, не убили
Ни друга, ни врага, ни зверя,
Чтоб, с ним связав, не утопили,
В надежность тяготенья веря...

...Там время ход остановило,
Там жизнь сама на смерть похожа.
Там вечность, высланная илом,
И старше жизни, и моложе.

Одиночество

Несколько раз за окном проезжала машина.
Несколько раз принимался гудеть холодильник.
Лифт поднимался и вновь опускался, и чинно
Тщетные миги отсчитывал громкий будильник.

Что ты морочишь, квартирная, скверная пустошь?..
Щелкнут обои в углу... Заскрипит половица...
Трубку поднимешь — услышишь гудок — и
опустишь.
Виснут в пространстве секунды, и время не длится.

Слушай! Стоит ли игра
Свеч,
Если свечи до утра
Жечь,
А потом, зевнувши всласть,
Лечь
И забыть, о чем велась
Речь?..

И достойна ли игра
Слов,
Если слово не доро-
сло
Ни до стога, ни до сты-
да?..
«Развели уже мосты?» —
«Да».

Пробужденье

Так странен день, когда ты попадешь
В него внезапно из тоннеля сна,
Что неумна пробужденье дрожь —
Неведенье и неприятья знак;

Когда разрубит лезвие звонка
Ту сновиденья спутанную нить,
Щемит и замирает в позвонках
Блаженное желание — «не жить».

Но вот вторая, третья грянет трель —
И, словно где-то поджидали тут,
В сознания приоткрывшуюся щель
Тревоги дня нахлынут, наплывут.

Звони, зови, безумствуй, телефон!
Врываись в уши мир наперебой!
Ну пусть не ты — пусть кто-нибудь
другой —
Но хоть на миг зажжет надежду он!

* * *

И вечер наступил. Едва
Кольшет листья ветер слабый,
И гладиатор гладит льва,
Занозу вытащив из лапы.

Устав от крови и страстей,
Себя расслышав в сердца стуже,
Дыханьем жарким царь зверей
Ему отогревает руки.

Дай бог усталости такой
Всем гладиаторам на свете —
Чтоб вечер был, и слабый ветер,
И гладить слабого рукой.

* * *

«Ну где ты видишь солнце? Хмарь и дождь.
Где неба высь? Нависли злые тучи...»

«Неважно это. Время столь текуче,
Что, если ты у ЗАВТРА украдешь
Немного для СЕГОДНЯ, — нет беды:
Сойдется все в каком-нибудь балансе!
Не прячься от дождя! Со мной останься!
Запутаем во времени следы!..

Войдем в нежитый, непочатый час,
Отбросим календарные расчеты...
Ведь, может статься, ПОСЛЕЗАВТРА чье-то
Все наше ЗАВТРА выкрадет у нас».

Давид Раскин

* * *

Город заброшенный, мокрый и, в сущности, жалкий.
И подтекает плащ, и кончается газ в зажигалке.
Зло берет, как посмотришь. Слабость, испарина,
лень.

Быстро идет к концу командировочный день.

Прошлая встреча смыта, как осыпь древнего вала.
Лет пятнадцать потом прожито как попало.
Только под вечер, припомнив год и число,
Выйдешь к реке, в которой много воды утекло.

Глядя в дряблый туман в венозных узлах заката,
Вспомнишь, как на воде шумно пестрела регата,
Все, что начать не решился, кончил уже тогда.
Прежние лодки скользнули мимо и без следа.

Мог бы и вовсе забыть. Не нужно прощального
жеста.

Но выручает спешка. Завтра — время отъезда.
Вряд ли скоро удастся здесь очутиться опять.
Что потерял — неизвестно, да и не стоит гадать.

* * *

Столько всего пропустил, что мог бы остаться
На вторую жизнь, но все еще переводят
В очередной возраст, хотя не дается задача,
Условия непонятны, и, может быть, в них опечатка.

Пока — тяжелеет воздух, дело к дождю. А впрочем,
Это как раз уже проходил когда-то,
Только забылась несложная цепь доказательств
Твоей причастности к сухой и темной сирени.

Стоишь и знаки и числа на ощупь перебираешь,
Но что-то должно получиться после перестановок,
И можно ответ подогнать, и надеешься больше на
случай,
Чем на себя. Крошится мел на асфальте...

* * *

В шерстяных вечерах, в петлях ворсистого дыма,
Пока прогреваются гулкие батареи,
И чай отдает банным самодовольством
И запахом вечного опоздания,
Любая мелочь кажется необратимой.

Сумерки засорены отговорками вроде
«Ну и пусть», «все равно», «не больно-то и
хотелось», —
Углекислым бессилием, сонливой тягой к покою
Заполняется лишний час... Переходим на зимнее
время.

* * *

Лязгнул эспандер, растянутый на пять пружин,
А на полу отдыхает упругая штанга.
Душ отшипел, и опять ты один на один
С утренним часом, и брошен тебе, как приманка,

Воздух прохладной весны. И в который уж раз
Снова попался на удочку жизненной силы.
Кровь продолженья просила, и сразу погас
Страх пробужденья, опыт слепой и бескрылый.

Воздух еще наполняет мешки альвеол,
Кровь разбежалась тропинками вен и артерий,
Словно себя на убогой мякине провел,
Смысл потерял и легко примирился с потерей.

В которых приходится жить, словно играешь на сцене,
Достигая подобия с кем-то, еще не бывшим,
И даже не веря в себя... Но эти уроки
Сливаются в сонный гул... И в голосе слышен металл.

Разрыв

Пахнет лекарствами в будке. Жирные стекла
Захвачены пальцами и за день вконец разогреты.
Трубка как будто разбухла или размокла,
Но автомат молчит, только глотает монеты.

Рядом сберкасса, булочная и аптека.
Длинная площадь, обставленная ларьками.
Зной навязчив, как дружеская опека.
Плавится память в асфальтовой амальгаме.

Не дозвониться! Но в мутно-зеркальном покое
Миришься с чем угодно, лишь бы не суетиться.
Только трамвай искрит, царапая воздух дугою.
Заряжена робким отказом любая частица.

Следуя старой привычке, держишься как на сцене.
Запоминаешь подробности, уже лишённые смысла.
Все свелось к ожиданию, к тщетным поискам тени.
Частично забылось, частично расплавилось или
раскисло.

Пейзаж

Степь иссушила предлоги, наречия и союзы.
Лишь виноградные колышки жирным бетоном
блестят.

Прикосновение к жизни подобно ожогу медузы.
Речь сама по себе легко переходит в распад.
Пыль. Купорос на лозе. Гнилостный запах лимана.
Непостоянны значенья в скопище грубых корней.
В час пополудни и дальше — каждая тень безымянна.
Даль развалилась, как фраза, и не жалеешь о ней.
Соль на сыпучих камнях. Мысли еще бессловесны,

Галина Скляревская

Глеб Семенов

Счастливец, тайный баловень утех,
Из тех, кто обделен ни разу не был,
Он смеет знать и говорить при всех
О том, что время медленно, как небо.

Изведав едкий вкус имен, времен,
Он говорит и повторяет снова,
Что мир земною плотью сочленен
И красотой небесной согласован,

Что переход в сегодня из вчера —
Нам каждый раз дарованное благо,
Что счастье есть: безмолвная бумага
И — ангелы на кончике пера.

* * *

И сорок дней прошли, как сорок лет,
Теперь ни голоса, ни взгляда больше нет,
И ощущение ее тепла
Я удержать в ладонях не смогла.

Теперь осталось только видеть сны,
Взвалить на плечи груз своей вины,
С которым я конец пути пройду —
Как сирота и старшая в роду.

* * *

О, как мы любим в зеркала старинные,
Настенные, напольные, каминные
Смотреть, придя в музей или в театр.
И комплексуем, может быть, не меньше мы,
Но эти победительные женщины! —
Ни дать ни взять — собрание Клеопатр.
И я как все. И я в такое зеркало
Смотрела пристально иль воровато зыркала,

Хватая отражение свое.

И в этот миг закладывала душу я:

Я своего стыдилась малодушия,

Но принимала льстивое вранье.

Про взгляд, не замутненный недосыпами,

Про цвет лица, нагулянный под липами,

Я вместе с ним сама себе лгала,

Легко забыв, что после все отменится:

Мы этим зеркалам не современницы,

И нам другие служат зеркала.

Но эту ложь еще сильнее ценим мы,

Когда под лампами люминесцентными,

Смотря сквозь кривизну и зеленцу,

На службе, в учреждении ли, дома ли

Без жалости к себе — а вы как думали! —

Перед собой стоим лицом к лицу

И в каждой черточке, и в каждой малости

Разглядываем оползни усталости

(Покой не снится нам. О, вечный бег!),

И свалки, и руины — и заметьте-ка:

Их маскирует вовсе не косметика,

А блеск железа, спрятанный меж век.

С невидимого зеркальца из сумочки

Смахнем свой взгляд, угрюмый или

сумрачный,

И снова мы в пожизненном бою.

Уже забыв первичные причины, мы

Сражаемся за равенство с мужчинами,

За женственность бессмертную свою.

* * *

Стою, обмерев, я,

себе я не верю сама:

ведь знаю — деревья

не сходят, как люди, с ума,

зачем же, отринув

приличий привычную лень,

подобная взрыву,

горит безрассудством сирень.

Сгоранье — цветенье,

и дрожь от волос до ступней,

в таком возбужденье

недолго сорваться с корней!

Меж нами решетка.

Я в сторону взгляд отвожу:
сирень-сумасбродка,
я дружбы с тобой не вожу.
Не день и не месяц
я в землю врастаю, как пень,
чтоб уравновесить
твое безрассудство, сирень.

* * *

И дело решилось,
и срок был назначен —
пожаром сирени
весь город охвачен,
и вот занялось
без разбора, без меры:
из каждого сада,
из каждого сквера,
из каждого дворика —
пламя — и даже
уже полыхает
у стен Эрмитажа.
Пройти на работу
почти невозможно:
от клиники Отто
к воротам таможни
клубится и рвется
сквозь липы и клены
лиловый огонь
в маете исступленной.
Пожар растекался,
не зная предела,
гудел и метался,
и сердце гудело,
и билось, и било
в набат, как когда-то,
да только никто
не слышал набата.

Александр Танков

* * *

...И наши драмкружки, и наши тайны роста,
И наши девочки с предательством в глазах,—
Как больно, боже мой! Как — содрана короста,
Береста содрана, береза — вся в слезах.
Как упоенно ты врала, и как глядели
Глаза волшебные в ночное никуда,
Как ночь звала тебя, и как в ночи гудели
Янтарным светом налитые поезда!
Лолита, девочка! Вся из сплошных обманов,
Вранья чудесного! Выписывай петлю
Волшебной туфелькой, и руки из карманов
Не вынимай, я так тебя люблю!

Май

Захлебывающийся словами,
Взволнованный и проливной,
Он прислан, видимо, за вами,
Хотя уверен, что за мной.

Он слышать ни о чем не хочет,
Рябиной, ветреной сестрой,
Подслушанный, — и гром грохочет,
Как поезд на Металлострой.

Весь в первых листьях, в птичьих всхлипах,
В пупырьшках дождя, в слезах,
В несовершеннолетних липах
С раскосой радостью в глазах,

Растерянный, слепой, влюбленный,
Лицом — в кипящие кусты,
Такой сиреневый, зеленый,
Неправильный, как я и ты.

Я нищей красотой зимы не очарован.
Я не люблю ее алмазные цветы.
С ней холодно душе, и блеск ее ворован.
Тверда ее рука, глаза ее пусты.

Но лето, боже мой! Стрижами полный воздух,
Цветущие луга и лилия в руке,
Весь в капельках росы, весь в светляках и звездах
Июнь плывет во тьму по млеющей реке!

Георгины

Плети георгинов перевязывать веревкой
В талии, дыхание цветам перехватив.
Осень на веранде дачной пилит со сноровкой
Вечный свой, скрипичный свой навязчивый мотив.

Воздух так прозрачен, звучен. Кто там, что там колет?
Пилит, рубит? Кто там молотком во что стучит?
То распустит волосы, то снова их заколет
Эта рыжая береза, что в окне моем торчит.

Мало нас! А может быть, и нету нас нисколько?
Много нас! А может, все на свете — это мы?
Осень пахнет горькой мандариновой долькой,
Сладким синим дымом, наплывающим из тьмы.

Если бы тебя я почему-то и не встретил,
Столько есть у осени заманчивых даров! —
Небо, и березы, и золотые плети,
Осиные талии золотых шаров.

Любовь

Еще пронизано все тело сквозняком
Последнего немого содроганья,
И я опять едва с тобой знаком.

А были мы, как две трубы в органе,
Глаголящие страшным языком
Бессмертной, никогда не лгущей страсти.
А были мы разорваны на части,
И мертвою обрызганы водой,
И сращены. И горшею бедой,
Чем смерть, — разлука нам. Не в нашей власти
Хоть на мгновенье руки развести.
А были мы как две строки о счастье,
И ты шептала: «Сердце отпусти!»

Еще течет, сверкая, сквозь меня
Река живая тьмы и наслажденья,
Река живая меда и огня,
Но нежность — только маска отчужденья.
Спи, нежная моя. Прости меня.

* * *

Василеостровский резкий рассвет.
Сероводородом пахнет вода.
«Метеор» оставил распухший след.
Половина жизни прошла без следа.

Где-то просыпался, слушал, как дождь
По веранде ходит, тихо, как вор.
Кажется, весна — воробьиный галдеж,
Ночи ненасыщенный, сонный раствор.

Шел босой на кухню, из чайника пил
Воду алюминиевую. Где и когда —
Не запомнил. Помню — был молод, любил.
Может быть, был счастлив? Наверное, да.

Лето

Лето, где твои ласковые полные
Руки, падающее на песок
Платье, сломанная молния,
Губ земляничный сок?

Лето, где твои влажные ветви,
Соловьиных ночей азы,
Фиолетовая геометрия
Полубморочной грозы?

Как беспамятны, как измяты
Листья! Не различить лица!
Сколько ливня, полыни, мяты,
Жизни, нежности, чебреца!

Эрик Шмитке

Капитаны

И снова весна.
На деревьях рождаются клейкие листья,
и врываются в город
свежие крепкие ветры.

Ты присмотришь,
как управляют колясками молодые отцы —
ловко лавируют на площадях,
сыновей укрывая от ветра.

Э... Такое знакомо
лишь капитанам фрегатов.
Такое тонкое ощущение ветра,
такое захватывающее желание
великих открытий.

И снова первый снег

Памяти деда моего Альберта Райхерта

Уже никто не разбудит
меня на рассвете,
чтобы вместе расчистить
от снега наш двор,

и уже в день рожденья
книжку сказок
никто не подарит, —

только вот снег все идет.
Все такой же душистый до слез.
Да бабушка еще жива —

который год хранит она
шоколадку к моему приезду?
И точно близнецы
живут на свете —
тоска моя
и бабушка моя...

* * *

Замерзшим окнам
снятся теплые сны
о красивых цветах
в экзотических странах, —
такие уж они
неисправимые романтики.

Мы видим,
что снится окнам,
потому что у них
прозрачные, чистые души.

* * *

Точно свет фонарика,
в пустой квартире забытого
при переезде,
ты во мне потихоньку таешь...

...А у меня отрастает ребро
и болит, и болит
с каждым днем все сильнее,
и лежать, и ходить мешает.

На стройке. Обеденный перерыв

(Картина с натуры)

В тесной кабине,
скинув промасленный ватник,
пожилая женщина вяжет.

Сосредоточенно считает петли,
беззвучно шевелит губами
быстро-быстро, —

будто из всех сил
старается не заплакать.

Зависть

Завидую судьбе дорожных знаков!
Каждый

из них
наделен
частицей

Истины
конкретной
и неоспоримой.

На самом деле!
Разве
стали бы
они так
твердо

Стоять
в любую
погоду

На своем
месте
и свое
твердить?

.....
А мы сегодня утверждаем

Одно,
другое —
завтра
и прячемся,

Как можем,
От дождя, и снега, и солнца...

Духовой оркестр

Ты посмотри:
даже самая ничтожная былинка,
а тоже — трубочка,
дудочка!

А лес? — тот совсем
медный...
Этот духовой оркестр
называется «Флора» —
классная банда!
Без передыху жарит.

Только вот что:
то ли безумные вальсы
на гулянье народном?
то ли военные марши? —
ТРУДНО ПОНЯТЬ.

* * *

Это точно...
Луна большой мастер
и портретов,
и пейзажей,
и даже натюрмортов...

Поскольку она жива отраженным светом,
красота числится по департаменту Луны.

Сомнение

Соседская собака
на хозяина своего столь похожа,
что вчера вечером,
возвращаясь с работы,
я попросил у нее закурить.

А сегодня,
после ночной смены,
я вдруг принялся
скрестись под своей
дверью
и даже немного
поскулил.

Эдуард Шнейдерман

* * *

Что за прелесть апрель
когда прель
прошлогодней листвы обнажилась
в нее тычутся
острые шильца травинок
сквозь гниющую ветошь пробиться спеша
появиться на свет
когда в воздухе крепнет хмельной
обжигающий запах весны
и встряхнувшись как зверь
из берлоги своей выползаешь
безымянной травинкой
к солнцу тянешься
лучшего нет
быть травинкой зеленой земной
безымянной

сквозь отжившую гниль
сквозь отмершую прель
прошлогодней листвы и травы
протолкнуться взойти прорасти
пробуриться на солнечный свет
время выжжет
но лучшего нет

* * *

И юный июнь,
и южный ветер
проносится,
как молодой сеттер,
и юноша клен
распрявил плечи,
и старец каштан
засветил свечи,
сирень взорвалась,

и стоят взрывы,
и те, кто влюблен,
те вдвойне
живы.

Оратор

Вот ты рот открываешь,
а о чем говорить-то — не знаешь.
Знаешь только, что надо в е с о м о сказать —
то ли ложь обличить,
то ли зло наказать.
Но о чем говорить — ты не знаешь.
Воду пьешь,
учащенно моргаешь
и — молчишь.
Все глядят тебе в рот:
вот сейчас он та-ако-ое загнет,
что дыханье у всех перехватит
и кондрашка кого-нибудь хватит.
Робко жмурится в ужасе кто-то,
на кого-то напала икота.
Ну и пауза! Сила! Вот-вот грянет гром...
«Надо будет использовать этот прием!» —
некто соображает.
И вдруг — в тишине —
муха, крылышки чистя, зудит на стене.
Зря поет. Ей никто не внимает.
Все живет лишь тобой,
ожидает,
смотрит в рот и молчит.
И — молчанье в ответ.
Мысли нет. Слова нет. Грома нет.

Отгадывание кроссворда

Любит кроссворды начальник ОК.
Предпочитает — из «Огонька».
«Ти-ише! — шипит сослуживцев хор. —
Он расширяет свой кругозор!»

Лезет за словом в толковый словарь,
В энциклопедию тычет перстом.
А за служебным окошком январь
Следы заметает пушистым хвостом.

«Сколько на ваших?» – «Пятнадцать минут». –
«Что вы, семнадцать! Сейчас проверял!»
Грохот раздался. Это салют?
Кто-то со стула спросонок упал.

Тащится время, как дряхлый старик.
Для некурящих занятия нет.
Дремлет отдел. Но не спит кадровик,
Бьется над словом, будто поэт.

Крепок орешек, хоть поднаторел.
Но – надвигается творческий миг:
Вот подобрался, напряжился, вник
И, хохотнув, себя по лбу огрел.

«Э-ври-ка!» – возглас потряс тишину.
Все облегченно вздыхают окрест,
Море улыбок. «Нашел!», «Ну и ну!»,
«Умница!» – сыплются реплики с мест.

Вдруг долгожданный раздался звонок.
Наш кроссвордист и моргнуть не успел –
К выходу кинулись все со всех ног.
Точно корова слизнула отдел.

Наталья Абельская

* * *

Любви земной — земной отпущен срок.
От вечности едва на волосок
Он отстоит, но в вечность не годится.
В широкой кроне вызревает плод.
Тот, кто любовь свою переживет,
Пушай умрет и заново родится.

Пока бессмертны мы на полчаса,
Нас не смущают смертных голоса,
Ни жалобы, ни стоны.

 Так же спорно
Существованье времени и мест
Географических...

 Блажен, кто ест
Под деревом плод, выплевывая зерна!

* * *

Эта дачная местность в конце ноября —
Мы с тобой не бывали,
 а, кажется, зря.
Голубиное крылышко,
 легкий мазок,
То снежок на песке,
 то под снегом песок.
И кудрявые дети залива
Подо льдом засыпают счастливо.

Мы бы тоже смогли
 этот берег любить,
Ноябрем попить
 ноябриную суть.
В медногласые сосны, как в трубы, трубить,
Раздувая с ветрами могучую грудь.

Ирина Агафонова

* * *

Длинной своею когтистою лапой
Воспоминание обо мне
Изредка ночью тебя царапает,
Мягко подкрадываясь во сне.

А на меня иногда спускается
Плавно, как облако или шар,
Мысль о тебе — и не откликается
Мыслям другим в этот час душа.

Снова проваливаюсь во времени,
Путаю нити добра и зла.
Если бы люди были деревьями,
Я бы рябиной тогда была.

Все потеряв до листа последнего,
Не ожидая извне тепла,
Кровь неостывшую в кисти бледные
Я бы по капле перелила.

Выше любви красоту ценила бы,
Выше огня — чистоту снегов.
Под отвердевшей корой хранила бы
Веру в жестоких моих богов,

Боль принимала как откровение, —
И понимала бы, что я лгу.
...Сладкий и горестный дар забвения.
Красные ягоды на снегу.

Часы

Время, став ручным, спряталось в часы,
Спит, как кот домашний.
Я его могу дернуть за усы:
Мне совсем не страшно!..

Бросить на весы я его могу,
До минутки взвесить.
Стрелка на оси вертится в кругу:
Вечный бег на месте.

Как она тонка! Как она стройна!
Притворилась слабой...
Если б не в кругу двигалась она —
Далеко ушла бы!

Стрелка на оси — белка в колесе:
Ни пути, ни цели.
Если б не в кругу двигались мы все —
Сколько б мы успели...

Дел привычных власть, слов привычных связь:
Верность, долг, обычай.
Время под стеклом дремлет, не боясь,
Что уйдет добыча.

Валентин Бобрецов

* * *

И снова над осеннею землею,
сырая и закисшая слегка,
овчинка неба, траченная молью,
повисла, полы окунув в снега.

Глаза поднимешь: Боже, что за пакля!
Торчит клоками серое руно.
Болотиной баранья шерсть запахла.
Однако, полагаю, все равно, —

когда и ветер, и мороз без шуток
возьмутся за свое, тогда, к весне,
наверняка подсохнет полушубок.
И, думаю, окажется по мне.

* * *

Должен быть, черт возьми,
хоть какой-нибудь след
улетающих зим,
приземляющих лет.

Бронза блеклая букв:
«Петр Кузьмич Карасев».
И внезапный испуг:
неужели — и все?..

Нет, не жду, чтоб воскрес,
своротя обелиск.
Но клонящийся крест —
то ли плюс, то ли икс...

* * *

Губы зорче очей, им вдоволь
и луны на твоём плече.
Доброй ночи! Доброй-предоброй,
где нет чуда чудесней, чем
улыбающейся щекою
заблудиться в лесу ресниц.
Будет утро, ещё какое!
А пока засыпай и снись.

Лариса Володимерова

* * *

Все королевство
за полслова
и ничего
за иные речи

* * *

Я сидя сплю,
чтобы проснуться,
не чувствуя, что я одна
спала,
и краешек стола
сжимать ладонью,
покачнуться
и понимать:
когда начнутся
стихи, —
то нет тебя, любовь.

Сергей Воронов

* * *

Задумайся, молчи...
Мерцает вполнакала
Белесый дождь в ночи —
Березы вдоль канала.

Среди октябрьской мглы,
В пространстве предрассветном
Их тонкие стволы
Прносятся под ветром.

О землю бьет окрест,
Тревожна и щемяща,
Летящая с небес
Березовая чаща.

* * *

За окнами такая благодать —
Пушистый снег и небо голубое!
Как хорошо проснуться
И узнать,
Что грусти нет
И утро есть такое.
И все печали канули вдали,
За гранью ночи,
За стеной рассвета.
И вся земля твоей душой согрета,
И ты согрет дыханием земли...

Елена Галактионова

* * *

Я постигаю постепенно
И с каждым днем яснее вижу,
Что совершенна и нетленна
Душа, дарованная свыше.

И лишь о ней не тщетно печься,
И лишь ее не грех лелеять,
И лишь она впитает вечность,
И надо мной одна довлеет.

Душа выходит на подмости
В упряжке с телом, а не в паре.
А тело — попросту громоздкий
Футляр для скрипки Страдивари.

* * *

Ну что ты, приятель, бряцаешь заслугами? Полно!
Взгляни, как отчаянно скачут упругие волны,
Как лаковы тополя листья, как чутки осины,
Как ватное облако тонет в немыслимой сини,
Как дышит земля, как мелькают пугливые блики
Горячего света, как много в лесу голубики,
Как шляпки грибов утопают во мху, разноцветны —
То ярко-оранжевы, то золотисты, то медны,
Как в пении птичьем причудливо звуков смешенье...

Пойми: ты не более жив
и не столь совершенен.

* * *

Я сидела на стуле понуро,
И сутулилась тень на стене.
Эта кошка с глазами лемура
Осторожно доверилась мне.

Облизал мои щеки и свитер
Ее взгляда холодный огонь.
Так монархи взирают на свиту,
На державе покоя ладонь.

Проницательна, невозмутима,
На колени ко мне прилегла
Наделенная пластикой мима,
В тело гибкое сжатая мгла.

Лев Дановский

Камень

По Тейяр де Шардену, в нем тоже крупница души.
Это брат, отдаленнейший брат.
Он старше культуры и в этой карельской глуши
Европы увидит закат.

Почему он угрюм? Потому ли, что часть ледника,
Он грустит по родимой лавине?
Или в нем накопилось обид за века,
Бьется боль в сердцевине?

Чем помочь валуну? Это он помогает тебе,
Словно младшему брату.
Чтобы ты изумился чудовищной этой судьбе
И достойнее встретил утрату.

И знакомить не надо со словом его и стихом.
Пусть себе зарастает
Прошлогодним, седым, молодым, малахитовым
МХОМ,
Пока время его обтекает.

* * *

Но как расширить око, чтобы взгляд
Охватывал больничную палату
И коридор, охватывал бы сад,
И дальше, проникая за ограду,

Не упуская ничего, держа
Подробности, охватывал бы сразу
Жизнь, не пугаясь даже рубежа
Смертельного, охватывал, как фразу,

Где потрясает не порядок слов,
Но грозное их равенство друг другу...

Так, вероятно, думает больной,
С трудом приоткрывающий фрамугу.

Как воздуха ему недостает!
Ослабший, в замусоленной пижаме,
Все вечера он учит напролет
Отрывок неба, шевеля губами.

* * *

Душа выбирает меж памятью, сном и стихом.
Какое жилье ее больше сегодня устроит,
Пока на ветру мы трамвая пропавшего ждем
И руки затекшие ноют.

Пока пробираемся к кассе и ловим билет,
И топчется рядом и глухо бубнит вышивоха,
Душа выбирает свой угол, и дела ей нет
До наших озлобленных вздохов.

Пока по квартирам, срывая урок тишины,
На кухнях ругаются, хлопают дверью и плачут,
Душа зарывается в память, стихи или сны.
И, собственно, разве возможно иначе?

Виталий Дмитриев

* * *

Гибкая ветка спружинит под тяжестью птицы.
Вздрогнешь, застынешь, пытаясь припомнить
название
дерева, птицы, травы... Над лесною поляной
запах горячего меда дрожит и клубится.

Гладишь рукою древесную грубую кожу,
в темной воде различаешь свое отраженье.
Как размывает морщины живое теченье.
Время пройдет, и, наверное, станешь моложе,
тверже душою, постой здесь еще без движенья.

Так получается — миф обрастает судьбою,
словно когда-то корою прекрасное тело,
а для другого знать время еще не пришло.
Впрочем, для жизни и смерти годится любое.

Сетуем, злимся порой, но скорей по привычке.
Если чего и в избытке у нас, так простора.
Выйдешь на просеку к высоковольтным опорам, —
кто его знает, в какой стороне электричка?

* * *

Ты знаешь, а время не шутит,
и многого нам не успеть:
зацепит, затянет, закрутит, —
сумеет ли вновь уцелеть?
И жить-то осталось немного.
И петь-то осталось чуть-чуть.
Все чудится лес, и дорога,
с которой уже не свернуть.

И все-таки утром янтарным,
земли неоплатный должник,

в поклоне застыв благодарном,
целуя холодный родник,
забудешь последнее слово...

Но даже его не жалея,
любуюсь разграбленным кровом:
и ржавчиной этой дубовой,
и золотом этим кленовым,
и черной листвой тополей, —
не траурной, не погребальной,
а просто последней, прощальной,
летающей вслед жизни твоей.

* * *

Куда, минуя поворот,
вдоль замерзающего сада
старик немислимый бредет,
считая палочкой ограду?

Неясен звук его шагов,
и бормотанье губ невнятно.
Нет. Не слова — обрывки слов.
О чем? Не знаю. Непонятно.

Дрожит растянутая тень,
и перевернутое небо
плывет под мост, где гаснет день.
И тишина... А я хотел бы

понять, помочь, заговорить...
Но память медленно черствеет,
и отсыхает, и молчит.
И ни души. И вечереет.

* * *

Сквозь наплывы янтара
и разводы позолоты
на исходе октября
лес просвечивал, как соты,

обнажая синеву,
отпуская на свободу
отгоревшую листву
влажной вечности в угоду.

Вот граница бытия,
за которой мы не властны.
Для кого-то смерть моя
будет легкой и прекрасной,
мимолетной, словно грусть.
Скажут: «Музыка умчалась
вместе с ветром». Ну и пусть.
Лишь бы что-нибудь осталось:

след какой-то на земле,
звук, который отзовется,
уголек в ночной золе,
блеск звезды на дне колодца...
Потому что только так
можно выжить, не иначе —
сквозь молчание и мрак,
свету радуясь
и плача.

Михаил Дидусенко

* * *

Сколько страшного страху,
слепого, ночного!
И очнулась во мне
украинская мова:
«Ах, сховай мене, мамо,
як тільки заграє дуда!» —

«Но куда тебя спрячу, сыночек,
скажи мне, куда?»

И серебряный голос, баюкая, песенку льет.
Но, упав, раскололась подкова у наших ворот.
Простонала калитка, подул ледяной ветерок...
«Так сховай мене, мамо!» — твержу,
как забытый урок.

«Ах, сховай мене, мамо, як тільки заграє дуда!» —

«Так иди же ко мне, здесь течет под корнями вода.
Если звери почуют, то люди пройдут стороной...
Что ж ты медлишь, сыночек, ну, что же ты медлишь,
родной!..»

Дворец Петра в Летнем саду

Сюда он входил, оставляя за дверью страну.
Колпак натянув, засыпал и Голландию видел.
И слушал во сне, как в залив загоняет волну,
зеленую с синим, подобную детской обиде.

Все было по росту, впритык. Вырастала волна,
и дом поднимался, ворочая потное тело
царя-дровосека, и с лиственным шумом одна
волна уходила, а рядом другая кипела.

А сна прибывало. И долгих четыре часа
всем сердцем любил он свою неотвязную думу.
Зеленая ночь наполняла над ним небеса,
как синюю чашу в огромных руках стеклодува.

Он пил за Россию, он пил за Отечество, пил...
А все оставалось от этой недопитой ночи.
Целуются зори... Но это не я сочинил.
И все-таки как коротка, не бывает короче.

И все же мы Диккенса на ночь прочтем,
А утром покрасим оградки
У тех, кто оставил божественный дом
В таком нежилом беспорядке.

Елена Жабинковская

* * *

О человек, не любящий меня!
Одну на миллиарды звезд Вселенной,
Среди лесов весенних и селений
Ни на кого меня не променял
Ты, человек, не любящий меня.

Естественно, как дождь, как рост травы,
Меня избрал для нелюбви в пространстве.
И о таком прекрасном постоянстве
Мечтать, увы, не можем мы в любви.

* * *

Начинает метель, постепенно, не вдруг,
Тему самой печальной из Баховых фуг, —
То ли флейты лады зажимает рука,
То ли ветер поет меж стеблей тростника,
В поле темном ни огонька.

Вьюга кружится белой бесшумной совой,
Да над горсткой золы голосит домовой:
«Ничего, ничего больше нет у меня,
Ни тепла, ни любви, ни огня!»

Анна Журавлева

* * *

В том краю, где снежинки растут,
Чтоб потом прилетать к тебе в гости,
Отдыхает зима от простуд,
И метель отдыхает от злости.

Нет силков возле старых дубов,
Тихим рекам неведомы снасти
В заповедном краю, где любовь
Отдыхает от боли и страсти.

Там у входа лесной чародей
На замок запирает ворота,
Мы же оба из мира людей,
Из мятежного, страстного рода.

В тот же край нас не впустят ни днем,
Ни полночной дорогой окольной, —
Так давай мы с тобой отдохнем
Просто так, возле лампы настольной.

Лубок «Ожидание»

Ожидают обещанный дождь.
Мать, устало присев на пороге,
Поджидает подросшую дочь,
Что встречает дружка на дороге,

Дождаясь заветного дня
И заслушавшись счетом кукушки,
А дружок, потерявший коня,
Поджидает его на опушке...

Кто распутает этот клубок?
Кто подскажет хотя бы словечко?
Дед Кузьма, расписавший лубок,
Хитро шурится, свесившись с печки.

А дождинки вот-вот упадут
На коня, заплутавшего в чаще...
Но Кузьма говорит: «Обождут!
То-то встреча покажется слаще!»

* * *

Стемнело, и ко мне пришла собака,
Мохнатой мордой ткнулась мне в плечо
И мягким языком ночного мрака
Мое лицо лизала горячо;

И птица мне всю ночь в окно стучала,
Я открывала раму, и тогда
Она пищала, крыльями качала
И глину мне носила для гнезда;

А в близкой речке рыба, проплывая,
Меня звала и прыгала в воде...
Вот так оно, как видно, и бывает,
Когда теряешь друга меж людей.

* * *

В часы зари, в том сладостном хмелю,
В нетерпеливом ожиданье света,
Как трудно было выдохнуть: «Люблю», —
В твоих глазах не вымолив ответа.

Но прожит день, и тьма недалеко,
И жалки мы в закатном освещенье:
«Люблю тебя», — солгать мне так легко,
В твоих глазах не вымолив прощенья.

Всеволод Зельченко

Манифест

Опять снегопады повеяли падалью!
(Строка восклицательных знаков.)
Крылатые ввысь поднимались — и падали,
Свободы взалкав и восплакав.

За двадцать веков от чудес поотвыкли мы!
И губы брезгливо кривились.
В крылатых бескрылые пальцами тыкали
И смехом визгливым давились.

А мы, меднолобые, мы, тупорылые,
Могилы удобные рыли,
Пока убивали крылатых бескрылые
И крылья под корень рубили.

Посвящение врагу

Спасибо вам за то, что враждовали
По правилам, приемлемым вполне, —
Из-за угла меня не убивали
И не шептали сплетен обо мне,

Что если и встречались мы случайно, —
Спасибо вам! — не опуская глаз,
Вы мне шептали: «Это — наша тайна.
Когда угодно. Только не сейчас».

Что сердца вы рукой не прикрывали,
Не надевали кованых кольчуг...
Спасибо вам за то, что враждовали, —
Мой лучший враг, мой наизлейший друг.

Мгновенье

«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» –
Побежали,
Крикнули,
Камнем швырнули в спину,
Догнали,
Накинулись –
Остановили мгновенье.
Потом пригляделись – тьфу!
Это надо же так!
Обыкновенное паршивенькое мгновеньице,
Да еще и ногти не стрижены,
А казалось – туда же! – прекрасным!
Надавали щелчков
И отпустили мгновенье.

Виктор Иванов

* * *

Осторожнее ступай!
Видишь: сколько пешеходов...
Муравьиная тропа.

* * *

Многое вспомнить пришлось,
Совести глядя в глаза...
Предновогодняя ночь.

* * *

Что за вода в роднике!
Склянку до края нальешь —
Кажется, пусто в руке.

* * *

В поле колосья пшеницы,
Будьте друг другу опорой!
Вот-вот гроза разразится.

* * *

Как, ни души кругом?
А красавица ромашка...
Паутинка над ручьем...

* * *

«Вот так и рождается мысль», —
Представилось вдруг. Пронзает
Зеркальную заводь тростник.

* * *

Лишь палки стук и выдает.
Час пик. С рабочим людом
Слепая девушка идет.

* * *

Оставим спор. Отложим книги.
Пусть нынче ляжет между нами
Бумаги лист, как первый иней.

* * *

Очереди: в магазины,
На выставку, в баню, к врачу...
Время подумать о жизни.

* * *

Все вещи да вещи... И мало
Кто скажет из сверстников:
«Нам молния путь озаряла!»

* * *

«Как хлебом пахнет хорошо!» —
Вдруг скажет мама за обедом.
Уж сорок зим с войны прошло.

* * *

«Ну, как живется в городе
От поля вдалеке?...» — «Да так:
Из двери в дверь... из двери в дверь...»

Галина Иванова

* * *

Не скучно и не грустно мне смотреть
на грязные, осевшие сугробы,
на видимо набухших веток сеть,
на снег и дождь — то врозь, то сразу оба.

И в комнатах из каждого окна
слежу за переменами в природе.
За ночь вперед продвинулась весна,
стоит вода меж грядок в огороде.

Не резвый жеребенок скачет к нам,
петляя, из приветненского леса, —
ручей бурлит по гальке и корням,
весь в пене, словно падает с отвеса.

Уже пылят сережки ранних ив,
а там уж и орешника-лещины.
С восторгом узнаю, что на залив
спустился клин небесный лебединый.

Ах, для того ли муха проспала
всю зиму, чтобы, вылетев наружу
и опьянев от света и тепла,
быть съеденной большой синицей тут же?

Чуть засветились контуры шаров,
овалов, конусов в конце апреля
очнувшихся деревьев и кустов
на зубчатом и плотном фоне елей.

И началась конечная пора
волнующих, могучих превращений
в нежно-зеленый — снежного ковра,
бесплотных прутьев — в пышный ряд растений.

И днем всех громче свищет соловей,
но светлой ночью, им же и воспетой,
он восхищает, мучит нас сильнее!
Зацвел шиповник. Наступает лето.

На дежурстве

Какая ночь проходит стороной!
Дома белы, ослеплены луной.
Тьма звезд всех и размеров, и цветов,
И где-то там Венера пастушков.

Мы на носилках мертвого несем.
Еще не плачут близкие о нем.
Он умер только два часа назад.
Кто во внезапной смерти виноват?

Ведь наша помощь — комариный писк,
А смерть, она — как грохот, скрежет, визг.
Хочу ли я жить вечно, вот вопрос.
Не страшен мертвому любой мороз.

По снегу хрусткому по мостовой
Бежим под разыгравшейся луной,
Топча свою уменьшенную тень.
Не верится, что будет новый день.

А на витрине гипсовый народ
Безумно представляет сцену мод
Все той же улице, пустой давно.
Уютно в морге светится окно.

И мы достигли цели наконец.
Едва прикрытый простыней мертвец
Открыл глаза и встал бы, если б мог.
Нам страшно так, что срочно нужен Бог.

* * *

Стою под облаком — я не оговорилась,
я не под деревом, под облаком стою.
Оно, блестящее, на миг остановилось
над летним лугом в северном раю.

Отполированное, словно мрамор белый,
преображенная, летучая вода!
Больная Оля из окна смотрела
на майский луг и все рвалась сюда.

Все на лугу имеет собственное имя.
Запомнить всех по имени, любя!
Геометрическими формами своими
цветы бездумно представляют нам себя.

Неописуем цвет до синевы зеленой
прямо стоящей острой наливной травы.
И без кузнечиковой музыки влюбленной
и луг, и поле были бы мертвы.

Целенаправленно спешит жучок куда-то.
Мелькает бабочка, подобная лучу.
И луг спускается привольно и покато
к источнику спасения — ручью.

Здесь на заре проходит травознай великий.
Там будет красота — за эту красоту.
Остались ягоды на стеблях земляники,
а кажется, растаяли во рту.

Светлана Иванова

* * *

Мы у окна стоим, когда
ночная тихая вода
высвечивает звук,
и слышим всхлипы половиц,
и быстрый хохот первых птиц,
и двери влажный стук.

Как много в этом далеке
огней туманных на реке,
как долог лай собак!
И мимо медлящий состав,
как будто ноющий сустав,
все не пройдет никак.

* * *

На свете нет любви, но есть восторг, и свет
рябиновый, и рябь фонтанная на лицах.
На свете нет любви. Любви на свете нет.
А я засну к утру, и мне щенок приснится.

А в комнате моей цветет живой цветок,
лимоном пахнет том возвышенного толка.
На свете нет любви. Но миллионы строк —
о ней, родной, о ней, а нет ее и только.

За голубым окном пичуги шебуршат,
этюдник, словно лось, рогами мне кивает.
На мой веселый дом глядит костистый сад,
и мокрая листва все время с неба валит.

На свете нет любви, но есть волшебный ряд
старинных, как земля, чудес. О, как легко вам
стать деревом, птенцом, певцом, стрелком, —
наверяд
ли кто-нибудь из вас не испытал такого.

* * *

Бычьи лица бабочек ночных
нам напоминают об иных
сферах, не замеченных в начале
нашей жизни. Их мы замечали
лишь тогда, когда живая мгла
вызрела, сгустилась и смогла
быть знакомой с нашими очами.

Олег Казаков

Дождь. Статуи в Летнем саду

Дождь линии привел в движение,
камень погас:
на постаменте — ваза из бегущего дождя,
наполненная темной тенью.
Схвачен классический изгиб ознобом легким,
как сомненьем
внезапным.
Аллея — конусом к воротам —
тащит медленно и влажно
зеленое по серому.
Чуть-чуть пройди — и ясность обретешь
меж Аполлоном и Дианой,
блаженство!
А дальше — «Правосудие» (пол женский)
на меч облокотилась, а весов у нее нет.
(Выходит, справедливость взвесить нечем?)
А впрочем, до весов ли ей!
Ведь так поспешно
рука схватила ткань над животом —
едва успела...
Напротив — «Милосердие»,
ни грана не уступит в прелести!
Не глядя — ей привычно, — пишет в книгу:
«Милость...» — и благосклонно смотрит
на ближнюю скамью. Скамья пуста,
все мокро...
А после одинаково прекрасных
«Дня» и «Заката», «Ночи» и «Авроры»
у ворот,
не мучаясь совестью, но добросовестно
справляя
мифологическую должность,
своего же младенца «Время-Сатурн» пожирает.

Память

После уличной круговерти
в библиотеке,
как в съемке замедленной,
тихо, чинно заполняю формуляр —
Месопотамия,
второе тысячелетие до новой эры
(Как ты там, а? Хаммурапи-царь?)
Вписываю — стараюсь аккуратно —
название, автора...
И вдруг, на графе «Дата»,
сердце отца в моей груди кольнуло, —
двадцать второе июня.

Советы белой вороне

(Из цикла «Старинные беседы»)

«В положении белой вороны, учти,
есть, безусловно, момент положительный.
Если не каркать,
можно сойти за голубя редкой породы.
Важно не каркать —
у голубей громкий голос не в моде.
И спрятать подальше мудрость воронью,
не то докопаются, что не голубь».

«Да штука-то в том, — отвечает ворона, —
что ведь каркну!..»

Андрей Карапетян

* * *

Но вдруг тропа оборвалась.
Судьба прервала с прошлым связь
и над обрывом поднялась
и зазвенела.

И, высотой поражены,
как на ладони мы видны,
и крепко соединены
душа и тело.

И что за дело нам тогда
до размышлений, до стыда,
до беспристрастного суда —
какое дело!

Всего-то надо — жизнь прожить,
решиться, прыгнуть и проплыть
от точки, где прервалась нить,
и — до предела.

* * *

Как ранней осени движенье
сквозь парк, по кончикам листвы,
как световое раздраженье,
как ветра зябкое сниженье
на затененные холсты
асфальтовых аллей, и все же
внезапно, вдруг, издалека,
покрыв листву гусиной кожей,
подкатит смертная тоска.
Подкатит, высветит, немножко
смутится, медля до поры,
и ледяной своей ладошкой
потреплет дружески вихры.

Тонкоголосая сестричка,
я спал, не закрывая глаз!
Чье имя с дальней электричкой
перекликается сейчас?
Чей взгляд, как тень от птицы, тронет
дома, деревья, край земли?
Кто на гремящем перегоне
«Прощай!..» — откликнется вдали?
Кто, уходя, оборотится,
над бездной прядку теребя?
Чей голос эхом отразится
и, умирая, будет длиться
и повторять: «Люблю тебя...»

Игорь Клобуков

* * *

Бабочка появилась на свет вечером.
Если завтра будет дождь,
Значит, жизнь ее не удалась.

* * *

Благословенны все наши дороги
По вечерам через город туманный,
Благословенны дома, чьи пороги
Гостеприимны и сердцу желанны,

Благословенны гитара и флейта,
Окон тревога и ночи мытарство,
И над свечой кругосветные рейсы
Серых бродяг комариного царства.

* * *

В перекрещенье площадей и улиц
Петровский град возносится легко.
Мы, кажется, опять к себе вернулись,
Хоть в завтра уходили, в далеко.

И снова, прислоняясь к парапетам,
Мы смотрим в воду, как глядят в окно,
И лишь минута, как сочинено
Все, что мы видим.

На Фонтанке где-то

Или на Мойке есть такой причал,
Где отразиться захотим мы снова
Лет через триста...

Век стоит суровый,
И смотришь ты из-за чьего плеча?..

Владимир Кологрив

Подорожник

Приземистый с виду, но жилист.
Попробуй-ка лист оборви —
О, как подорожник прижимист,
Как держит он листья свои!

В дорогу вырастает сквозь годы.
И камешки между корней.
Он коротко знает невзгоды,
Зато и врачует людей.

Галина Куразова

* * *

Стихи — не плод раздумий над листком,
Они подходят, словно к горлу ком,
И никуда от них уже не деться.

И сколько дел себе ты ни найдешь —
Стихи стучат, как в подоконник — дождь,
Как долгожданный первенец — под сердце.

* * *

Приходят к нам олени из лесов,
Как детства запоздалые подарки.
Вот, не боясь гудков и голосов,
Они опять разгуливают в парке.

А может, к нам их привела беда —
Потоп, пожар, а то и просто голод...
Бывает, мне с душой не совладать,
И в лес иду я, как олени в город.

* * *

Открою дверь в свой лучший мир,
В домашний заповедник счастья.
Как одичавший дезертир,
Пойду сдаваться детской власти.

Присяду к яркому костру
Из детских глаз и восклицаний.
О, диктатура теплых рук —
Венец смятений и исканий!

* * *

Пронизывает леса полумрак
Березки ствол, пробившийся сквозь
камень, —
Луч света, проникающий меж ставен,
Тьму комнаты пронизывает так.
А камень этот — мхом поросший дот,
Но зеленеет жизнь, его венчая,
И пламенные кисти иван-чая
Его заглохший озаряют вход.
И, соблюдая вечный свой закон,
Здесь жизнь творит безудержное дело!

Не думайте, что рана отболела, —
Лишь смыта кровь и сжат зубами стон.
И я, в былых прифронтовых лесах
К немым могилам ищущая тропы,
И мальчик мой, играющий в окопах, —
Мы заодно с березкой на часах.

* * *

Не ощущаю моря глубину,
Пока в нее с размаху не нырну,
В ее подводный сумрачный Аид,
Без блеска волн, без смеха nereид,
Без чаек, парусов и рыбаков, —
Тогда вот ощущаю: глубоко.

Не ощущаю неба глубины,
Коль облаками небеса полны,
Когда в них самолеты и луна, —
Так близко все, какая ж глубина?!
Но Млечный Путь поманит, как рукой, —
Тогда лишь понимаю: глубоко.

Не ощущаю глубины времен
За множеством народов и племен —
У всех свое: и быт, и языки.
Но, как в пещере древней угольки,
Живут слова в глубинах языков.
И начинаю верить: глубоко.

Татьяна Лапшина

Таллин

Башен узенькие
Талии,
Милый сердцу
Говорок —
Хорошо лететь
По Таллину,
Как балтийский ветерок!
По волшебным
Переулочкам,
За окошком —
Бальзамин...
Пить в подвалах
Кофе с булочкой
И вдыхать
Ваниль и тмин!

Возвращение в город

И снова я
в искусственной среде:
Бензина пятна
пляшут на воде,
Ревут натужно
пасмурные трассы,
А бабочки — в насмешку —
из пластмассы
Мелькают
в принаряженной толпе...
Теснее,
чем в заполненном купе,
Где можно пробираться
только боком,
Но одиноко.
Что ж
так одиноко?

Посещение универмага

Как фантастический гамак,
Меня качал универмаг:
Неслись навстречу туфли, платья,
Манто мохнатые объятая,
Гипюра пенные прилавки,
Иголки, молнии, булавки...
Сверкал надменно чайник носиком,
В лесах пальто я шла по просеке,
Полями встряхивали шляпки,
Перчаточки вцеплялись лапки,
Истошно звали куклы: «Мама!»
«Купи!» — велела мне реклама,
Медузами свисали люстры,
Кассиры били в кнопки шустро,
Вонзались броши, словно клещи, —
Меня толкали, мяли вещи,
Людской поток меня волок...
Вдруг стало жутко — кошелек
Я вместо сердца ощутила!
От качки бешеной мутило...
На улицу! Быстрее вниз!
Кричали вещи мне: «Вернись!» —
Со стоном, хрипло, жалко звали,
И гул стоял в громадном зале.

Полнолуние

Мне в полнолуние
Не спится...
Что мной командуешь,
Луна?
Зачем твой луч
Торчит, как спица
Из недовязанного
Сна?

Закатах, ночах, перепутанных
с днями. А впрочем,
Судьба благосклонна была,
и возможно, что очень.
Есть что-то похожее в сером
пространстве залива
На плоский пейзаж,
окружающий древние Фивы.
Есть та же загадочность,
неповторимость, и то же
Величие мнится,
которое сердце тревожит,
И грусть затаенная,
и вековая усталость...
И сфинксы привыкли,
а что им еще оставалось?

Присутствие Собора

П. Л.

Он был угадан, был определен
Всем строем улиц, площадей и зданий;
Собор над городом под небо вознесен
И утвержден в привычных очертаньях...

Стоит и отражается в воде,
Садов и улиц в чудном окруженье,
И чувствуется в городе везде
Его присутствие и притяженье.

Он там, над крышами, за стенами домов,
В просвете улицы и площади в просвете,
Заполнил купол небо до краев,
И небо выплеснулось, вылилось, и ветер

Гнал облака, а утром сквозь туман,
Как будто вырезанный из картона
Собор, как призрак, как мираж, обман,
Дразнил то ангелом, то бликом на колоннах.

День торопился дальше, через мост,
По острову, к заливу прикоснуться,
А за спиной во весь огромный рост
Вставал Собор, и сил не обернуться

Быть не могло ни у кого. Опять
В который раз, в который раз, в который
Окинуть взглядом город, удержать,
Уравновесить в памяти Собором.

.

Все это я писала о тебе,
Но на бумаге улеглось не скоро:
Присутствие твое в моей судьбе —
Как в городе присутствие Собора.

Марина Марьян

После концерта

Как этот зал восторгом избалован!
И все-таки я не жалела рук.
Разбился и затих последний звук,
Отволновался лестниц людный гомон.

О музыке молчат. О ней писать —
Что плеск волны передавать изушно.
Найду ли слово, что заменит чувство?
И я опять прошу себя молчать.

Но как молчать? Я помню этот плач
И не забуду. Но не в этом дело!
Она никак смириться не хотела,
Что — отзвучала, что — ушел скрипач...

* * *

Я к зеркалу все чаще приникаю:
Совсем другая, да, совсем другая.
Из-под ресниц сквозит голубизна,
А раньше были серыми глаза.

Сосед, отсутствовавший две недели,
Мне говорит: «А вы помолодели,
И что, скажите, с вами приключилось?»
А я смеюсь: «Да просто я влюбилась!»

Я к зеркалу все чаще приникаю
И будто бы под рождество — гадаю.
А что, если нагрянет день такой,
Когда погаснет голубой огонь
В глазах моих и заметут метели
У дома моего твой четкий след?
...И все-таки сегодня мой сосед
Мне говорит: «А вы помолодели».

Юлия Матонина

Колыбельная сыну

Как родился я
Утром раненько,
Завернула меня моя маменька
В одеялко да лоскутное,
Так и вышла жизнь беспутная:
То зеленая, то красная,
То синяя цветастая.
А на черный цвет
И спросу нет,
А на белый цвет
И от вздоха след.
Ой, как завтра мне хворать-помирать,
Вы скорей меня убирать-зарывать,
А как стану я перед сном роптать,
Перед вечным сном приговаривать:
«Вы не спрячьте меня в землю черную,
Прорасту я травую зеленою,
Моя кровь замрет
Алой ягодой,
А любовь взойдет
Яркой радугой».
А под радугой
Будет рад другой.

Домишко

Из-под снега, пухлощеким,
Глянул лунами домишко.
Раздышался, лижет звезды,
Дымный высунув язык.
Ночь спустилась.
Черной кошкой
Разлеглась на белой крыше,
Слышит, как стучит в окошко
Заплутавший снеговик.

В доме — печь,
В доме — речь
Половиц простуженных.
Дверь откроется, урча:
Заходите без ключа,
Вместе будем ужинать.

Михаил Матренин

* * *

Брату

Хромые и горбатые влюбляются,
хромые и горбатые гуляют,
в халатах с полосатыми заплатами
целуются хромые и горбатые,

и серым колпаком накрыла осень
тот бугорок песчаный с горсткой сосен,
песчаный бугорок, больничный сад,
где на скамьях влюбленные сидят.

Им резали тела нагие, бритые,
изобретеньем Эсмарха промытые,
и, внутренности вынувши потом,
им по костям стучали долотом,
покуда их бессмертная душа
лежала под наркозом, не дыша,
или витала неизвестно где,
страшась на разоренный дом глядеть.

Попробуй возлюби подобных ближних,
измотанных, годами неподвижных,
на костылях влачащих тяжкий груз, —
себя, свой горб величиной с арбуз!

Кто б думать мог, что эти коридоры —
охотничьи уголья Купидона,
что цель свою сумел он различить
среди пролежней, и гипса, и мочи!

Обед, клубясь, наверх взлетает в лифте.
Катаются в колясках паралитики.
И горбуны, нахохлившись, как птицы,
худые поворачивают лица.

Галина Матюшкина

* * *

Девочки-невесты, молчите,
прячьте слезы, плакать не смейте!
Взрослыми уходят мальчишки,
самые родные на свете.

Лица потемнели от скорби,
матери молчат исступленно.
Сколько не вернется их, сколько,
воинов безусых, влюбленных?..

Кто-то закурить предлагает,
шутит с оптимизмом притворным,
но пройдет минута, другая —
и тихонько дрогнет платформа.

Простучат колеса под нею,
гулким эхом воздух наполнят.
Девочки, прощайтесь нежнее,
пусть они вас лучшими помнят.

Ждет война подростков недавних,
беспощадно зев свой оскалив.
Будут падать мальчишки навзничь,
чтоб спокойно девочки спали.

* * *

Кем ты стал, мой нерожденный сын?
В образе каком явился к людям?
Деревенским мальчиком простым?
Голым лягушонком неуклюжим?

Отзовись украдкой, отзовись!
В миг один я пережить сумею
всю мою несбывшуюся жизнь!
А иначе — что мне делать с нею?!

Дмитрий Мизгулин

* * *

Походкой немного нетвердой,
Храня независимый вид,
По улице шествует гордо
Минувшей войны инвалид.

И обыкновенная сетка
В руках огрубевших его,
Теперь уж на улицах редко
С такой повстречаешь кого...

Примета минувшего быта,
Мы стали тебя забывать.
Все было легко и открыто,
И нечего было скрывать...

* * *

Солдат идет домой с войны
Дорогами чужой страны.
Идет цветущею весной,
Идет на родину, домой.
Шагает ночью он и днем,
Шинель прожженная на нем,
Пилотка с красною звездой
Да фляга мятая с водой.
Смыкают вороны круги,
Далеко слышатся шаги...
Убитый сорок лет назад
Идет на родину солдат...

Ирина Моисеева

* * *

Ты сделался тучей на месте восхода...
Но даже печальной прекрасна природа.
Я жду золотого дождя!
И душного воздуха мне не хватает.
И ласточка наша
 так низко летает —
Ты сглазил ее, уходя.

* * *

Стыдно видеть,
Как мямлит и трусит,
Не решается...
В наши-то дни
Что бояться! Никто не укусит.
Всё напротив, господь сохрани.
Я в едином слиянье со всеми,
Без таблеток никак не усну.
Все стремительней тянется время!
Все меняет волну на волну,
Незаметно углы обминая,
Вымывая — держись не держись —
Эту землю из рук,
Начиная
Ненадежную новую жизнь.

Сергей Николаев

Автопортреты Пиросмани

Олени, львы, жирафы, лани —
Автопортреты Пиросмани.

Гуляки с грустными усами —
Автопортреты Пиросмани.

И злые розы в Алазани —
Автопортреты Пиросмани.

Грузины, розы, львы — как дети,
А он, как бог, за всех в ответе.

Пожарная команда

Муха сонная колотится в окно.
А пожарники играют в домино.

Здесь пропахла «Беломором» тишина,
Здесь все время продолжается война.

Хитрый зверь, его никто не разберет —
Как огонь себя на завтра поведет.

И пожарник в стол костяшкою стучит
И в душе с любимым зверем говорит.

Сергей Носов

Из семейной хроники

Жена у меня — ничего, но есть у нее замашки;
например, она, странным образом, любит обращаться
в сову:
бывало, сидим за столом — руками она как замашет!
«Увфф! — говорит. — Увфф!» А потом говорит:
«Вффу, вффу!» —
и в дверь. Или в окно. Она такая... Сейчас,
когда я задумываюсь над этой строчкой
(а теперь над этой), она небось
летает над районным центром Опочкой.
Над старинным Валом, над городской читальней,
над кафе «Пельменная» моя жена летает...
Опочане спят в своих опочивальнях,
и никто из них об этом ничего не знает.
(А еще она обращается иногда в кошку,
если от меня чего-нибудь надо,
и получает свое понемножку,
и вот уже ей ничего и не надо...)
Поглядит в окно на небо — там звезды, Млечный
Путь, там галактики;
поглядит-поглядит, говорю, и пырх в окно или
в дверь — вот вам и шуры-муры!
А днем, как ни в чем не бывало, в соответствии
с планом
дипломной практики
поднимает в опочечком клубе культуру.
Черт меня жениться попутал на такой с басурманским
именем!
И друзья, как назло, поразъехались — кто в Москву,
кто к себе в Кострому...
Жизнь — феномен прелюбопытнейший, не так ли?
Вот именно.
Худо быть одному.

* * *

Красно-ломких закатов Коломна,
голубей, не похожих на птиц,
обитателей сумрачных комнат —
персонажей знакомых страниц...

Когда оползни света, по склону
крыш скользя, исчезают совсем,
ты припомнишь, согласно Платону,
то, что было незнаемо с кем,

или этого не было... Это
лишь привиделось раньше, во сне, —
нереальные оползни света
и закат, отраженный в окне.

Это шествие зданий бок о бок,
эти трещины на мостовой
и тяжелое небо — как обух,
занесенный над головой.

Олег Охалкин

Равноденствие

Мы были рождены в годину горя,
Но для великой радости. И вот
Уж тридцать лет надежда в нас живет,
С отчаяньем и скорбью тайно споря.

И если нам дарована была
На эти тридцать лет живая вера,
Мы выжили, и нам не солгала
Истории отпущенная мера.

Большой судьбой отмечены лишь те,
Кто на пиру судеб не ступевался.
Когда же горький кубок нам достался,
Мы приняли и долю в нищете.

Но жизнь идет. Стой! Кто идет? — Господь.
Что делать нам, рожденным в это время,
Когда животный страх перебороть
Уже нельзя, не заглянувши в темень?

Кто там во тьме, когда уже не тьма,
Скорей, рассвет, и сумерки так зыбки,
Что очертанья путника весьма
Расплывчаты и можно ждать ошибки?

Светает. Равноденствие. Весна.
Великий пост. В грядущем солнце всходит.
Стой! Кто идет?.. И видно по погоде:
Природа просыпается от сна.

Воспоминание о Царском Селе

Урну с водой уронив,
Об утес ее дева разбила.

А. Пушкин

Осиротело Царское Село.
Не встретишь ни Ахматовой, ни Гнедич.
Лишь ты одна сидишь и тайно гредишь,
О дева русская в листах кленовой меди,
Задумавшись о чем-то тяжело.

Люблю твоё склоненное лицо,
Ты не глядишь на желтый лист летучий,
Заслушалась ключом певучим,
И солнце праздное лучится из-за тучи
Да сонное кренится деревцо.

Окончена летейская игра.
На все рука забвения легла.
Лишь ключ живой, плеснувший из кувшина,
Позванивает, бьет. Лишь матерщина
Попархивает с криком здесь и там,
Да дикий селезень летает по водам.

Перед зеркалом

Прохладный, ясный сумрак сентября.
Из форточки тянет Балтикой и тленом.
И зеркало в пустотах серебра
Глокает мглу и меркнет постепенно.

В нем времени уход изображен —
Все измененья в сумраке вечернем.
И целый мир здесь в омут погружен
И умирает в вакууме черном.

И в этой непомерной тишине
Душа моя наедине с Природой.
И зеркало сияет на стене,
И рыбы звездные в нем изогнулись хордой.

И тихо-тихо входит ночь,
И ветер исчезает прочь,
И слышу:
Тишайшая ночная грусть,
Роняя метеоров горсть,
Объемлет душу.

И рыбы звездные, пластая плавники,
Из зеркала плывут, неволью тычась
Не то чтобы в стекло, но в поплавки
Вещей, и в глубину уходят тотчас.

И круг теней сужается. И мне
Становится светло и одиноко.
И в зеркале я вижу при луне
Отсутствие души — пустое око.

Она ушла куда-то на часок —
Туда, откуда свет исходит летний.
И чудится: хоть двери на засов
Закреты, позвонит сейчас в передней.

Лариса Позина

Плоты

Когда над портом ветрено и сыро,
Я вижу в предвечерней тишине —
Вдали мигают огоньки буксиров,
Плывут плоты по Северной Двине.

Зачем они, тревожа чьи-то сны,
Влекут к себе какой-то странной тягой?
И свежий запах строевой сосны
Соперничает вновь с речною влагой?

Вода в реке прохладна и чиста,
Волной меж бревен шелестит чуть слышно.
И кажется, что, крылья распластав,
Застыли в небе чайки неподвижно.

Так что ж я замечаю иногда,
Как люди вдаль глядят с тоской шемящей?
Плывут плоты... Плывут... Плывут года...
Течение жизни сносит их и тащит.

Кружева

Орнамент, бывший в сновиденье,
При пробужденье оживал,
Переходя в переплетенья
На деревенских кружевах.

Крючком, как будто клювом птицы,
Разбросан зерен яркий сор.
Где подглядели кружевницы
Такой затейливый узор?

В ажурных ставнях на окошках,
В дымке, что над трубой возник,
Узор переходил в кокошник,
В манжеты или воротник.

Дрожал на ветках вербы иней,
Морозный лес цвел на стекле.
Орнамент пел в сплетенье линий,
Текла судьба петля к петле.

Колосок

Ну вот и осень. Отшумела рожь,
Отвоевала с ветром и дождями.
Пустое поле. По стерне идешь,
Колючие травинки под ногами.

И вдруг навстречу — тонкий колосок,
Как струйка солнца, легкий и бесстрашный.
Под ветром клонится наискосок
И, кажется, идет по тихой пашне.

Я встречаюсь с ним и рядом постою.
Мы помолчим, а может, вместе вспомним,
Как жаворонком в небе пел июль
И вызревала радуга над полем.

Елена Пудовкина

* * *

Памяти В. М. Алексеева

Волшебная страна, восьмое чудо света,
раскрасив красками немислимого цвета
сады своей земли, ее поля и глину,
заговорила вдруг словами Пу Сунлина.
О цензорах своих, чиновниках и бесах
проговорила, как приподняла завесу
из шелка тонкого и тут же опустила.
Увиденное вмиг — вовек понять не в силах
читатель-славянин. Хотя через границу
к нему ходила девушка-лисица
и знала многое.

С тех пор заря над дверью —
как веер расписной из ярких птичьих перьев.

* * *

До тех лишь пор, пока полет секунд
доступен взору, он и существует.
Но, падая вдали, мгновения лютуют,
песком становятся, живую плоть секут.
А те секунды, чей полет пока
не начался, минуя поле зренья,
в голубизне, в блаженном отдаленье
рассматривают нас сквозь облака.

* * *

Не жизнь идет, но длится черновик
и старые листы изгрызли мыши.
Ночь не поет — срывается на крик,
и этого уже не перепишешь.

О чем-то жизнь должна повествовать, —
листая наши, всякий возмутится:
о вечности не кончена глава,
а о любви заплакана страница.
И с богом договору вышел срок.
Оглянешься: ошибки, сноски, пятна...
Но если кто читает между строк,
то мы с тобой спасемся, вероятно.

Татьяна Савельева

* * *

Дремлет одиночество
за спиной моей.
Горькое пророчество
самых горьких дней.
Я войду, ссутулившись,
в свой усталый дом.
Тяжело, нахмурившись,
сяду за столом.
«Ты моя хорошая...» —
ткнется сын в плечо.
Снегом запорошенному
сердцу горячо.
...Сумка на пол брошена.
В окнах свет погас.
«Ты моя хорошая...»
Вот и двое нас.

* * *

Просто падал мокрый снег.
Из подъезда человек
Вышел утром, как обычно.
Шел походкою привычной.
Быстро за угол свернул.
...На окно и не взглянул.

* * *

«Извини. Я в цейтноте опять. Извини...»
Отрезвляюще хлынули дни.
«Занят я. Извини. После перезвони...»
...Извини.

Извини.

Извини.

* * *

Событий я не тороплю.
Я настоящее люблю.
Среди зимы в стакан не ставлю ветку.
Не жду, когда обманутый листок,
Почуя струй хлорированный ток,
Прорвет свою коричневую клетку.
Он худо-бедно, бледно доживет
До той поры, когда растает лед,
Когда собратья, радостно дрожа,
До верхнего достанут этажа.

* * *

Рябина гроздьями качает,
Как правосудие весами.
На гроздь послаще птица сядет —
И две другие перевесит.

Кого ты судишь? Что бросаешь
На чашу сердца и рассудка?
Рябина — да. Рябине можно.
Она своею кровью платит.

Владимир Семенов

* * *

Раскинув руки,
я хотел обнять
весь этот город
с реками, мостами,
пять миллионов жителей понять,
и с каждым обменяться адресами,
и в гости пригласить к себе домой,
чтоб поделиться добротой и песней...
Но вдруг влюбился —
и с тобой одной
во много раз мне стало интересней.

Шефы

Студенты копают картошку —
веселый беспечный народ —
и по вечерам
под гармошку
танцуют старинный фокстрот.
На старой гармошке бывалой
играет слепой гармонист,
когда-то отчаянный малый,
когда-то бесстрашный танкист.
Танцуют с парнями девчонки,
дневную забыв суету...

А в доме, достав похоронки,
старухи глядят в темноту.

Татьяна Семенова

Павловск

Жила, казалось, испокон
и каждый камень узнавала,
но и в искусстве есть закон
сопротивленья матерьяла.

Он никогда не будет мой...
И эти ласточки над крышей,
и эти дачи за рекой —
они другую музу слышат.

Не оттого, что до меня
все лучшее поэты взяли —
чужого не занять огня.
Играет Штраус на вокзале,
пьянит Ахматову сирень
персидская. Какое слово!
Ее я вижу каждый день:
сирень — сиренью, что такого?
А может, просто потому,
что писем я не получала
и никогда и никому
свиданий здесь не назначала.

* * *

Я перестала плакать от тоски
И знаю, что от боли не заплачу.
Зачем же так хватаюсь за виски
И говорю: «Такая незадача!»
И даже от банальной передачи
Мои глаза плывут и льется тушь.
Там мелодраматическая чушь,
А я опять, как чокнутая, плачу.
Над самой заурядной телеграммой,
Над псиной благодарной, над цветком,

Над девочкой смеющейся, над мамой,
Что заглянула в гости вечерком.
А там в саду запретная тропинка...
От волшебства фонарного огня
Висит, переливается дождинка —
Боюсь, последней каплей для меня.

* * *

И снова май — предвестник лета.
В его разливе утонуть,
Где от заката до рассвета
От света не могу заснуть...

Тяну губами сквозь травинку
Его зеленое питье,
И снова кажется в новинку
Существование мое...

* * *

Как ты клялся и как отрешивался,
Как ты каялся и кричал.
А потом, перед этой женщиной,
Как потерянно замолчал...

Как мне жаль ее с этой ношей,
Как ей жить теперь, не любя?
Дай же бог ей сына хорошего,
Не похожего на тебя.

Владимир Семков

* * *

Лаяли собаки долгой ночью,
Отгоняя лютую напасть.
Древней бабке жить не стало мочи,
В ожиданье смерти извелась.
Свет зажгла, большой сундук открыла,
Примеряет смертный свой наряд.
Неужели в жизни что-то было?
Было — сплыло,
Ходики стоят.
И когда они остановились?
Близок иль далек еще рассвет?..
Слезы по рубахе покатались,
Думала, и слез-то больше нет.
Покрестясь на темную икону,
Заперла сундук.
Зачем спешить —
Все идет по божьему закону.
Гирю подтянула.
Стала жить.

Ледоход

Опять начался ледоход —
Пора безрассудного риска.
И кажется — вот оно, вот,
Заветное самое, близко.
Плывут ледяные поля
Навстречу судьбе неизвестной,
И радостно чувствую я;
Вновь стало душе моей тесно.
Эх, жалко, что так не всегда!
Обыденность к месту привяжет...
Сойдет снеговая вода —
И в русло душа моя ляжет.

* * *

Нельзя за землю не цепляться
Могучим соснам и дубам.
Им, раз упав, уж не подняться...
Как это просто — слабым нам!

* * *

У каждого ручья свой говорок,
У всякого листка особый шелест.
Бежит, журча, вода у самых ног,
Над головой деревья расшумелись,
И всяк ведет мелодию свою,
И все же тишина кругом такая,
Что, если сам я тоже завою,
Мой голос ей ничуть не помешает.

* * *

Нам природы не перекитрить!
Срубим дерево. Оно бумагой станет.
Все равно упрямо будет жить
И шуметь листвою не перестанет.
И, листая книгу не спеша,
Мог я не однажды убедиться:
Дерева бессмертная душа
Заполняет все ее страницы.

Ирина Сидорова

* * *

Подушки, конечно, крылаты.
Сквозь них пробиваются перья!
Цвета желтка и агата,
хранит их полет материя.
Куда мы на них попадаем,
странствуя по ночам?
Крепко к щекам припадая,
что они шепчут нам?
Осень гнезда осиные
выстудит, не пощадит...
А может, подушка гусиная
осенью затоскует и улетит?

* * *

Я выучу, наверно, наизусть
метель под окнами и ставней перекличку,
расцветку штор и из соседских уст
чужого пса обветренную кличку.
Я этот город выучу всерьез
от сентября до января и дальше.
Черствее крыльев голубых стрекоз
прохожих взгляды, пузырьки на марше
в окне аптечном. Девочка с кульком...
Я выучу. И вьюга повторится.
Герань в душе распухнет легко,
когда мой друг в окошко постучится.
Я выучу бездомный шелест лыжный.
И куст дождя протянется черно,
весь в ягодах, и заведет о жизни
бескрайний разговор через окно.

* * *

А спетые песни совсем не витают, а тают.
И что-то прекрасное хмурые зимы таят.
Быть может, знамена из луковиц прорастают
и, как гладиолусы, в клубах стоят и стоят.
А в клубах клубятся вязальные спицы и флейты,
прозрачные выкройки с запахом марок и вальсы,
и нежное горло, и желудь на спичках, и чей-то
пиджак голубиный, и хлорка, и звезды, и пальцы.
И мой интерес, на минутку сюда залетевший,
меня покидает, ворвавшись в открытую стаю,
куда-то к окну, на дымок, на плафон
запотевший...

И я за него уже не отвечаю.
Я только смотрю, как живут под стеклом
карамели,
как спицы рожают под флейту ржаную жакетку,
как женщина пляшет, как кружки в руках
опустели,
как ливень аптечный мне сонную выдаст таблетку.

* * *

Одуванчиков летные школы
разбросаны под Москвой.
В формах, тонкие, как уколы,
с парашютами над головой
эти летчики долго учатся,
как по звездам лететь на север,
как вырुливать, если тучится,
и как падать в моря и клевер.
Им вручаются карты области
и вручаются карты мира.
Серебрятся, летят под облаком
на муслине, на капле жира.
Мальчик маленький, дунь им в лица!
И в руках наших — странный дед,
может, он их учил таблицам,
выпрямлял, объяснял рассвет?
Будет глаз мой темнее кочки,
будет ждать он снежка и лося...
Где-то летчики-одиночки
лето желтое вдаль уносят.

А на дворе кричит ворона,
что Сололаки стоят Мекки.
столпотворенье Вавилона
являют старцы и калеки.

И вновь готовят полотенца
и точат нож — вот работенка!
Грядущий век берет младенца,
минувший — голову ягненка.

Валерий Слуцкий

Из цикла «Стихи о провинции. Тверца»

Река времен в своем стремленьи...

Г. Р. Державин

Река времен былого полноводья
Вмещала окрыленные суда.
Трещали сходни, хлопали поводья,
И между бревен пенилась вода.

Покуда быстротечные года
Не обнажили донные уголья,
Где спутанные цепи и ободья
Оставлены до Страшного суда.

Забвенье, уносящее по крохам
Реальность, завершившимся эпохам
Назначило безмолвствовать на дне

Затем, чтобы, оттертое от ила,
Былое из грядущего явило
Себя в непреходящей новизне.

Из цикла «Тень»

1

...Не отступаешь от меня
При свете ночника или огня,
И если раздвигаю шторы дня —
Повсюду каждый шаг не мой, а наш.
То стелешься у ног, то льнешь к стене,
Кривишься на зашторенном окне,
Внезапно придвигаешься ко мне —
Реальности моей двухмерный страж.

Ты профиль мой копируешь, но в фас
Ни тени сходства в облике у нас.

Вскарабкиваясь, точно верхолаз,
Проскальзываешь всюду, как змея.
Пути не разбираешь при ходьбе,
То, кажется, склоняешься в мольбе.
Любая из вещей нужна тебе,
Как только к ней притрагиваюсь я.

Не облако, не тело, не земля —
Молчишь, со мной реальность разделя.
Не блеск светил, но пламя фитиля,
Ничтожное, тебя приводит в дрожь.
Меня положенья и черты,
Собой не заполняешь пустоты,
Но споришь с перспективою, где ты
По мере удаления растешь.

2

Под лучами светил, под фонарным шестом,
На квадратах паркета
Я — лазутчица тьмы и тобой, как щитом,
Закрываюсь от света.

Лишь в огарке страшит любопытство огня.
Вещи светом обрамя,
За тобой, точно сияясь увидеть меня,
Выгибается пламя.

Но не в силах помочь бытию твоему
Лучезарная свита,
Потому что я — дверь в бесконечную тьму,
Что всегда приоткрыта...

* * *

Сперва игрушечной и ломкой
К нам возвращается зима
И неуверенной поземкой
Ночами тычется в дома.
Упавший снег как бы случаен,
С земли высвечивая тьму,
Еще он гость, а не хозяин,
И лунный выводок окраин
Лишь удивляется ему.

Надежда Смирнова

Пробуждение

Нетерпеливо дышит занавеска,
посвечивая краешком окна...
Ты подойдешь, ее отдернешь резко —
ворвется в нашу комнату весна!

Заполнит воздух щебет воробьиный,
сирени аромат, ребячий визг,
шипящей сковородки запах блинный
и твой веселый мелодичный свист.

А в тесной кухне солнечно и жарко,
пыхтящий чайник важен и пузат...
Все так знакомо, памятно и ярко,
что невозможно разомкнуть глаза.

Таврический сад

Вот опять,
словно лет восемнадцать назад,
я из детства смотрю изумленно,
как меня осыпает Таврический сад
листопадом доверчивых кленов.

Будто легкие перья Жар-птицы летят —
россыпь желтых, лиловых —
воздушных —
над прудом, где пугливая стайка утят
приручает детей непослушных.

На обжитой скамье, кто — вникая в роман,
кто — в извечный сюжет разговора,
восседает Всемирное Общество Мам,
устремляя тревожные взоры

в запыхавшийся воздух,
где топот и смех —
самый звонкий, безудержный, бурный...
Нестареющий сад!
Ты имеешь успех,
ты, как прежде, любимый и юный.

И, мое пожелтевшее детство храня,
крутишь старую пленку,
и все же
не узнал и оставил за кадром меня
в роли сентиментальной прохожей.

* * *

Любовь слезами не вернешь,
любовь словами не удержишь...

К стеклу холодному прильнешь:
снег ослепительный и свежий,
на ветках дремлют снегири,
на крышах — розовые тени...

А с этой стороны, внутри, —
зеленое тепло растений,
воды кипящей пузырьки,
утюг на скатерти суконной...

А так, казалось бы, близки
мир комнатный и законный.

* * *

...И жизнь моя не кончится за той
чертой — неотвратимой, неизвестной,
которая пугает пустотой,
непостижимой бесконечной бездной.

Безмолвные могилы. И цветы
на них нежны, беспомощны как дети...
Передадутся дедовы черты
ему, еще не жившему на свете.

Еще не слышно сердца,
но во мне —
уже бессмертья моего начало...
Опять прислушиваюсь к тишине:
шумят осины, дятел на сосне.
Когда бы вся планета так молчала!

И жизнь отца не кончится за той
чертой...

Диана Сулейкина

Разговор

«Где ты был?» —

«Я искал тебя всюду». —

«Как узнал ты меня?» —

«Не секрет:

Я заглядывал в лица людям,

Все казалось, чего-то в них нет...» —

«Что ж искал ты? Какую приметку?

Расскажи. Успокоюсь, поняв». —

«Мне приснилось, есть девушка где-то,

Та, что спросит однажды меня:

«Где

ты

был?..»

* * *

«Признайся: ты ласки ведь хочешь? Любви?» —

«О них я мечтала немало!»

Он угли горячие кинул:

«Лови!»

Я думала — счастье.

Поймала...

* * *

Нахмурило брови стобровое небо!

И солнца не видно. Глядит исподлобья.

Ах, если б сегодня таким же ты не был,
А был бы веселым, внимательным, добрым!

Вот озеро стало, как небо, стобровым...

Но, может быть, воду морщинит не ветер?

Молчишь ты насмешливо, чуждо, сурово.
Ты вздох не расслышал. На взгляд не ответил.

* * *

Не окончив одно, начинаю я новое дело.
Я тебя долюбить, допонять до конца не успела.
Не понять мне, как лошади бегают в цирке
по кругу,—
Мы с тобою устали бы и надоели друг другу.
Если даже мы встретимся завтра иль встретимся
позже,—
Как деревья листвою, мы все же одеться не сможем,
И не сможем смотреть мы с тобою в затылок друг
другу,
Если нам, словно в цирке, досталось бы бегать
по кругу!

* * *

Ей сняли ошейник.
И бегала
Она, задыхаясь, не веря,
По снегу,
по снегу по белому,
Что бил из-под лап ее веером.
Потом она села... Вновь встала
И, уши прижав обалдело,
Забыла, а может, не знала,
Впервые не знала: что делать?

Анатолий Трохин

* * *

Не первый год душа моя сыта,
Охвачена довольством и дремотой.
Она не хочет больше ни черта —
Ни слез любви, ни ломовой работы.

И надо грому трахнуть по стеклу
Или утрате полыхнуть по нервам,
Чтобы она опомнилась в углу —
Беспечная, закормленная стерва.

* * *

Подъезда серые ступени,
Знакомый, гулкий полумрак
И две обнявшиеся тени,
Что не расстанутся никак.

Неутомимый, сумасшедший,
На нервных крыльях молодых,
Сквозняк весны давно прошедшей
Над лестницами носит их.

А мы сидим с тобой за чаем,
Как будто вовсе ни при чем,
О них уже не вспоминая,
Не сожалея ни о чем.

День промелькнет обыкновенно,
Но, лишь заснешь ты у плеча,
Они украдкой, неизменно
К нам прилетают по ночам.

Сеновал

Мне б ласточкой в окошко слуховое —
И слушать в теплом, глиняном гнезде,
Как старых балок дерево сухое
Шумит во сне о грунтовой воде.

Внизу помет и прелая солома,
А выше, от угла и до угла,
Торжественно лежат и невесомо
Цветов и трав душистые тела.

Мне б не нарушить вековой порядок,
На прялки потемневшие взглянуть
И души незнакомые прабабок,
Парящие над ними, не спугнуть.

* * *

Надумаешь однажды, и поверишь,
И будешь жить, обиженный судьбой,
Казаться будет, что закрыли двери
Пред умным и талантливим тобой.

Не поняли — какая незадача!
И все, чем ты гордился до сих пор,
Под строгим взглядом явится иначе,
Как странный и невежественный вздор.

Когда же накипь боли и досады
Со временем от сердца отойдет,
Ты все-таки промолвишь: «Это ж надо,
Как этот мир струится и поет!»

* * *

Еще не рожденному ребенку

Кто ты, будущий и тайный,
Хочешь вырваться на свет?
В этот быт полувокзальный,
Где душе покоя нет.

Ты — беспечная улыбка
Над нелепостью смертей
И прекрасная ошибка
Двух растерянных детей.

Дмитрий Филимонов

* * *

А ты не мучайся, не бойся, ты скажи,
но так, чтоб не было в словах ни капли лжи,
не так, как с детства нас учили и потом,
не так, как принято, не так и не о том.
Скажи, как хочется, как просится с души,
скажи, как шепчется, как верится, скажи,
скажи о том, о чем не просят... и пойми,
что это — лишнее в общении с людьми.

* * *

Можно пальцем писать на стекле,
если окна судьбы запотели,
если ходят часы на стене,
отмеряя шагами потери.

Можно пальцем писать на стекле
и сквозь буквы прозрачного слова
вдруг увидеть себя на земле,
но себя не такого... иного.

На стекле можно пальцем писать
о любви, о свободе, как будто
влажной дымкой, минут через пять,
не затянет прозрачные буквы.

Женщина

У женщины этой трехлетняя дочь,
потомственный пьяница муж,
квартира без ванной, но с видом на ночь
и переселение душ.

У женщины этой — костюм и пальто,
две юбки и пара сапог,
и стол на работе, и верные сто
плюс премия, минус налог.

У женщины этой — большой магазин,
где в каждом отделе с хвоста
она продвигается мимо витрин,
как будто в святые места.

У женщины этой сияет в углу
намазанный счастьем экран,
и колется вечер носком об иглу,
а нитки уходят в туман.

У женщины этой напротив окна
любительский фотопортрет,
на нем — грациозна, смешлива, нежна —
девчонка шестнадцати лет.

Владимир Филиппов

* * *

«По кирпичику, по камушку, по досочке...
Гнутый гвоздик выпрямлял, а не бросал.
Все для дома, все для сына, все для доченьки.
Был хозяином — косил, пока роса.»

Дом построен, сад ухожен, дети подняты —
век живи да эту чашу наполняй.
Вот сижу один. Бог дал — зашел сегодня ты.
Не спеши, к тебе вопросик у меня.

Объясни ты мне, куда слова деваются?
Я ль детей добру и правде не учил?
Напишу письмо — деньгами отзываются.
Вот такие мне под старость калачи...»

В крепких клетках за окном резвятся нутрии,
бултыхаются в коричневой воде.
Под скамейкой, в старой чашке, гвозди
гнутые...
Гвозди ржавые — не зерна в борозде.

Весенний снег

Снег — по зелени, по лицам.
Пригибается трава.
На него не разозлиться,
он ни в чем не виноват —
запланирован природой,
предугадан комарьем.
Превратится в грязь и воду.
Мы его переживем...
Только жаль,
что птиц не слышно
и, как будто в горьком сне,

на ветру
с невесты-вишни
лепестки срывает снег.

Вина

Путейцы вдоль насыпи встали рядком.
Загар — не бывает темней.
И женщины взгляд безразлично, легко
скользнул по соседу, по мне.

Голубенький шарфик коснулся щеки,
напомнив морскую волну.
Жарища. Песок. Электричек гудки.
Все. Больше в окно не взгляну...

Смотри не смотри, только там, за спиной,
все дальше и дальше — она,
твоя и моя, наяву, не в кино,
ворочает шпалы вина.

Елена Филиппова

Каменя

Эта твердость шеи немея
я разглядываю черты лица
молодого воина на камее
века первого или конца

второго
в обрамлении золотого
сияния
эта юность спешит в изгнание
за пределы Рима родного

чтоб храниться в запасниках
с датировкой неточной в описи
или в жадных чужих руках
спать в забвении а не в почести

кто он был? на челе венки
взгляд привычный песку и свету
молод царствен и так жесток
воин с каменного портрета

смерти алчущий тих и строг
этот юноша — или может
неизвестный латинский бог?
пусть певец о нем песню сложит

* * *

Голубые вечера
бедствие слепящей стужи
я читала до утра
но Конфуций шел все туже

нет не создано для нас
сухоумие морали
мы желаем в день печали
возвышающий рассказ

чтоб повеяло теплом
чтобы слезы проступали
а Конфуций не о том
он бессилён в день печали

он разумен
но когда
в горле горькая простуда
нужен Пастырь и Иуда
и пророчица-звезда

нужен тот церковный слог
с дивной нежностью созвучий
этот Бог с заглавной
Бог
а не разум
а не случай

* * *

Акаций листва серебряная
в изголовье осени
перекатывает свет на ладони дня
перечитываю Доски судьбы Велимира Хлебникова
и печаль охватывает меня

что добавить к судьбе
председатель земного шара
упокоен навеки он в шаре своем земном
где сплелись корневища
где каждый находит пару
где стрекочет кузнечик в бессмертном саду времен

что добавить к судьбе
революций голодный опыт
под шуршанье страниц черных формул корявый строй
и провидческий свет проходящий сквозь гарь и копоть
в ту глубинную ночь под тяжелой земной корой

Памятник

Он топчется под сумрачными окнами
застенчивый и грустный человек
он к миру не прирос у неба отнятый
и черен постамент и беден снег

пойдем-ка отогреемся в подъезде
у теплой батареи посидим
но он стоит на площади где прежде
знакомые раскланивались с ним

и снег летит на волосы на плечи
и к ветру его тянется рука
как будто в самом деле этот ветер
возьмет да унесет за облака

Алексей Флотский

Май

Нет выверенных дат начала лета.
Но как за утро распустились листья!
И капилляры сосенок прогретых
мерцают кровью желтой и смолистой.

Дымками прогорают на покосах
стремительные вспышки одуванчиков
и пробуют над заводами воздух
листы кувшинок лапками кошачьими.

Белое вязание

Белую шерсть вяжут тонкие спицы,
стынут над белой работой ресницы,
что вам придумалось, пусть и случится:
белый жакет или белая птица.

Дымного вечера белая пленница,
что вам мечтается в сквере бензиновом?
Ждете скитальца? Измучены зимами?
Кончится нить — значит, что-то изменится?

Северной ночи условные тени,
переплетаясь, стекают на запад...
Словно мохнатая, добрая лапа,
ваше вязанье лежит на коленях.

Впервые

Наступит час плаща и посоха —
и все, кого я так любил,
впервые крыльями раскосыми
сверкнут из пасмурных глубин.

И птичий вал, летящий бешено,
серебряной изнанкой крыл,
щемящим пухом неизбежного
вобьет меня в земную пыль.

Ведь я, всю жизнь сгребая посохом
дорог пустынных чистый жар,
всю жизнь горячим током воздуха
любимых на лету держал.

Белая ночь

Я до утра брожу ошеломленным гостем,
и, словно метроном, настойчиво стучит
янтарный светофор пустого перекрестка
на пульсе городском в таинственной ночи...

Пока разведены мосты на синий остров
и ветер верховой нетороплив и чист,
мне душу лепит ночь из лунной капли воска,
упавшей

с Монферрановой

свечи...

Апрель в Батуми

Над Батуми туман
все пути занавесил.
Я, наверно, добрался
до края доступной земли.
Здесь железных дорог
обрываются рельсы,
лишь в обратные рейсы
отсюда идут корабли.

Над Батуми туман
и печаль межсезонья.
По кофейням в пальто
и фуражках сидят старики.

И усталая тень
петроградского беспризорника
ковыляет за мной
в переулках глухих.

Октябрь

Опиленная липа, как перчаткой,
поскрипывает зимней древесиной,
и памятники прямо на прохожих
ступают из тумана. Осторожно
в бутылочки развилок тополиных
последний свет разлит и запечатан.

С ладони душу выкормила осень
другая, давняя... В саду за Смольным
сгребают жар — и дым до небосвода.
Минуты на медовом донце года
пасутся стайкой, насыщаясь вдоволь,
и улетают зябко, словно осы...

Север

До утра костру острова баюкать,
за леса плывут облаков полосы,
словно катит ночь по скобленным доскам
полной пригоршней ледяную клюкву.

Наступает час голубой лисицы,
в темноту глаза отведешь от углей —
и зрачок зеленый плывет по кругу
и хрустит душа на клыках зарницы...

Юлия Хайрутдинова

* * *

В калитке, для зонтика узкой,
Невольню шаги задержу.
Сквозь дождь проливной петербургский
в Румянцевский сад прихожу.

Пальто от дождя тяжелее,
И, плечи сутуля под ним,
Иду по короткой аллее
К колонне с орлом золотым.

Он замер, большой и бессильный,
И грозно, скрывая испуг,
Беспомощных маленьких крыльев
Блестящий раскрыл полукруг.

И капли звучат дождевые
Как будто отчетливей тут,
И звонкие птицы живые
На вымокших ветках поют.

Письмо

Написала письмо — порвала.
Если к сердцу прихлынула мгла,
Что слова на таком расстоянии:
Белый снег, что летит к фонарю,
Я тебе в утешенье пошлю,
Свет и ветер, движенье, мельканье,
В раме — черную льдину стекла —
Лоб прижать, чтобы боль отошла...
И притихшего утра сиянье.

* * *

Когда лицо с портрета, вопреки
Тем нескольким векам, что между нами
Теперь лежат, глядит в мои глаза,
И странное живое выражение
Едва скользит в его спокойном взоре,
Что время мне? С каким недоумением
Я думаю, что триста лет прошло
С тех пор, как этот взгляд проник в сознание
Художника — так, как сейчас в мое, —
И на листе бумаги отразился...

Художник неизвестен. От него
Портрет остался. Неизвестен также
Изображенный на портрете. Он
Оставил взгляд и грустную улыбку,
Что тоже больше имени. Для них
Не страшно время... Что-то от меня
Останется, когда исчезнет имя?

* * *

В начале осени ночная темнота
Почти бесформенна и льнет к вагонным
стеклам,
Стремясь, как бабочка мохнатая, на свет.

В вагоне поезда уютно и тепло,
Хотя немного жутко от привычки
Людей вокруг не замечать друг друга.
Как будто бы ряды миров бескрайних
На желтых лакированных скамейках,
И в каждом — пять утра, и в каждом — осень,
И каждый скрыт отдельной темнотой.

Анатолий Цветаев

Фотоателье

Я наблюдал работу ретушера,
Дивился рукотворным чудесам,
Как «делал важность» мой приятель Жора
Прическам ветреным и вздернутым носам.

Красавице увядшей «сделал губы»,
И вялому парнишке «влил азарт»,
И обаянием расцвел какой-то грубый:
Как блещут ласкою сердитые глаза!

А Жоре некогда. Заказчик ждать не может.
Творит без перерыва на обед:

. умнее
. веселей
. милей
. сильнее!
. моложе!

Зачем им правда о самих себе?

Заказчик прав всегда.

И нет альтернативы.

Лжет беспристрастный объектив.

Ты женщина — так, значит, ты красива!

Мужчина — пусть тобой гордится коллектив!

Этюд о дожде

Я — дождь.

Я в городе случайно.

Я много дней отчаянно стучу

В глухие двери, в окна чайных,

Поверите?! Никто не крикнул: «Муть!»
И в комнате вдруг стало больше света.
И вот тогда я понял, почему
Счастливыми не могут быть поэты.

Нина Чудинова

* * *

Вновь деревья наги и печальны —
Покбрились они ноябрю.
На ступенях у стенки причальной
На уставшую реку смотрю.

Я брожу с неотвязною думой:
Вот река — и она от забот,
Суеты и вселенского шума
Убегает на время под лед.

* * *

Город затих в полумраке..
Слышу
Средь темных дворов
Лай одинокой собаки,
Стук одиноких шагов.
Сердце сомненье тревожит:
Чьи там шаги в тишине?
Может, слышалось,
Может,
Ты возвратился ко мне.
Все, в чем виновен,
Простила.
И наконец поняла,
Что без щемящего: «Милый!»
Счастлива я не была.
Дверь не скрипит в полумраке,
Смолкли в безмолвье дворов
Лай одинокой собаки,
Стук одиноких шагов...

* * *

Бывают мгновенья,
Бывают —
Листву осыпают леса,
И в памяти вдруг оживают
Не люди —
Одни голоса.
Вот голос подруг из детдома,
Хоть тысяча лет до него.
Я вздрогну от этого зова,
Открою глаза —
Никого.
И снова — далекая фраза,
Чужие зовут —
Не родня.
И только твой голос
Ни разу
Еще не окликнул меня.

* * *

Волнующе грибами пахнет лес.
И мне сейчас, по-детски суматошной,
Покажется вдруг чудом из чудес
Волнушки шляпка в дочкиной ладошке.

Владимир Шалыт

Андрей Рублев

Казнящий нас, да будешь ты наказан!
Дарящий боль, ты сам ее вкуси!
Есть летописцы в толпах богомазов —
Явление святое на Руси.
И всякий век (да разве дело в веке)...
Но всякий век, создавший чудеса,
Нуждается в подобном человеке,
Как в солнце голубые небеса.
И стены содрогаются от боли,
Когда князьям и свите напоказ
В прекрасном белокаменном соборе
Замазывает бога богомаз.
Но время расправляется сурово
Со многим, что содеяно вчера,
И проступает светлый бог Рублева,
Очищенный от красок маляра.
То бог Рублева или лик Рублева —
Не все ль равно — в их взгляде синева,
И проступает истинное слово
Сквозь все ненастоящие слова.

Евгений Шведов

Кино о Пушкине снимают

Кино о Пушкине на площади снимают
Дворцовой и на Певческом мосту.
Голубизна небес глухонемая
Приникла нежно к ангела кресту.

Мороз и солнце. Право же, чудесный
Сегодня день. И порист, точно сыр,
Гранит на Мойке. Ах, как интересно:
На площади гарцует кирасир.

И наблюдает из кареты дама,
Как жгут на льду заснеженном костры
Лжемужики совместно с господами
Киношниками. Рифмы на «еры»

Не подобрать. Оказия какая...
Но отвлекусь. На киверах орлы
У всадников. Какая масть — какао,
Не жеребец, а «Золотой ярлык»!

Занервничал. И на дыбы. И ржанье
Могучее. Пар валит из ноздрей
Трепещущих. Но — шенкеля. Державной
Пустился рысью, далее — скорей.

Толпа разжалась, пропустила, сжалась
Опять, чтобы смотреть, как «генерал»
Не очень ловко в стремя — что за шалость —
Ботинок «сорокоходовский» вдевал,

Краснея и кряхтя... Перечисленье
Оставим. Вот за эту к съемкам страсть
Расплачиваюсь (через оцепленье
С обеда мне на службу не попасть).

Раскрываю издание Марксово
В коленкоровых крышках синих,
Погружаюсь в чтение Гамсуна,
Голод свой утолив апельсином.

Но бросаю. Скучно становится
В фьордах прозы, в северном Осло:
Эти фрекен, и фру, и чиновники,
Точно снежные бабы. В кресло

Глубже сяду. В окно раскрытое
Протянула белые руки
Мне черемуха. И антрацитовый
Нежный взгляд спаниеля-суки,

На коленях лежащей, греющей
Их и несколько тяжелящей,
Разомлевшей от каши гречневой,
Широко зевающей, спящей

Сей же миг так крепко, что лапами
Всеми вздрагивает и тихо
Лает так, что слышно, как хлопнули
Двери в нашем парадном, и эхо

Голосов... Я все свои промахи
Во внезапной вдруг вспомню дремоте...
Нынче буйно цветут черемухи —
Значит, ветреной быть погоде.

День ВМФ

Моста Литейного левой
Стоят в надводном положенье
Три субмарины. Кораблей
Локаторы, вооруженье...

Небесная над ними твердь
Чиста. И может показаться —
Таят бессмертье, а не смерть
Ракетоносные красавцы.

И тянется рука поднять
К глазам бинокль, чьи помнят линзы
Взрыв «Петропавловска», опять
Смотреть спины широкой из-за.

Идет приборка, и флажки
Уже развешаны на мачтах,
И в белой форме моряки
Нам улыбаются и машут.

Юрий Шестаков

Богиня микромира

Мигают лампами приборы...
Прозрачные смешав растворы,
из их молекулярной бури
творишь небесный цвет лазури, —
в нем, продолжаясь, взор твой тонет...
Сидишь на стуле, как на троне,
в халатике прохладно-белом,
повелевая гордо, смело
всем содержимым колб, пробирок...
«Да ты богиня микромира!
Куда мне, смертному созданию,
с тобою назначать свиданья,
пустыми тешиться мечтами,
часами стоя под часами?»
Махнешь рукой в ответ на шутку:
«Ну подожди еще минутку.
Должна я нынче непременно
закончить часть эксперимента». —
«Чтобы твои микровладенья
не вышли из повиновенья?»
Вздохнешь рассеянно:
«Едва ли...» —
«Богов — и тех ниспровергали,
а ты ведь — женщина». —
«Беспорно». —
«Но этой кандидатской скоро
докажешь ты элементарно,
что и любовь корпускулярна...
Взгляни, какая нынче осень!»
Защитные перчатки сбросив,
даль за окном измеришь взглядом,
задумаешься, стоя рядом,
и словно вдруг издалека
к моей прильнет твоя рука,
прося прощенья за разлуку,
за каждый миг, следящий строго,

Виктор Ширали

* * *

Вот уж три года
Как мы расстаемся
Три года
Трижды на круги своя
Возвратиться успела природа
Трижды деревья цвели
Отлетали прилетные птицы
Вот уж три года
А нам все никак не проститься

Грузное небо над нами грохочет удачей
Верхом проходят
И звезды и войны и встречи
Вот уж три года в прощальном прощении
бьемся

Где-то встречают и любят
А мы расстаемся

Шансон на крике поутру
Врубить на полную катушку
Чужую страсть в упор прослушать
Кричи
Иначе я умру

Да
Я давно мечтал о том
Чтоб не слова, а только звуки
Мелодия как к горлу ком
Как к горлу руки

Живу на музыку
Обрывками мелодий
Ну знаете привяжется с утра
Какая-нибудь
— Какая эта?
— Эта вроде.
— Это сердце
Сегодня сердце у меня с утра.

Перебирая ваши пальцы
Ищу утраченный мотив
— Вы больно сделали!
— Простите
Мне видно вовсе не найти
— Нет продолжайте
— Ну зачем же?
Я нот не ставил на листе
Казалось что навек затвержен
А может клавиши не те?
— Да может клавиши не те

Был день без горя и забот
Под парусами в море вышли
И в поцелуи словно в вишни
А косточки плюю за борт

О день без горя и забот!

* * *

Светлейшей воды,
В серебре минимальной оправы,
Заносчивый камушек
На пальце сладчайшей руки,
Подвергшей меня,
Подвергающей губы и сердце опале.
Но дело к апрелю,
И дни мои снова звонки.

Я прожил,
Я пережил
Четверть чреватого века.
Зима меня выжгла
И вышибла
В горькую,
В дым.
Меня бы поставить,
Как черную черствую ветку,
Еще в декабре,
В склянку комнатной теплой воды.

Но вы...
Но куда уж вам!
Так ли?
Иначе и легче
Я прожил бы эту любовь
В этот год.
Но как бы там ни было,
Я начинаю.
Я начал.
Зеленую свору
Спускаю в разгон,
В разворот.

Валерий Шубинский

Териоки

Не есть ли море только голос,
В полон не взятый тишиной,
Да белизна, что откололась
От темной пестряди земной.

Я знаю, для чего с землею
Здесь вечный спор вода ведет,
И пахнет золотом и хною
Нечищенный осиный мед.

Узорны берега извивы,
Просты у сосен имена,
Они красивы и червивы,
Черна их кожа и красна.

И край улиток и черники,
Шиповника и стертых скал
Не спит, прислушавшись к музыке
Текучих вогнутых зеркал.

Вдруг ветер подует, воздух схлынет,
Забьется в сеточках вода,
И мир трепещущий застынет
И затвердеет навсегда.

Не часть ли огненного строя —
Пронзивший этот мертвый слой
Невзрыхленного пережня
Мохнатый звук, как жук живой?

Александр Шумилов

Художник

Н. Рериху

Из зала в зал меня весь день водили
сверкающая линия снегов,
граница белых льдов и ночи вешней,
молчание зари и человек,
уверенной рукою написавший
кардиограмму сердца моего
на синих небесах высокогорья.

Флейта

Замкнутое пространство ее души
видит тусклый свет через семь отверстий,
каждое из которых
может в любой момент закрыться.

Иногда чье-то влажное дыхание
томит сердце
и рождает нежный шум ветра
(в высоких соснах,
в горных долинах,
на плоскогорьях).

Она умеет петь
со стесненной душою.

Ледоход

Светит солнце.

Северный ветер над Ладогой
с утра загоняет лед в Неву.

У города закружилась голова,
и он медленно двинулся вверх по течению.

Зимний дворец похож на ладожскую льдину,
выброшенную на берег ледоходом.
Кажется, что если взять камень побольше,
ну скажем, Исаакиевский собор,
и ударить им сверху,
дворец со звоном рассыплется
на продолговатые зеленые призмы
и весело истает под синим и жарким небом.

От сфинксов можно на льдине доехать
до спусков моста Лейтенанта Шмидта,
если не отнесет в сторону.
Можно потерять голову и влюбиться,
продрогнуть и простудиться,
не найти дороги домой,
переменить жизнь,
закончить давно начатое дело, не прикасаясь к нему,
помириться с другом
и всех понять.

Пока дует северный ветер над Ладогой.

Юность

Ночь на исходе. Проступает
рисунок облетевших крон.
Он ничего еще не знает.
Он молод, счастлив и влюблен.

Рассвет. Ноябрь. Светлеют кровли.
И он домой несет во рту
непроходящий привкус крови
от поцелуев на ветру.

Утро

Сарьяну

Проснулся мир, но сердце не проснулось
и видит сны.

В полдневный шум еще не развернулась
рассветная улитка тишины.

И все, что будет, словно жизнь сама,
звенеть, искриться,

что днем опять меня сведет с ума,
еще в глубокой синеве таится.

Содержание

I

Вячеслав Андреев

«Литмастеровые со стажем...»	6
«До сих пор на западной границе...»	6
«Вновь в бессонных домах...»	7
«Наступает грустная минута...»	8
«Мы вместе. Но еще в разлуке души...»	8
Не пришла	9
«Я приехал под вечер сегодня...»	10
«Мятущийся и нелюдимый...»	11
«Свист ветра част, как при одышке...»	12

Сергей Бердников

Фотография	13
Эскиз декорации	13
Акварель и карандаш	14
Групповой портрет	15
Последнее стихотворение	15
Мелодия	16
«На прелый парк...»	16
«Как одиноко мы живем...»	17

Татьяна Вольтская

Сова	19
«Как мокро за окном, как пусто...»	19
Элегия	20
«Приезжай, я жду тебя...»	21
«Я — береза, ты — ветер...»	22
«Здесь — жить. А помнить — ту деревню...»	22

В детстве мне очень нравились военные оркестры	23
Река ушла	24

Геннадий Григорьев

«Пусть свободный стих...»	25
«Губами из воздуха слово слеплю...»	25
«Как бы я с этой женщиной жил!..»	26
Возвращение из Москвы	27
Катание на тройке	28
Заблуждение	28
Фронтное письмо	29

Ирина Знаменская

«Да, я бывала молода...»	31
«День не кончен еще: это время...»	31
«Год смеркается. Грядка твоя серебрится...»	32
«Вы со мной совсем не говорите...»	33
Закарпатье, перед грозой	33
«Небо Павловска – в серых потеках плафон...»	34
«Пятнадцать обшарпанных метров бордового ситца...»	35
«На стоге сена ночи звездной...»	36
«И только молодость бессонна...»	36
Вечер в деревне	37
Прощание с Арменией	37
«Вот и к нам воротился уставший от роз соловей...»	38

Елена Игнатова

«Все протяженье брошенной столицы...»	40
К Овидию	40
«Детства опара...»	41
«В воздухе пахнет жильем...»	42
Нашествие	42
«Спим на чужбине родной...»	43
Стихи сыну	44

Евгений Каминский

«Однажды приходит герой...»	46
«Я стану деревом, когда...»	46
Пугало	47
«Не будем, товарищ, вперед забегать...»	48
Цейлон	48
Океан	48
Про скрипку и метлу	49
Диалог падающих елей	50

Ольга Киренко

Слайды	51
«Восток есть Восток...»	51
«Чужой язык... Незнанья мгла нависла...»	52
«Лед взломан – и ветер блаженно устал...»	52
Предчувствие	53
«Прострочена гора...»	53
«Он в этот дом пришел в последний раз...»	54
«От южной блажи нужно отдохнуть...»	54
«С каких доисторических пещер...»	54
«Все в ту же реку я вхожу...»	55
«Цвета стали закаленной...»	55
Ночные гобелены	56

Николай Кононов

«Такую чуть солоноватую полоску...»	58
«Вот уж не гадал, что учителем стану...»	59
«Хоть и окончил физический факультет...»	59
Толкование сновидений	60
ЧП	61
«Вот под Лобачевским в рамке...»	62
На мотив вальса	63
«Сколько этих зеленых пудрениц...»	63
«Вот как дребезжащие мелкой щекотки...»	64
«То ли в старом кино видел...»	65
Военные стихи	66
Звезды	67
«Нежности легкие гнутые алюминиевые саночки...»	68

Борис Краснов

«Улыбаюсь вчерашнему горю...»	69
«Позвонила через годы...»	69
Ветка	70
«В тишину часы роняют звуки...»	70
Деревенский дневник	70
Старые фотографии	71
Астрономическая труба	72
Тополиный пух	72
Белая ночь	73
«Вдоль отвесных стен канала...»	73
Канал Грибоедова	74

Анна Кутыева

«И, улыбнувшись так радушно...»	75
«Когда, возвращаясь домой...»	75
«У меня сосед – куритель...»	76
«Какая радость приходит к друзьям!...»	77
«Я живу на втором этаже...»	78
«Вот Институт переливания крови...»	78
Март	79
«Конечно, я учила интегралы...»	79
«На чужих, нелюдимых диванах...»	79
«Прощай, любимый. Осень наяву...»	80

Алексей Машевский

Один	81
Алексей Федорович Фомичев	81
«Сидя за микроскопом, от яркого света устав...»	82
По вторникам к нам на стажировку приходит студент Дима	83
Начинаю замечать нечто странное	83
«С мостика через речку...»	84
«Он погиб случайно и нелепо...»	84
Загорая	85
«Вечером как-то особенно тихо в саду...»	86
Проходя по вестибюлю гостиницы	86
Звоню в Ленинград жене	87

Встреча	88
Вернувшись на работу	88
«Словно я разбил калейдоскоп случайно...»	89

Наталья Перевезенцева

«...И слезы бабушки моей...»	90
«В пустынных виноградниках вдоль моря...»	90
Баллада о портрете	91
«Как пел соловей под балконом...»	92
Каролина Павлова	93
Путешествие во времени	94
«Иначе жили до войны...»	94
«Сад распускается – перед грозой...»	95
Хозяйка	95
«О чем ты, о чем ты?...»	96

Алексей Пурин

Флюоростанция	97
Выходной	97
Отпускник	98
Жарища	98
В поликлинике	99
Лесное озеро	99
На ламбе	100
«На панихиду обычно в трамвае пустом...»	101
«Оловянные лыжницы и фехтовальщицы...»	102
Пригородная ветка	103
«Свалка стрекоз в саквояжах трамвайного парка...»	103
«Тот, кто писем ничьих не хранил...»	104

Сергей Скверский

«Песочные часы переверну...»	105
«Тот фокусник нам показал коробку...»	106
«Мне вспомнился тот день...»	107
У фонтана «Самсон» в Петродворце	107
«С каждым разом к родителям...»	108
«Войди в мой сон...»	109

Александр Фролов

«Устами младенца... О, крик этот властный!..»	110
«О чем поговорим на сон грядущий?..»	110
«Спешим! Зайдем скорее место!..»	111
Колыбель	112
«Как ты правильно все рассудила...»	113
«Какая-то странная жалость...»	113
Цыганский романс	114
Обмен	115
«Так зорок поэт — ожидаешь невольно...»	116
«Что за названия: Мытнинский, Перекупной!..»	117

Елена Шварц

«Я родилась с ладонью гладкой...»	118
«Как эта улица зовется...»	118
Отземный дождь	119
Подражание Буало	120
Шповник и Бетховен	121
Черемуха и Томас Манн	122
Небесный балет	122
«Мне снилось — мы плывем по рисовым полям...»	122
Джоконда	123
Любовь как третье	124

Зоя Эзрохи

Крючок	125
С точки зрения посудомойки	125
Ода больничному листу	126
«Поссорившись с мужем, я в кухне...»	126
Чаша	127
Начало	128
Сын	129
Воскресным утром	129
Детям	130
Вращение	130
Елизавете Английской	131
Художник	131
«Воспеваю тарелку, траву...»	132

Зима	133
Лесное болото	133
«Погода в капроновом шарфе...»	134

II

Татьяна Бедова

«Кряхтела лошадка...»	136
«Пропели август. На исходе лето...»	137
«Холодное небо – в холодном тумане...»	137
«Холодный март. Скворец-дружок...»	138

Геннадий Безубов

«Холодна опустевшая школа...»	139
«Косит по-птичьи девушка в метро...»	139
Пастораль	140
«Встать, побриться, купить молока...»	140

Ольга Бешенковская

«Гостям – Гостиный. Ярмарка фасонов...»	142
На выставке из частных коллекций	142
«Невесомая ветка порхает у рук...»	143
«Не верю в случайные встречи...»	144
«Как почтительно-тихо машины порхали...»	144
В старом Ташкенте	145

Николай Голь

Прощание	146
Баллада с тенденцией	146
Письмо	147
Друзьям	147
Живородящее дерево Гёте	148
Новая жизнь	149

Сергей Дроздов

Притча про бетон	150
Колька	151
«Ну, герой! По чужим мемуарам...»	151
Новоселье	152
Бабка Фиса	152

Софья Дубовская

«Дышу вечерними цветами...»	154
Наедине с воображением	154
«Как стемнело над Невой...»	155
«На берегу рыбак разлежся...»	155
Алфавит записной книжки	156
«Я в реку заглянула – там...»	157
«Кому – буря, а мне – фонтан...»	157
«Люди убили сосну...»	158

Иван Дуда

«Сказал бы я: музыка есть...»	159
«Предвидя утро, мир вокруг...»	159
Ретро	160
Век	161
«Страна моя плетет узоры...»	161
«Оттого, что ты дома...»	162
Провинциальное	162

Елена Ермак

«По-детски признался, что страшно тебе...»	164
Отцовские цветы	164
Грачиные гнезда	165
Брат	165

Елена Захарченко

Мои товарищи	167
Ночью у Фонтанки	167
Встреча	168
Любовь	168
Начало	168
Розы	169
«А там, в горах, такие есть цветы!..»	169

Елена Кальсберг

«Есть магия звучащего стиха!..»	170
«Есть у поэзии права...»	170
«Если б ты меня любил...»	170
«Мы стали жить благополучно...»	171
Танец	171
«Матери нас истоиво растили...»	172

Михаил Каневский

Подросток	173
«Набирает паровоз...»	173
«Я приду к себе в квартиру...»	174
Уроки музыки	174
«А счастье было в двух строках...»	175
«Ты помнишь эту ночь?..»	175
Гатчина	176

Александр Ковалев

Незнакомка	177
В кофейне на улочке Рану	178
Воспоминание о старой мызе	178

Николай Колычев

Корова	180
«По жизни нас ведут заботы наши...»	180
Сенокосная пора	182
«Позади осталась Колвица...»	183

Марк Котлярский

Мужайтесь, люди!	184
Жена заводит часы	185
Демосфен	185
Огюст Монферран	186

Виктор Кривулин

Художник в поезде	187
Со зрением	187
Садовник тишины	188
Испытание	188
Сестры в зарослях	189
Сестры на полустанке Александрия	189

Андрей Крыжановский

«Проводы, сумерки, желтый вокзал...»	191
«Проснешься — и душу, как рыбку, подцепит...»	192
«Я груз воспитанья несу...»	192
«Как высушить внезапных две слезы...»	192
«В сюжеты годится любой пустячок...»	193
Святочное	193
Драматический театр	194

Алла Михалевич

«Стихи не пишутся...»	196
Сумасшедший	196
Шмель	197
Две вазы	198
«Снега пересыпаны солью...»	198
Сны	199
«Осенней паутинки волосок...»	199
«Выслушать упрек несправедливый...»	200

Михаил Окунь

Аптека магистрата в Таллине	201
Гур-Арье	201
«Опять, опять приходишь ты...»	202
«Бродячий мастер...»	202
«Жара. Окаменела глина...»	203
Обращение к дереву	203
«Гнутся ветки...»	203
Репейник	204
«Я видел озеро во сне...»	204

Ирина Павлова

Прогулка к Свечному переулку	205
В переулке	206
«В простеньком маленьком мире...»	206
Оттепель	207
«Что ты? Не грусти...»	207
«Дом отвернулся...»	208

Олег Пилюгин

Стая	209
«Такой простор, что заблудился ты...»	209
«Носитель зла поизмельчал...»	210
Метаморфозы	210
Одиночество	211

«Слушай! Стоит ли игра...»	212
Пробуждение	212
«И вечер наступил. Едва...»	213
«Ну где ты видишь солнце?...»	213

Давид Раскин

«Город заброшенный, мокрый...»	214
«Столько всего пропустил...»	214
«В шерстяных вечерах, в петлях ворсистого дыма...»	215
«Лязгнул эспандер, растянутый на пять пружин...»	215
«В приморском городке, засахаренном, смешном...»	216
«Дождь — как нотный диктант...»	216
Разрыв	217
Пейзаж	217
«Сухие клавиши черных сучьев...»	218

Галина Скляревская

Глеб Семенов	219
«И сорок дней прошли, как сорок лет...»	219
«О как мы любим в зеркала старинные...»	219
«Стою, обмерев, я...»	220
«И дело решилось...»	221

Александр Танков

«...И наши драмкружки...»	222
Май	222
«Я нищей красотой зимы не очарован...»	223
Георгины	223
Любовь	223
«Василеостровский резкий рассвет...»	224
Лето	224

Эрик Шмитке

Капитаны	226
И снова первый снег	226
«Замерзшим окнам...»	227
«Точно свет фонарика...»	227
На стройке. Обеденный перерыв	227
Зависть	228
Духовой оркестр	228
«Это точно...»	229
Сомнение	229

Эдуард Шнейдерман

«Что за прелесть апрель...»	230
«И юный июнь, и южный ветер...»	230
Оратор	231
Отгадывание кроссворда	231

III

Наталья Абельская

«Любви земной – земной отпущен срок...»	234
«Эта дачная местность в конце ноября...»	234

Ирина Агафонова

«Длинной своею когтистой лапой...»	236
Часы	236

Евгений Балкунов

«Я не сплю, и я все слышу...»	238
Интонации в зимнем сонете	238
Приютино	239

Валентин Бобрецов

«И снова над осеннею землею...»	240
«Должен быть, черт возьми...»	240
«Губы зорче очей...»	241

Лариса Володимерова

«Все королевство за полслова...»	242
«Я сидя сплю...»	242

Сергей Воронов

«Задумайся, молчи...»	243
«За окнами такая благодать...»	243

Елена Галактионова

«Я постигаю постепенно...»	244
«Ну что ты, приятель...»	244
«Я сидела на стуле понуро...»	245

Лев Дановский

Камень	246
«Но как расширить око...»	246
«Душа выбирает меж памятью...»	247

Виталий Дмитриев

«Гибкая ветка спружинит...»	248
«Ты знаешь, а время не шутит...»	248
«Куда, минуя поворот...»	249
«Сквозь наплывы янтаря...»	249

Михаил Дидусенко

«Сколько страшного страху...»	251
Дворец Петра в Летнем саду	251

Елена Дунаевская

Визит	253
«Под богом, под бомбой...»	253

Елена Жабинковская

«О человек, не любящий меня!..»	255
«Начинает метель постепенно...»	255

Анна Журавлева

«В том краю, где снежинки растут...»	256
Лубок «Ожидание»	256
«Стемнело, и ко мне пришла собака...»	257
«В часы зари...»	257

Всеволод Зельченко

Манифест	258
Посвящение врагу	258
Мгновенье	259

Виктор Иванов

«Осторожнее ступай!..»	260
«Многое вспомнить пришлось...»	260
«Что за вода в роднике!..»	260
«В поле колосья пшеницы...»	260
«Как, ни души кругом?...»	260

«Вот так и рождается мысль...»	261
«Лишь палки стук и выдает...»	261
«Оставим спор. Отложим книги...»	261
«Очереди: в магазины...»	261
«Все вещи да вещи...»	261
«Как хлебом пахнет хорошо!..»	261
«Ну, как живется в городе...»	262

Галина Иванова

«Не скучно и не грустно мне смотреть...»	263
На дежурстве	264
«Стою под облаком...»	265

Светлана Иванова

«Мы у окна стоим...»	266
«На свете нет любви...»	266
«Бычи лица бабочек ночных...»	267

Олег Казаков

Дождь. Статуи в Летнем саду	268
Память	269
Советы белой вороне	269

Андрей Карапетян

«Но вдруг тропа оборвалась...»	270
«Как ранней осени движенье...»	270

Игорь Клобуков

«Бабочка появилась на свет вечером...»	272
«Благословенны все наши дороги...»	272
«В перекрещенье площадей и улиц...»	272

Владимир Кологрив

Подорожник	273
----------------------	-----

Галина Куразова

«Стихи — не плод раздумий...»	274
«Приходят к нам олени из лесов...»	274
«Открою дверь в свой лучший мир...»	274
«Пронизывает леса полумрак...»	275
«Не ощущаю моря глубину...»	275

Татьяна Лапшина

Таллин	276
Возвращение в город	276
Посещение универмага	277
Полнолуние	277

Валентина Лелина

«По капельке, неторопливо...»	278
Сфинксы	278
Присутствие Собора	279

Марина Марьян

После концерта	281
«Я к зеркалу все чаще приникаю...»	281
Письма	282

Юлия Матонина

Колыбельная сыну	283
Домишко	284

Михаил Матренин

«Хромые и горбатые влюбляются...»	285
---	-----

Галина Матюшкина

«Девочки-невесты, молчите...»	286
«Кем ты стал, мой нерожденный сын?..»	286

Дмитрий Мизгулин

«Походкой немного нетвердой...»	287
«Солдат идет домой с войны...»	287

Татьяна Мнева

«Бескрыла, бездушна, бездарна ограда...»	288
«Осень. Закатное небо дня...»	288

Ирина Моисеева

«Ты сделался тучей...»	290
«Стыдно видеть...»	290

Сергей Николаев

Автопортреты Пиросмани	291
Пожарная команда	291

Сергей Носов

Из семейной хроники	292
«Красно-ломких закатов Коломна...»	293

Олег Охупкин

Равноденствие	294
Воспоминание о Царском Селе	295
Перед зеркалом	295

Лариса Позина

Плоты	297
Кружева	297
Колосок	298

Елена Пудовкина

«Волшебная страна, восьмое чудо света...»	299
«До тех лишь пор, пока полет секунд...»	299
«Не жизнь идет, но длится черновик...»	299

Татьяна Савельева

«Дремлет одиночество...»	301
«Просто падал мокрый снег...»	301
«Извини. Я в цейтноте опять...»	301
«В избытке время – на разлуки...»	302

Елена Саран

«Утешать себя тем...»	303
«Мы всё слепили...»	303
«Событий я не тороплю...»	304
«Рябина гроздьями качает...»	304

Владимир Семенов

«Раскинув руки, я хотел обнять...»	305
Шефы	305
В горах	306

Татьяна Семенова

Павловск	307
«Я перестала плакать от тоски...»	307
«И снова май — предвестник лета...»	308
«Как ты клялся и как открещивался...»	308

Владимир Семков

«Лаяли собаки долгой ночью...»	309
Ледоход	309
«Нельзя за землю не цепляться...»	310
«У каждого ручья свой говорок...»	310
«Нам природы не пережитрить!..»	310

Ирина Сидорова

«Подушки, конечно, крылаты...»	311
«Я выучу, наверно, наизусть...»	311
«А спетые песни совсем не витают...»	312
«Одуванчиков летные школы...»	312

Евгений Сливкин

«Мы, помесь кашалота и галоши...»	313
Армянская церковь в Тбилиси	313

Валерий Слуцкий

Из цикла «Стихи о провинции. Тверца»	315
Из цикла «Тень»	315
«Сперва игрушечной и ломкой...»	316

Надежда Смирнова

Пробуждение	317
Таврический сад	317
«Любовь слезами не вернешь...»	318
«...И жизнь моя не кончится за той...»	318

Сергей Стратановский

Террорист	320
«Трудно зарубцеваться детским обидам...»	320

Диана Сулейкина

Разговор	322
«Признайся: ты ласки ведь хочешь?...»	322
«Нахмурило брови стобровое небо!...»	322
«Не окончив одно, начинаю...»	323
«Ей сняли ошейник...»	323

Анатолий Трохин

«Не первый год душа моя сыта...»	324
«Подъезда серые ступени...»	324

Сеновал	325
«Надумаешь однажды, и согласишься...»	325
«Кто ты, будущий и тайный...»	326

Дмитрий Филимонов

«А ты не мучайся, не бойся...»	327
«Можно пальцем писать на стекле...»	327
Женщина	327

Владимир Филиппов

«По кирпичику, по камушку...»	329
Весенний снег	329
Вина	330

Елена Филиппова

Каменя	331
«Голубые вечера...»	331
«Акаций листва серебряная...»	332
Памятник	333

Алексей Флотский

Май	334
Белое вязание	334
Впервые	334
Белая ночь	335
Апрель в Батуми	335
Октябрь	336
Север	336

Юлия Хайрутдинова

«В калитке, для зонтика узкой...»	337
Письмо	337
«Когда лицо с портрета...»	338
«В начале осени ночная темнота...»	338

Анатолий Цветаев

Фотоателье	339
Этюд о дожде	339
Горизонт	340
Беседа с трудными подростками о поэзии	340

Сергей Чалов

«Река Серёжа, станция Серёжа...»	342
«Стоит старушка с букетом астр...»	342

Нина Чудинова

«Вновь деревья наги и печальны...»	343
«Город затих в полумраке...»	343
«Бывают мгновенья, бывают...»	344
«Волнующе грибами пахнет лес...»	344

Владимир Шальт

Андрей Рублев	345
-------------------------	-----

Евгений Шведов

Кино о Пушкине снимают	346
«Раскрываю издание Марксово...»	347
День ВМФ	347

Юрий Шестаков

Богиня микромира	349
«Вздыхаешь, о долгом ненастье твердя...»	350

Виктор Ширали

«Вот уж три года...»	351
«Светлейшей воды, в серебре...»	352

Валерий Шубинский

Териоки	354
-------------------	-----

Александр Шумилов

Художник	355
Флейта	355
Ледоход	355
Юность	356
Утро	357

Молодой Ленинград: Сборник молодых поэ-
М75 тов.— Л.: Сов. писатель, 1989.— 384 с.

ISBN 5-265-00726-1

Итоговый поэтический сборник по материалам работы XVIII конференции молодых литераторов Северо-Запада дает широкий обзор состояния всей молодой поэзии Ленинграда, отражает определенный этап ее развития.

М 4702010202—042 227—89
083(02)-89

ББК 84.Р7

Составитель

Герман Борисович Гонпе

Молодой Ленинград

Сборник

Редактор **Т. С. Х а р ы к и н а**

Худож. редактор **Б. А. К о м а р о в**

Техн. редакторы **Г. В. М и с ю л ь, Ю. А. Д и а н о в а**

Корректор **Р. М. Д а н ц и г**

ИБ № 7090

Сдано в набор 23.05.88. Подписано к печати 19.04.89. М 21096. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага тип. № 1. Гарнитура Таймс. Высокая печать. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд.
л. 14,96. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1584. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомиздате СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ

Абрамов Ф.

Повести.— Л.: Сов. писатель, 1989.

В книгу выдающегося советского писателя, лауреата Государственной премии СССР Федора Александровича Абрамова (1920—1983) вошли хорошо известные широкому читателю повести «Деревянные кони», «Пелагея», «Алька», «Безотцовщина», «Вокруг да около», «Мамониха», «Жила-была Семужка».

Жур П.

Дума про огонь:

Повесть. — Л.: Сов. писатель, 1989.

В книге рассказывается о том периоде жизни великого украинского поэта Т. Г. Шевченко, когда он весной 1846 года вступает в тайную политическую организацию — Кирилло-Мефодиевское общество: Это происходит во время второго путешествия поэта на Украину в 1846—1847 годах. Шевченко только что окончил Академию художеств в Петербурге, он полон творческих планов и замыслов. В эти годы создаются такие шедевры, как «Завещание», «Сон», «Кавказ», «Еретик» и др.

